

Бертрис
СМОЛЛ

Все радости —
завтра

Сага о Скай О`Малли

Бертрис Смолл

Все радости – завтра

«Издательство АСТ»

1984

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Смолл Б.

Все радости – завтра / Б. Смолл — «Издательство АСТ»,
1984 — (Сага о Скай О`Малли)

ISBN 978-5-17-106775-5

Какой-то жестокий рок преследует героиню романа Скай О`Малли, незаурядную женщину с горячим сердцем. Один за другим погибают ее мужья. Но после множества испытаний и ударов судьбы она наконец встречает Адама де Мариско, мужчину, который сумел подарить ей ни с чем не сравнимое счастье. И это счастье не покидает ее до конца жизни.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-106775-5

© Смолл Б., 1984
© Издательство АСТ, 1984

Содержание

Пролог	9
Часть I	16
1	16
2	37
3	59
Часть II	90
4	90
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Бертрис Смолл

Все радости – завтра

Bertrice Small

ALL THE SWEET TOMORROWS

Перевод с английского С.В. Зинина

Компьютерный дизайн Н.А. Ясыревой

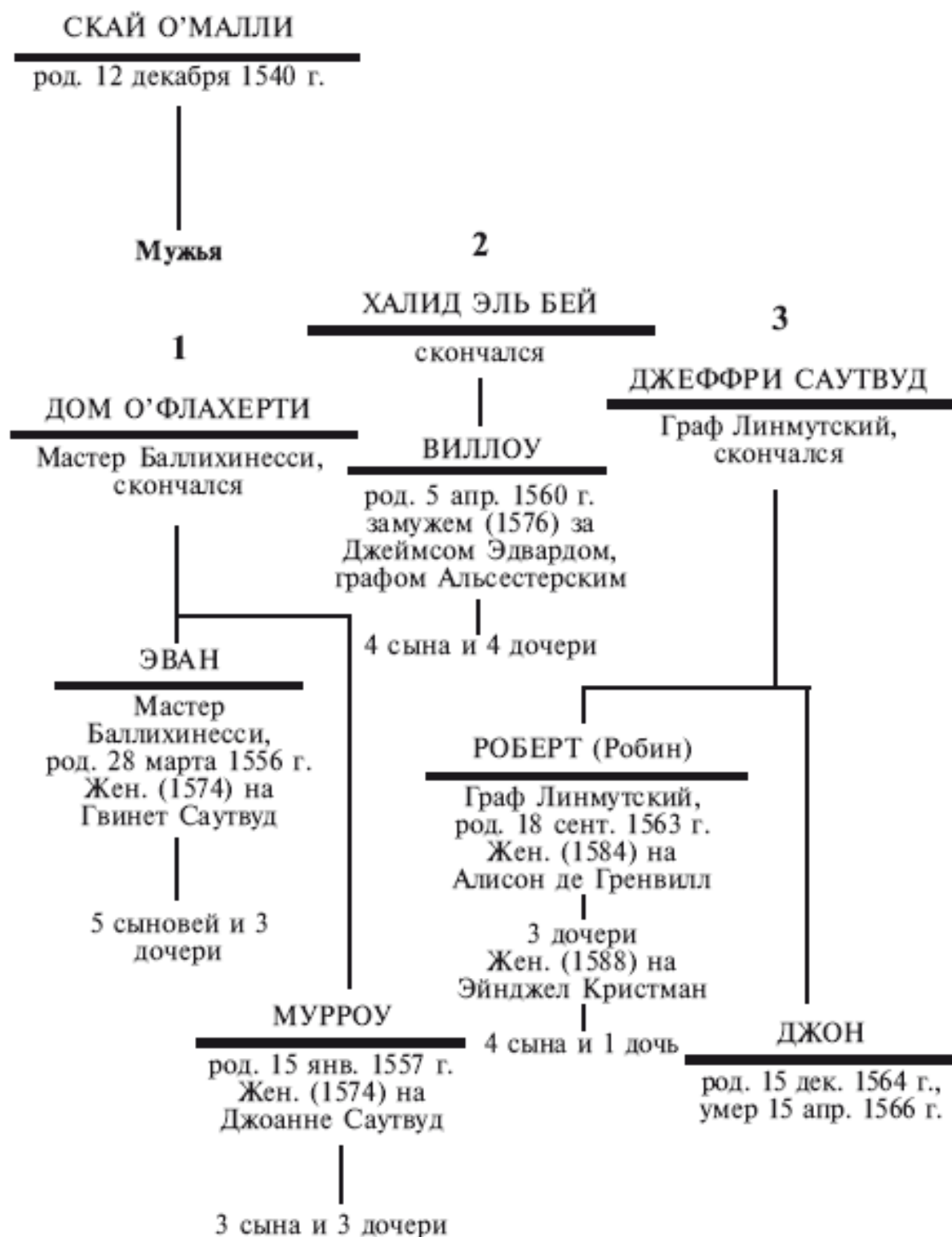
Печатается с разрешения издательства Ballantine Books, an imprint of The Random House Publishing Group, a division of Random House, Inc. и литературного агентства Nova Littera Ltd.

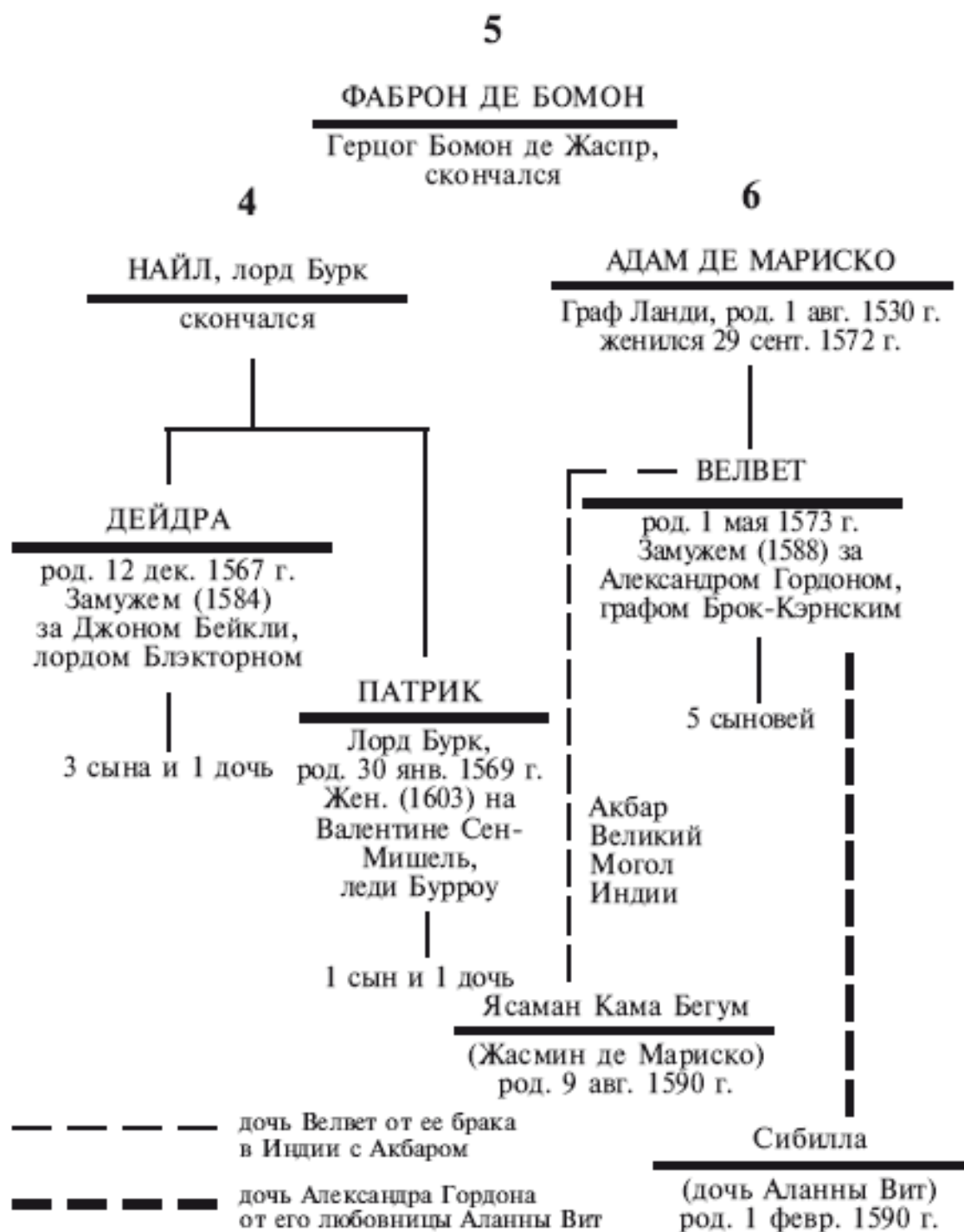
© Bertrice Small, 1984

© Перевод. С.В. Зинин, 1996

© Издание на русском языке AST Publishers, 2012

Генеалогия Скай О’Малли и её мужей и детей

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Скай О'Малли – глава клана О'Малли с Иннисфаны
 Симус О'Малли – дядя Скай, епископ Мид-Коннота
 Анна О'Малли – мачеха Скай, вдова
 Эйбхлин О'Малли – старшая сестра Скай, монахиня и врач
 Муар, Пейги, Брайд, Сайна – старшие сестры Скай
 Майкл О'Малли – родной брат Скай, священник

Брайан, Шон, Симус и Конн – сводные братья Скай, дети Анны

Мужья Скай О’Малли

Дом О’Флахерти – первый муж, владелец Баллихинесси

Халид эль Бей (Диего Индио Гойя дель Фуэнтес) – второй муж, известный также как «Великий сводник Алжира», испанец, перешедший в мусульманство

Лорд Джеффри Саутвуд, граф Линмутский – третий муж, известный также как «Ангельский граф»

Найл, лорд Бурк – четвертый муж, первая любовь Скай

Фаброн де Бомон, герцог Бомон де Жаспр – пятый муж

Адам де Мариско – шестой муж, хозяин о. Ланди

Дети Скай О’Малли

Эван О’Флахерти – родился 28 марта 1556 г.

Мурроу О’Флахерти – родился 15 января 1557 г.

Виллоу Мэри Смолл – родилась 5 апреля 1560 г.

Роберт Саутвуд – родился 18 сентября 1563 г.

Джон Саутвуд – родился 15 декабря 1564 г., умер 15 апреля 1566 г.

Дейдра Бурк – родилась 12 декабря 1567 г.

Патрик Бурк – родился 30 января 1569 г.

Велвет де Мариско – родилась 1 мая 1573 г.

Сузанна, Гвинет и Джоан Саутвуд – приемные дети Скай

Друзья Скай

Сэр Роберт Смолл – деловой партнер Скай

Леди Сесили Смолл – его старшая сестра, вдова

Дейзи – служанка и доверенное лицо Скай

Сэр Ричард де Гренвилль – старый друг Скай

Ирландцы

Мак-Уилльям – отец Найла Бурка

Капитан Шон Мак-Гвайр – старший капитан флота Скай

Капитан Брэн Келли – капитан флота О’Малли

Клер О’Флахерти – сестра Дома О’Флахерти

Сестра Мария Кающаяся – в миру Дарра О’Нейл, первая жена Найла Бурка, брак с которой аннулирован

Англичане

Елизавета Тюдор – королева Англии с 1558 по 1603 г.

Уильям Сесил, лорд Берли – государственный секретарь Англии и доверенное лицо королевы

Роберт Дадли, граф Лестерский – старый друг королевы, ее фаворит

Кристофер Хаттон – еще один фаворит королевы

Леттис Кноллиз, графиня Эссекская – кузина королевы

Алжирцы

Осман – знаменитый астролог и друг Скай

Алима – его жена, француженка

Пролог

*Ты гнула, ветвь, под ветрами зимы.
Взгляни ж на солнце! В изможденном теле
Проснулась жизнь. Сквозь ледяные сны
Я вижу: юной почки проступает зелень.
Ты, почка, в нежный распустился цветок
Под ласкою дождя и солнечного света:
Окончился тяжелой ночи срок,
И вновь холмы оделись золотом рассвета.*

Этна Карбери

– Это вы во всем виноваты, вы, старик, вечно сующий свой нос в чужие дела! – обрушилась Скай О’Малли на своего свекра, Мак-Уилльяма из Мид-Коннота. Ее голубые глаза сверкали, роскошные непокорные черные волосы метались по плечам. – Вы сделали меня вдовой! Мало того, что из-за ваших гнусных махинаций мы с Найлом были все эти годы в разлуке! А теперь я вдова... из-за вас! Будьте вы прокляты, мерзкий старикашка! Я никогда не прощу вас! Никогда! – И она разрыдалась, рухнув на резную дубовую скамью у камина.

Лицо старика и сам он как будто съеживались под ее натиском, ему тяжело было слышать страшную правду ее обвинений.

– Как мог я остановить его, Скай, девочка? Найл ведь взрослый мужчина, – голос его дрогнул, – он не послушал бы меня. Как мог я остановить его?

Она презрительно взглянула на него:

– Вы знали, что Дарра О’Нейл – религиозная фанатичка. Знали и позволили моему мужу поехать к ней... чтобы умереть! – Она на мгновение прикрыла глаза, и слезы потекли по щекам. – О Найл! – судорожно прошептала она.

«Найл... Найл... Найл...» – насмешливо откликнулось эхо в ее сердце.

Старик жалобно всхлипнул, вытирая нос рукавом, и произнес:

– У нас есть хотя бы дети, Скай, девочка моя. Сын и дочь Найла.

– У вас ничего нет! – холодно обрезала она. – Я забираю детей и покидаю этот дом. Я направляюсь домой, на Иннисфану. Я всегда ненавидела Буркский замок, но из-за Найла жила здесь. Теперь мой муж мертв, и больше я здесь не останусь!

Внезапно Мак-Уилльямом овладела ярость, кровь забурила в жилах как раньше, в молодости.

– Вы не отнимете у меня детей Найла! – проревел он. – Это мои наследники, особенно мальчик. Вы их не получите!

Ее прекрасное лицо исказилось от гнева, и он мог бы поклясться, что из ее глаз вылетели искры.

– Неужели вы думаете, что я оставляю вам моих детей? – яростно прошипела она. – Да прежде вы окажетесь в аду!

– У вас нет выбора, Скай, девочка. После смерти отца Патрик – мой наследник, а за ним – крошка Дейдра. Я не позволю вам отнять их у меня! – На минуту он снова почувствовал себя сильным и уверенным.

– Вам не удастся помешать мне сделать то, что я задумала! – Скай О’Малли вскочила со скамьи и вылетела из комнаты. Она не видела, как он согнулся, не выдержав страшного удара – потери внуков.

Его охватил приступ кашля, и он, повернувшись, выплюнул черный кровяной сгусток в оловянную чашу на столе. Кровь шла уже несколько недель. Он предчувствовал, что жить осталось недолго. До сих пор это не тревожило его, так как у него был сын – сильный, умный, зрелый мужчина. Но теперь Найл мертв, а его единственному сыну всего шесть недель от роду. Ребенок крепок и здоров, но кто знает? Если он умрет, не получив майората, англичане поглотят его владения, как уже многие за последние годы. Они на это способны.

«Как летят годы», – вздохнул Мак-Уилльям. Еще недавно он был цветущим юношей, неистощимым в любовных утехах. И вот уже он больной старик, окутанный, словно дырявым плащом, своими выцветшими воспоминаниями и несбывшимися мечтами. Он тронул худой рукой редкие седые волосы, зябко повел костлявыми плечами.

Мак-Уилльям горестно вздохнул: «Господи, спаси Ирландию – больше ведь некому. Ирландцы одиноки, зажатые между Англией с одной стороны и морем – с другой. Сами, впрочем, виноваты – нет у них одного вождя, который сплотил бы их, усмирил постоянно грызущихся вождей мелких кланов, которые заботятся лишь о своих владениях, заключают союзы, всегда выгодные только для себя – и не обязательно для Ирландии в целом. Нет ничего удивительного в том, что англичане теснят ирландцев. Ирландцы падут не от силы оружия, а от своей слабости. А все-таки, – мрачно ухмыльнулся Мак-Уилльям, – моя прекрасная невестка – сильная женщина». Скай – предводительница богатого морского клана О’Малли с Иннисфаны. Хотя ее братья уже выросли, они не торопятся взять в свои руки завещанные отцом бразды правления кланом, предпочитая, как и он, отсиживаться на своих кораблях. Скай удачлива в делах. В Англии она была вдовствующей графиней Линмутской, наследницей прекрасного старинного английского титула. Ее сын от брака с покойным графом уже унаследовал сей титул, и хотя этому светловолосому мальчишке всего шесть лет, он – крестник и фаворит королевы Англии, живет при дворе и любим Бесси Тюдор. Королева равнодушна к красивым мужчинам, даже маленьким. «Да, – горестно вздохнул Мак-Уилльям, – Скай О’Малли выживет в любом случае. Она живуча как кошка!»

Одинокая слеза сползла по его высохшей морщинистой щеке. Если бы частичка ее удачливости передалась его сыну, он был бы сейчас жив. Дарра О’Нейл! Он проклинает день, когда настоял на браке сына с этой холодной шлюхой! Найл был вначале помолвлен с ее старшей сестрой Сит, но она умерла во время эпидемии. Семьи О’Нейл и Бурков так стремились заключить между собой союз, что в соответствии с обычаем Сит решили заменить ее сестрой – Даррой, которая была привезена из монастыря всего за несколько часов до принятия пострига: это была прирожденная монахиня. Ей не нужен был Найл Бурк. Ей вообще не нужен был муж. Но после хорошей взбучки, данной отцом, она сделала то, что от нее требовалось.

Конечно, брак кончился катастрофой. Найл безумно любил Скай О’Малли, тогда еще жену О’Флахерти из Баллихинесси, а когда она овдовела, он уже не в состоянии был скрывать это. Его брак был расторгнут дядей Скай, епископом Коннотским, и Дарра радостно устремилась в свой монастырь. Скай и Найл обручились, но судьба сыграла с ними злую шутку, снова разлучив их. Скай была пленена пиратами, потеряла память и перенесла немало бедствий, прежде чем они с Найлом снова увиделись. Но к этому времени она была женой другого, а прошлое стерлось из ее памяти – и Найл тоже. И у него была другая жена, несчастная Констанца, вскоре умершая. Но муж Скай, так любимый ею, тоже вскоре умер. К ней вернулись воспоминания о Найле, но теперь она была верна памяти Джеффри (за что ее уважал Мак-Уилльям). Да, это была замечательная женщина, и Мак-Уилльям глубоко сожалел о годах, потерянных ею и его сыном.

Наконец они поженились. Это была не обычная свадьба с последующей пирушкой, а брак по доверенности. Находящаяся в трауре невеста в своем английском замке даже не подозревала о том, что ее коварный дядюшка, епископ Коннотский, воспользовавшись тем, что по древнему обычаю формально главой семьи был он, использовал это сомнительное преимущество, чтобы выдать ее замуж. Старик даже закашлялся при воспоминании об обмане, к которому пришлось прибегнуть, чтобы поженить эту упрямую парочку. Его сын отправился в Англию в расчете на теплый прием и не получил его. Несговорчивая невеста устроила за Найлом целую охоту, что чуть не привело к насилию.

В конце концов любовь победила, но только после того, как Найл признал, что его жена – уже не та неопытная девушка, которую он обожал, а умная и темпераментная женщина, которая была возлюбленной других мужчин. Она достаточно долго вела самостоятельную жизнь, чтобы быть в состоянии справиться с лежавшей на ней ответственностью, и она не собиралась делиться своей властью ни с кем, даже с мужем. То, что принадлежало ей, должно принадлежать только ей. И лишь когда он наконец признал Скай такой, какой она стала, их семейная жизнь наладилась и их брак был благословлен двумя прекрасными здоровыми малышами, между которыми было тринадцать месяцев разницы.

Мак-Уилльям покачал головой – все шло слишком хорошо. Бурки в надежде на мир принесли обет верности английской королеве, рассчитывая таким образом выжить. Многие ирландские семьи поступили так же, чтобы сохранить свои земли. Однако большинство из них просчитались, так как англичане не только были немыслимо жестоки, когда хотели, но у них была неистребимая страсть к обладанию прекрасными зелеными лугами Ирландии. Пока они оставили Бурков в покое. Наследство крошки Патрика не тронут, и Мак-Уилльям знал, что может в этом отношении положиться на Скай. Разве не сражалась она отчаянно за земли своего английского сына и его титул? Он знал, что она будет так же сражаться и за своего ирландского сына. Эта девчонка знала свой долг не хуже мужчин и часто исполняла его лучше многих из них.

Скай О’Малли. Прекрасная и мужественная женщина. Но настанет ли мир для нее? Казалось, она обречена на то, чтобы обретать любовь только для того, чтобы потерять, хотя и не по своей вине. Будь проклята Дарра О’Нейл! Да попадет ее безумная душа в ад! Он снова закашлялся, и кровь – на этот раз ярко-красная – хлынула в оловянную посудину сгустками, в такт ударам сердца, бьющегося в его усталой груди. Его сын, его милый мальчик мертв, и бессмертие их семьи покоится в сосунке, неспособном даже поднять головку.

Новый приступ кашля сотряс его изможденное тело, и он не расслышал, как дверь в его комнату снова раскрылась. Кто-то кашлянул, и раздался голос Скай:

– Старик, вы, кажется, ни перед чем не остановитесь, чтобы заставить меня остаться. Вы хотите, чтобы меня обвинили в вашей смерти?

Ему удалось изобразить на лице жалкое подобие улыбки:

– У меня есть свои приемы, Скай, девочка, точно так же, как и у вас.

Она была готова рассмеяться, но увидела кровь в оловянной чаше. Она положила руку ему на плечо.

– Ох, Рори, – вздохнула она. Она редко называла его по имени. – Почему вы не сказали мне про кровь?

– Если уж мне суждено умереть, то я могу умереть сейчас, – равнодушно заметил он.

– Я пошлю за сестрой Эйбхлин, – сказала она тихо, помогая ему подняться и дойти до постели. Он едва удержался от ухмылки – столь непритворной была ее забота о нем. Судьба вступила в сговор с ним, чтобы оставить ее и детей здесь. Что бы она ни говорила, Скай не оставит умирающего одного.

Эйбхлин О’Малли, монахиня из монастыря Святого Брайда на Скалах, была знаменита как опытная акушерка и врач. На нее был большой спрос в богатых семьях, и это приносило

немалый доход ее маленькой обители. Работа с бедняками – а их было так много! – убедила ее, что если бы здесь была сотня таких, как она, то и им бы не справиться. Разрываясь между своим религиозным долгом и растущей медицинской практикой, она спала урывками по два – четыре часа за ночь. Просьба младшей сестры застала ее как раз в момент короткого отдыха в монастыре, и, выполняя ее волю, Эйбхлин тут же пересекла штормовое зимнее море, чтобы помочь ей.

– Удивляюсь, что он до сих пор жив, – сухо сказала она Скай после тщательного осмотра больного старика.

– Неужели ничего нельзя сделать? – расстроилась Скай. Она была сердита на Рори, но при этом любила его, как родного отца.

– Ты можешь облегчить его страдания, – сказала Эйбхлин. – Пообещай ему, что не отправишь детей на Иннисфану.

– Что, он сказал тебе и об этом? – бросила сестре Скай.

– Разве ты не грозила это сделать? – Глаза старшей сестры остро сверкнули из-под накрахмаленного монашеского чепчика, скрывавшего ее милое личико.

– Я не могу жить в этом замке без Найла. Я никогда не любила его, но без Найла он для меня просто непереносим! – жалобно протянула Скай.

– Это наследство Патрика, сестра.

– Можешь не напоминать мне об этом, – резко ответила Скай. – Он его получит! Разве я не отстояла Линмут для Робина? Неужели я не постараюсь для сына Найла?

– Ты плакала, Скай? – Эйбхлин пристально посмотрела на сестру.

Лицо Скай являло собой бледную маску.

– Я плакала, – сказала она, – обо всем хорошем, что было мне дано, то есть ни о чем. Мне пора к этому привыкнуть, Эйбхлин! Сколько мужей я уже похоронила? Четырех? Нет, последнего вычтем. Я похоронила только трех: тело Найла не найдено. Оно осталось в море, том самом море, которое так обогатило О’Малли. – У нее вырвался жесткий смешок. – Наш старый морской бог, Мананнан Маклир, взял с меня налог, но слишком велик этот налог! Слишком велик! – Ее голос задрожал.

– Скай! – Эйбхлин любовным жестом положила руку на плечо сестры, но та даже не заметила этого. Как помочь ей при такой утрате? Найл Бурк – первая настоящая любовь сестры, и когда они наконец соединились, все думали, что это навсегда.

– Она безжалостно убила его, Эйбхлин, – продолжала Скай. – Дарра О’Нейл убила моего мужа, и знаешь почему?

– Нет, Скай, знаю только, что лорд Бурк трагически погиб от руки сестры Марии Кающейся.

– Сестры Марии Кающейся!.. – Голос Скай задрожал от гнева. – Дарра О’Нейл! Это Дарра О’Нейл убила моего мужа! Эта святоша Дарра О’Нейл! Она заманила его басней о том, что лежит при смерти и хочет примириться с ним. А взамен заколола его, и теперь ее душа пойдет в ад. Она без всякой причины сделала меня вдовой, а моих детей преступно осиротила! Я бы убила ее голыми руками, Эйбхлин, но ее монастырь защищает ее, утверждая, что она невменяема. Я не верю этому! Я этому не верю, а они не допустили меня к ней поговорить. Они утверждают, что само мое имя вызывает у нее припадки. Да уж, припадки! Эта сука отлично знает, что она сделала! Это всего лишь отговорка, чтобы скрыться от меня. Мощи святые! Я бы наслала англичан на этот монастырь!

– Скай! – вскрикнула шокированная Эйбхлин. Именно в это время англичане стремились уничтожить все приходы и монастыри в Ирландии, подобно тому как это сделал их почивший монарх Генрих VIII в самой Англии. Но в Ирландии это было не так легко осуществить, как в Англии. Ирландцы не любили английских владык, и подобная атака на их церковь собирала для отпора всех ирландцев, бедных и знатных.

– Ну, я бы этого не сделала, Эйбхлин, – покаянным тоном сказала Скай. – Дядя Симус снял бы с меня голову за такие штучки. Это во мне говорит бессилие!

– Я попробую призвать его на помощь, – сказала Эйбхлин. – Как епископ Коннотский он имеет право потребовать расследования гибели лорда Бурка. И я попрошу, чтобы расследовать дело послали меня, Скай.

– Орден Дарры – монашеский, – пояснила Скай, – и он ничего не добьется от матери-настоятельницы. Агнес О’Брайен еще более горда, чем все проклятые О’Нейлы, вместе взятые. Она скажет, что сестра Мария Кающаяся – сумасшедшая и к ней приняты меры, а монахини ордена Святой Марии денно и нощно молятся за упокой души лорда Бурка.

Бледно-серые глаза Эйбхлин налились гневом, и тон ее голоса скорее напоминал рык воина рода О’Малли, чем скромную монахиню.

– С помощью дяди Симуса или без нее, но я доберусь до монастыря Святой Марии и выясню истину для тебя, Скай. Я не понимаю, почему после стольких лет Дарре понадобилось убивать лорда Бурка. Он не причинил ей вреда. Их брак был столь же неприемлем для него, как и для нее, и он сделал все, чтобы вернуть Дарру в ее драгоценный монастырь. Я не понимаю, зачем ей вдруг потребовалось убивать его. Но я выясню это, Скай. Я выясню!

Сестры обнялись, внезапно Скай зарыдала, и в ее плаче было такое отчаяние, такое горе, что пытающаяся утешить ее Эйбхлин почувствовала, что и по ее щекам текут беззвучные слезы. Эйбхлин не знала, сколько они стояли так, обнявшись, но внезапно в комнату вбежала Дейзи, английская служанка Скай, и потребовала, чтобы они шли за ней.

– Старик... госпожа... он умирает!.. – торопила Дейзи. – Скорее, он хочет видеть вас! – И она выбежала из комнаты.

Скай и Эйбхлин быстро привели себя в порядок и поспешили по ледяным коридорам замка за Дейзи в теплую комнату, где лежал Рори Бурк, Мак-Уилльям, отсчитывая последние минуты пребывания в этом мире. У его застланной светло-красным бархатом постели уже стоял священник замка, совершая последние обряды над умирающим. Но слезящиеся глаза Мак-Уилльяма все же загорелись при виде Скай, и едва заметным движением он попросил ее приблизиться, одновременно жестом приказывая взволнованному священнику отойти.

– Теперь уж ты не уедешь на Иннисфану, Скай, девочка... – Он изо всех сил старался не терять чувства юмора.

– Нет, Рори, теперь не уеду, – тихо ответила она. «Пожалуйста, не умирай, – прошептала она про себя. – Ты последнее, что напоминает мне о Найле. Да, мальчик – его сын, но он еще крошка, и у нас нет общих воспоминаний. Пожалуйста, старик, не умирай! Останься со мной!»

– Когда я впервые вас увидел... Вы помните, когда я впервые вас увидел? – спросил он.

– Да, – ответила она, – на празднике Двенадцатой ночи, вы тогда собрали всех вассалов в гости. Всего несколько месяцев я была замужем за Домом и уже беременна своим первенцем. О Рори, когда вы увидели меня, вы пожалели о сговоре с О’Нейлами, вы пожалели об этом. – Она улыбнулась при воспоминании о том, какой юной гордой штучкой была тогда.

– Да, я пожалел, – согласился он, – но в конце концов вы стали женой Найла и матерью двух моих единственных наследников. Не дайте англичанам захватить наследство Патрика! Завтра он станет Мак-Уилльямом, и вы должны сохранить наследство до его совершеннолетия. Поклянись мне, Скай!

Годы прошли бесследно, и снова она была юной девушкой, как тогда, когда умирающий отец возложил на ее хрупкие плечи ответственность за род О’Малли с Иннисфаны. Все корабли, пятеро младших братьев, товары, склады и все люди – и за все это она в ответе. И она сохранила все.

И было еще огромное наследство ее второго мужа, Халида эль Бея, и деньги и поместья ее третьего мужа, Джефффри Саутвуда, покойного графа Линмутского, и четверо других ее детей, кроме Дейдры и Патрика. Внезапно смерть забрала от нее Найла, и его умирающий отец возла-

гает на нее новую заботу. Это слишком много для одной женщины, но она не могла отказаться. Как это сделать? И настанет ли время, когда она станет просто женщиной? Как она устала от всего этого, но подвести старика – безбожно.

– Я сделаю все, Рори, – устало сказала она. – Я сделаю все, что в моих силах.

Он улыбнулся ей, счастливый и удовлетворенный, и, закрыв глаза, тихо ушел из жизни. Утомленная Скай вышла из комнаты, пока сестра и священник, перебирая в руках четки, встали на колени и затянули канон. Дейзи шла за ней и только у комнаты обогнала ее, чтобы открыть госпоже дверь.

– Дай мне вина, – сказала Скай, усаживаясь в кресло у камина. Следя за проскальзывающими между торфяными брикетами язычками пламени, она думала, что же ей делать. Сколько у нее времени до того, как англичане могут позариться на наследство ее сына? Так как хитрый Мак-Уилльям не давал при жизни повода для нападения, то смерть старика станет отличным предлогом для них. Они, правда, не нуждались в предложениях для угнетения ирландцев. Когда это случится, на помощь к ней никто не придет, и она не может никого винить в этом. Наверняка кое-кто из соседей воспользуется случаем, чтобы присвоить себе что-нибудь из наследства старого Бурка. То, что она женщина, – отличный предлог для них. Женщина и ребенок – прекрасная пожива для этих трусов. – Нет, они его не получат! – воскликнула она, когда Дейзи подала ей кубок с вином.

– Что такое, госпожа? Кто не получит и чего? – изумилась Дейзи.

– Чертовы дублинские англичане, Дейзи, и наши ирландские соседи, вот кто! Они не получают ни замка Бурка, ни его земель! Они принадлежат моему Патрику, и я сохраню их для него.

– Но что вы можете сделать, госпожа? Если бы мы были в Англии, вы могли бы обратиться к королеве, но Англия далеко, а Лондон еще дальше.

– Дейзи, я еду в Англию!

– Но вам нельзя, госпожа! Они снова бросят вас в лондонский Тауэр! Нельзя вам ехать! – Глаза Дейзи округлились в порыве искренней заботы о госпоже. Она служила Скай уже семь лет и безумно любила ее. И хорошо ее знала. Если Скай что-либо решила, остановить ее не мог никто.

– Я удалена от двора, Дейзи, но вовсе не из Англии, – рассудительным тоном произнесла Скай. – Я поеду в Линмут и оттуда пошлю жалобу королевскому секретарю, лорду Берли. Если Елизавета Тюдор захочет помочь мне, мне разрешат поездку в Лондон. Если нет, я все же попытаюсь послать ходатайство из Девона. Дейзи, я не могу сидеть здесь и ждать, пока придут англичане и отнимут наследство Патрика. Когда умер Саутвуд, я защитила его сына. И я защищу сына Найла. Он ничего не получит от О'Малли. Да, у меня есть титул, и я руковожу кланом, но все имущество принадлежит братьям и их наследникам. Если я не спасу замок Бурков и их земли для законного наследника, мой бедный Патрик окажется без титула и земель. Предки Бурков будут преследовать меня в преисподней, если я допущу это, Дейзи.

– Когда ты едешь? – Ни Дейзи, ни ее госпожа не услышали шороха открывающейся двери, но теперь в комнате стояла Эйбхлин.

– Сейчас, – ответила Скай. – Я не могу терять ни минуты, сестра. В Дублине очень скоро узнают, что Рори Бурк умер. Я не могу остаться даже на похороны, но он бы лучше всех понял, почему я так тороплюсь.

Эйбхлин кивнула:

– А я отправляюсь в монастырь Святой Марии. Постараюсь узнать все, что смогу, о смерти Найла. Я знаю, дядя Симус одобрит меня. Кто останется управлять замком?

– Коннор Фицбурк, – ответила Скай.

– Внебрачный сын Бурка? Мудро ли это, Скай?

– Коннор – самый преданный из всех, кого я знаю, Эйбхлин. Это простой и добрый парень, без амбиций. Коннору не придет в голову узурпировать наследство у Патрика. Он защитит детей и их наследство даже ценой жизни. Детей я не могу взять с собой: мне нужно передвигаться очень быстро.

Прислушивающаяся Дейзи содрогнулась, а потом подумала: о чем тревожиться? Ее задудбел на службе у миссис Скай. Еще одна полночная скачка ее не прикончит. Она не сомневалась, что ей придется ехать с госпожой. В конце концов, никто, кроме нее, не может соорудить придворную прическу для ее госпожи, а Дейзи была уверена, что они вернутся ко двору. Да, ей придется скакать с госпожой, едва лишь займется рассвет.

– Дейзи?

Служанка улыбнулась.

– Через час, госпожа? – спросила она, уже заранее зная ответ.

Скай улыбнулась в ответ:

– Совершенно верно, Дейзи. Только я подумала, что приключения окончились, и вот мы снова в дороге!

Дейзи не сумела сдержать ухмылку:

– Не скажу, чтобы я сожалела, госпожа. Что-то тут становится слишком спокойно.

– Господи! – воскликнула Эйбхлин. – Она точно становится одной из нас!

– И это совсем не плохо, – ответила Скай, в то время как Дейзи устремилась прочь. – Служанка, которая не отстает от меня на лошади, – ценное достояние, сестра. – Она успокоилась. – Ты присмотришь за слугами вместо меня, Эйбхлин? Мне нужно собраться с мыслями, прежде чем поговорить с Коннором.

– Присмотрю, – быстро последовал ответ, и Скай снова осталась в одиночестве.

Она подошла к окну и взглянула на темные окрестности замка. Убывающая луна отбрасывала бледный, слабый свет на округлые холмы. Наверное, подумала она, ночь, в которую дух Рори Бурка покинул этот мир, должна была быть бурной, а не столь тихой и безветренной. Из всего бесчисленного арсенала ирландской магии невозможно было извлечь хотя бы один признак того, что за духом Рори Бурка прибыла призрачная карета. Ни малейшего звука, похожего на завывание банши. Она открыла ставни, и до нее донеслось верещание кролика, схваченного совой, и снова воцарилась тишина. Жизнь продолжается, подумала она. Невзирая ни на какие перемены, жизнь продолжается. Скай О'Малли глубоко вздохнула. Времени на скорбь не оставалось.

Часть I Англия

1

Присущая всем О’Малли звериная интуиция успела привести Симуса О’Малли к его племяннице до ее отъезда в Англию. Внезапно проснувшись среди ночи в своем прекрасном каменном епископском доме в нескольких милях от замка Бурков, он понял, что нужен ей. Старик вылез из теплой постели, оделся и поскакал вверх по холму к ней на помощь.

Симус О’Малли был согласен с племянницей в оценке ситуации. Ей следовало ехать в Англию просить помощи у Тюдоровской девчонки. Епископ был реалистом: он не любил англичан, но они держали рукоятку кнута. Он предложил держать в тайне смерть Мак-Уилльяма и похоронить его скрытно. Это было нетрудно сделать, так как замок спал и наружная охрана на стенах не видела того, что происходило внутри здания. При помощи священника и личного слуги Рори Бурка его тело было помещено в семейный склеп, а месса отслужена на рассвете, уже после того, как Скай усакала под покровом тьмы.

Так Симус поселился в замке Бурков и вместе со священником замка, слугой Рори и Коннором Фицбурком держал обитателей Ирландии в неведении о смерти Рори Бурка, пока Скай торопилась заручиться поддержкой англичан прежде, чем наследство маленького Патрика будет похищено.

Хозяйка замка, которая, как все думали, денно и нощно находится у одра больного Мак-Уилльяма, в действительности мчалась через Ирландию к гавани Уотерфорд, где находилось несколько ее кораблей. Скай и Дейзи не оставляли седло по восемнадцать часов в сутки, делая короткие остановки, чтобы проглотить что-либо горячее и сменить лошадей. Они останавливались только у самых надежных друзей, спали днем на чердаках их сараев, чтобы избежать любопытных глаз и еще более любопытных вопросов. Ведь слухи передавали даже самые надежные слуги.

В Уотерфорде Скай поднялась на судно своей мачехи «Королева тумана» и не ранее, чем оно покинуло гавань, скомандовала капитану:

– Келли, правьте к острову Ланди.

После этого скрылась вместе со служанкой в капитанской каюте. Дейзи с облегчением вздохнула, когда почувствовала под собой волнение моря и ледяной зимний ветер наполнил паруса.

– На каждой миле пути я думала, госпожа, только о том, что дублинские англичане, может, уже гонятся за нами.

Скай тоже облегченно рассмеялась. На суше она всегда чувствовала себя уязвимой, на море же не было ей равных.

– Дейзи, ты говоришь так, словно ты сама ирландка, – поддразнивала она служанку. – Неужели ты так долго была со мной, чтобы почувствовать себя ирландкой?

– Да, я англичанка, госпожа, но я из Девона, а девонцы на голову выше, чем дублинские англичане. Девонцы – добрый народ, а дублинцы – волки из волков.

Скай кивнула в знак согласия и сказала:

– Нам сопутствует сильный бриз. Если все сложится удачно, мы достигнем Ланди за два дня.

– Он будет рад видеть вас, – тихо сказала Дейзи, понимая, что имеет в виду госпожа. Как и все наиболее доверенные слуги, она была в курсе всех событий личной жизни своей

хозяйки. Они так давно вместе, и если Скай стала с годами еще прекраснее, то Дейзи совсем не изменилась. Маленькая, веснушчатая, как яйцо дрозда, с круглыми щечками, она никогда не считалась красоткой, но ее улыбка, несмотря на щербатость, была теплой и приятной, а ее мягкие карие глаза всегда с любовью следили за госпожой и настороженно – за окружающими.

– Я должна его увидеть, – ответила Скай, – это единственный друг, оставшийся у меня, Дейзи, кроме Роберта Смолла, а Робби сейчас в море. Его не будет еще как минимум месяц. Я должна поговорить с Адамом. – Она свернулась на большой капитанской постели, натянув на ноги покрывало. – Святые мощи, Дейзи, как я устала! Выдвинь постель и поспи немного, милая. Мы скакали без отдыха целых три дня.

Дейзи не нужно было уговаривать. Она выдвинула раздвижную постель из-под кровати хозяйки, распустила свои каштановые волосы и быстро уснула. Но ее хозяйка, несмотря на усталость, продолжала бодрствовать. Пока Дейзи легонько похрапывала, Скай предалась воспоминаниям о прошедших годах, о том, как она впервые встретилась с Адамом де Мариско, хозяином острова Ланди.

Третий муж Скай, Джеффри Саутвуд, граф Линмутский, и их младший сын умерли несколько лет назад, весной, во время эпидемии. Опеку над их старшим сыном, Робинотом, отдали фавориту королевы Роберту Дадли, графу Лестерскому. Однако Дадли использовал свое положение для того, чтобы изнасиловать Скай. Скай пожаловалась королеве Елизавете, но та грубо ответила, что если это делает Дадли счастливым, то нечего об этом и говорить. Взбешенная Скай собиралась уже начать свою личную войну с Елизаветой Тюдор, нападая на суда, в которых так нуждалась стремившаяся к обогащению Англия. Она даже заключила союз (за долю в прибыли) с пиратствующим властителем острова Ланди. Адам де Мариско влюбился в нее, но понимал, что она никогда не полюбит его. Однако он согласился на положение друга. Все же Скай, пусть и недолго, была его любовницей.

Вскоре после свадьбы с Найлом Бурком она была арестована Елизаветой за пиратство. И тогда именно Адам придумал план по спасению ее из Тауэра. И несмотря на все его уверения, она знала, что он до сих пор любит ее. Возможно, нечестно сейчас эксплуатировать его чувства к ней. Она часто писала ему, но последний раз они встречались год назад, а с тех пор произошло много событий. Но он должен понять, почему она обратилась к нему. Он нужен ей сейчас! Она нуждалась в его низком, гудящем голосе, которым он называл ее «моя девочка», в его надежности. О, если бы только она могла полюбить его, как он ее, но увы! И это к лучшему: она похоронила уже четырех мужей. Она приносила людям, которые брали ее в жены, только несчастья. «Я больше никогда не выйду замуж», – сонно пробормотала она.

Она и не представляла, насколько устала. За рождением Патрика последовало убийство Найла, затем смерть Мак-Уильяма. Эта гонка к морю через всю Ирландию. Она забылась в глубоком сне, и последние ее мысли были об Эйбхлин и о том, удалось ли ей проникнуть за стены монастыря Святой Марии.

Эйбхлин сумела сделать это и теперь стояла перед преподобной матерью Эйдан, в миру – Агнес О’Брайен, низенькой, толстенькой женщиной с простым, невыразительным лицом.

– Вы были так любезны, что согласились принять меня, – мягко сказала Эйбхлин, понимавшая, что ей не слишком рады в монастыре Святой Марии.

– Могли ли мы отказать лорду епископу? – последовал ледяной ответ. Маленькие гладкие ручки преподобной матери Эйдан, украшенные простым золотым обручальным кольцом и более богатым перстнем, символом ее сана, нервно двигались на ее коленях.

– Знаете ли вы, почему я здесь?

– Знаю, но не могу понять, сестра. Конечно, смерть лорда Бурка – большая трагедия, но ваше расследование не вернет его к жизни. – Она сцепила руки, пытаясь успокоиться.

«Это хорошо, что она нервничает, – подумала Эйбхлин. – Что-то она скрывает».

– Епископ хотел бы знать, по какой причине сестра Мария Кающаяся завлекла лорда Бурка в обитель, чтобы убить его здесь, преподобная мать, – вызываяще заявила Эйбхлин.

– Она его не завлекала! – последовал быстрый ответ. – Боже мой, сестра моя, вы изображаете сестру Марию Кающуюся распутной женщиной! – Преподобная мать Эйдан даже покраснела от собственного выражения.

– Вероятно, завлечение – неточное слово, преподобная мать. И все же она под фальшивым предлогом заставила его приехать сюда. – Эйбхлин перенесла центр тяжести на другую ногу: нелегко стоять после того, как она ехала целую ночь.

– Это не доказано! – Опровержение прозвучало неискренне.

– Доказано. У епископа находится письмо, которое сестра Мария Кающаяся послала лорду Бурку. В нем говорится, что она умирает и желает примириться с ним перед возвращением в лоно Господне. Подумайте сами, преподобная мать. – Эйбхлин старалась быть как можно более терпеливой. – Лорд Бурк не видел сестру Марию Кающуюся с того самого дня, как она покинула его, чтобы вернуться в обитель. Он так же не хотел их брака, как и она. Если этот союз был горек для нее, то и для него тоже. Но он не таил зла на нее. Очевидно, его таила сестра Мария, иначе зачем ей было убивать его? Это не безумие, это месть.

– Но она – сумасшедшая, сестра, – ответила преподобная мать дрожащим голосом. – И более того, она проклята. И я не уверена, не проклята ли обитель. – Настоятельница была бледна, и дыхание ее было прерывисто.

«Ага, – подумала Эйбхлин, – это что-то новенькое».

– Объясните, пожалуйста, что вы имеете в виду, преподобная мать. Епископ чрезвычайно интересуется этим вопросом. И я также.

– Садитесь, садитесь, сестра. – Наконец преподобная мать заметила усталость Эйбхлин и предложила ей сесть. Та с удовольствием приняла приглашение.

После паузы настоятельница начала рассказ:

– Сестра Мария с детства проявляла больше религиозного рвения, нежели другие. Рвение ее граничило с истерией. Но была она при этом послушной и мягкой, подлинная дочь церкви. Мы приветствовали ее с радостью, когда она вернулась после аннулирования брака. Она быстро втянулась в некогда привычный ей ритм жизни обители, хотя и стала более нервной, чем ранее.

Но в общем, ничего необычного мы не наблюдали до тех пор, пока несколько месяцев назад к нам не прибыла сестра Мария Ясная. Она явно предпочла всем нам сестру Марию Кающуюся, все свободное время проводила с ней. Мы внезапно заметили, что бедная девушка стала вздрагивать при любом шуме и плакать по малейшему поводу. Мы попытались расспросить ее, что случилось, но она говорила, что все в порядке. После убийства лорда Бурка сестра Мария Ясная внезапно исчезла, и мы более не видели ее. Мы опасаемся, что сестра Мария Кающаяся и... и ее убила, но откуда нам знать почему, спаси, Господи, их души! – Преподобная мать лихорадочно перебирала четки, пытаясь успокоиться.

– А эта сестра Мария Ясная, преподобная мать, откуда она взялась? Могли ли вы допустить в обитель совершенно чужого человека? – Эйбхлин почуяла разгадку.

– Она сказала, что прибыла из Балликарикке, несколько месяцев назад уничтоженного англичанами. Мы и не знали ничего о выживших там сестрах, ведь, как известно, они забаррикадировались в здании церкви, а англичане подожгли ее, и все погибли. Сестра Мария Ясная сказала, что, когда пришли англичане, она ухаживала за одной старой женщиной в соседней деревне. Люди прятали ее, пока ей не удалось добраться до нас. Это похоже на правду, сестра. Таких случаев в Ирландии в этом году сотни.

Сердце Эйбхлин билось быстрее по мере рассказа преподобной матери. Сестра Мария Ясная! Не может быть! Не может быть! И все же это как раз такой грязный трюк, который могла бы сделать сестра первого мужа Скай, Дома О'Флахерти, Клер, чтобы отомстить.

– Скажите, преподобная мать, как выглядела эта сестра Мария Ясная? Можете ли вы описать ее?

– Стройная блондинка с голубыми глазами...

– Блондинка, преподобная мать? – Эйбхлин была почти уверена.

– Она сказала, что еще не приняла постриг, что должна быть послушницей еще целый год. Клер О'Флахерти! Это должна была быть Клер О'Флахерти, это ее мстительная рука нанесла еще один удар Скай и Найлу.

– Преподобная мать, теперь я должна поговорить с сестрой Марией Кающейся. У меня нет другого выбора! – потребовала Эйбхлин.

Мать-настоятельница покорно вздохнула и позвонила в маленький серебряный колокольчик. Вошедшей на призыв монахини она сказала:

– Пожалуйста, проведите представителя епископа, сестру Эйбхлин, в келью сестры Марии Кающейся.

Эйбхлин последовала за монахиней из кельи преподобной матери по лабиринту коридоров обители. Наконец они остановились у двери обычной кельи, и монахиня сказала:

– Здесь, сестра.

Эйбхлин осторожно подняла темную ткань, отгораживавшую келью от коридора, и вошла в простую маленькую комнату. Она не отличалась от келий ее собственного монастыря: белые стены, украшенные распятием, низенькая кровать. Перед распятием, коленопреклоненная, стояла Дарра О'Нейл, глубоко погруженная в молитву. Эйбхлин немного помолчала из вежливости, а затем тихо спросила:

– Сестра Мария Кающаяся? Я – сестра Эйбхлин, представитель епископа, и пришла поговорить с вами в связи со смертью лорда Бурка.

Сначала Дарра, как показалось Эйбхлин, не расслышала ее, но затем перекрестилась и поднялась с колен. Эйбхлин никогда раньше не видела Дарру О'Нейл. Она несколько не была похожа на свою тетку, настоятельницу обители Святого Брайда, к которой принадлежала Эйбхлин. Этна О'Нейл была красивой и спокойной женщиной, а лицо ее племянницы казалось измученным и искаженным страданиями. Она явно страдала, и Эйбхлин пришлось поддержать ее, чтобы усадить на кровать. Усевшись рядом с ней, она взглянула в лицо женщины и поняла, что в данный момент Дарра еще в здравом рассудке, но сколько это состояние будет продолжаться, она не могла сказать. Чтобы узнать правду, нужно было действовать как можно скорее.

– Сестра Мария Кающаяся, – мягко повторила она, – я сестра Эйбхлин, представитель епископа.

– Вы из О'Малли, – равнодушно сказала Дарра, – и епископ тоже О'Малли. Вы приехали, чтобы отомстить мне?

Несчастливая была вся во власти страха, и Эйбхлин внезапно почувствовала жалость к ней.

– Не нам карать вас, сестра, – сказала она, – лишь Господь наш истинно знает ваше сердце и душу. Но епископ должен знать, что побудило вас совершить сие злодеяние. Зачем убили вы лорда Бурка, сестра Мария Кающаяся? Почему бросили его тело в море?

Дарра О'Нейл подняла глаза и встретила взор Эйбхлин О'Малли. В ее бледно-голубых глазах читались вина и боль, и не было надежды.

– Я не хотела убивать его, – медленно произнесла она, – но сестра Мария Ясная сказала, что, если я не сделаю этого, он снова заставит меня вступить с ним в плотскую связь, подчинит власти своего любострастия. Я должна была убить его! Иначе он бы вернул меня обратно! Так она сказала! – В голосе Дарры появились истерические нотки.

– Но как могли вы поверить в это, сестра моя? – спросила Эйбхлин. – Вы не видели лорда Бурка и не общались с ним с того момента, как покинули замок Бурков. Большую часть вашего брака вы жили врозь, не как муж и жена. Как могли поверить наговорам этой странной женщины, которую почти не знаете?

– Потому что она говорила правду! – заявила Дарра. – Она из обители в Балликарикке. Эти земли были под опекой лорда Бурка, и там хорошо знают, какой это наглый, похотливый мужчина. Он не способен противиться желанию овладеть женщиной, если уж она ему понравилась. Сестра Мария Ясная сказала, что он даже изнасиловал двух молоденьких послушниц их обители! Он изнасиловал их и так овладел их душами, что настоятельница обители была вынуждена изгнать их из Балликарикке, ибо лорд Бурк пробудил в них столь необузданные низменные инстинкты, что они начали совершать непотребные деяния сами с собой и друг с другом, к тому же в присутствии остальных честных сестер. Это было чудовищно! А когда они покидали обитель, одна из них крикнула, что лорд Бурк равнодушен к монахиням, что его первая жена была монахиней. Он сказал этой женщине, что собирается вновь овладеть ею и сделать ее своей любовницей! Не могла же я допустить этого! Не могла! И вы как женщина, призванная на службу Господу, как и я, должны это понять.

Эйбхлин хотелось знать, что же еще сказала Клер О'Флахерти несчастной Дарре, чтобы заставить ее совершить убийство.

Голубые глаза Дарры округлились, и она зашептала:

– Она не говорила. Она показала мне. Несколько раз она приходила в мою келью ночью и показывала мне, что сделал лорд Бурк с этими послушницами и что он сделает со мной. Она сосала и кусала мои бедные груди, так что они воспалились, она засовывала в меня свои длинные пальцы и двигала ими вперед и назад точно так же, как он это проделывал своим членом, когда меня принудили быть его женой. О Боже! Как я ненавидела его, когда он забирался на меня! Я не могла позволить ему сделать это еще раз! Никогда больше! – Она содрогнулась от отвращения.

Дарра дрожала, и Эйбхлин пришлось скрыть охвативший ее гнев, чтобы не напугать бедную женщину еще больше.

– Но как же вы могли поверить ей, сестра Мария Кающаяся? – спросила она. – Ведь у лорда Бурка была красивая жена и два прекрасных ребенка. Зачем ему другие женщины? В то время как вы жили в его замке, разве преследовал он служанок или крестьянок? Он никогда не был бабником. Что заставило вас поверить этой женщине, которая называла себя сестрой Марией Ясной?

– Жена лорда Бурка мертва, – ответила Дарра. – Сестра Мария Ясная сказала, что Скай О'Малли умерла при родах.

– Моя сестра жива и невредима, – ответила Эйбхлин.

Дарра отрицательно покачала головой:

– Нет, Скай О'Малли мертва, и лорд Бурк низмен и похотлив. Я не могла позволить ему вновь вступить со мной в связь. Нет!

Дарра О'Нейл, очевидно, погружалась в свое безумие.

– Но почему вы бросили его тело в море? – быстро спросила Эйбхлин. – И что случилось с сестрой Марией Ясной? Пожалуйста, ответьте мне!

На мгновение разум под влиянием повелительных ноток в голосе Эйбхлин вернулся к Дарре:

– Мы положили тело у кромки воды перед приливом. Там было столько крови... Так много крови... Море уже плескалось у его ног, когда я в последний раз обернулась, чтобы посмотреть на него. Он теперь не сможет вернуть меня, этот гнусный развратник!

– А сестра Мария Ясная? – настаивала Эйбхлин.

– Разве она не здесь? – последовал ответ. – Мы вернулись вместе. Она была моим другом. – Глаза Дарры снова опустели. Она поднялась с постели, упала на колени перед распятием с зажатыми в руках четками.

– Я должна молиться о том, чтобы дьявол не был слишком жесток к лорду Бурку, – внезапно чопорным тоном сказала она. – Мой долг – молиться за него, хотя он и большой грешник.

Эйбхлин поняла, что несчастная женщина уже забыла о ней. Но она узнала все, что хотела узнать. Полусумасшедшая Дарра О'Нейл стала орудием в мстительных руках Клер О'Флахерти. Жаль, что Найл не убил эту женщину в последний раз, в Лондоне. У него было королевское разрешение расправиться с ней, а вместо этого он просто изгнал ее из города и, как он думал, из своей жизни. Найлу никогда не приходило в голову – он был мужчиной совсем другого сорта, – что Клер будет продолжать попытки навредить ему.

Клер О'Флахерти! Эйбхлин поднялась с кровати, где сидела вместе с Даррой, и вышла из крохотной кельи. Клер О'Флахерти! Золовка Скай по первому браку, из-за чьей порочной связи с собственным братом, Домом, Скай была вынуждена оставить мужа. Клер О'Флахерти! Самая злобная, самая развратная, самая продажная женщина из всех, кого знала Эйбхлин. Если бы у дьявола была дочь, то это была бы Клер О'Флахерти.

– Госпожа! – Рука Дейзи трясла плечо Скай. – Госпожа, просыпайтесь!

Скай медленно открыла прекрасные синие глаза и, повернувшись на спину, посмотрела на служанку:

– Сколько я спала?

– Почти два дня, госпожа, и капитан Келли говорит, что мы подойдем к острову Ланди незадолго до заката. Вам нужно привести себя в порядок.

Посмотрев на свою испачканную и измятую за время скачки одежду, Скай поморщилась. Складки широкой юбки-брюк и шерстяные чулки запятнаны дорожной грязью. Как могли испачкаться чулки, если она была в сапогах? Она покачала головой. Сапоги, как она уже заметила, стояли у края постели уже вычищенные. Она спустила ноги с кровати и встала. На ее шелковой рубашке темнели пятна пота, камзол смят.

– Дейзи, я просто ужас что такое! – покачала она головой.

Дейзи хихикнула:

– Ванна приведет вас в порядок, госпожа. В Уотерфорде специально для вас взяли на борт лишний бочонок пресной воды, и он как раз сейчас греется на камбузе. Капитан Келли понимает, что нужно женщинам. И человек с водой и ванной стоит наготове, госпожа.

– И пусть мне принесут поесть, Дейзи, я голодна! – Урчание в желудке Скай подтвердило это.

Пока Дейзи занималась ее ванной и едой, Скай вышла на палубу, приветствуя попадавших на пути членов команды. Бриз был еще резок и свеж, как всегда в начале весны. Прищурив глаза, она могла уже рассмотреть далекую темную скалу, которая была островом Ланди. Меньше чем через два часа они будут там. И он утешит ее, как много раз в прошлом. Скай вернулась в свою каюту, откуда только что вышел матрос, принесший маленькую дубовую ванну и горячую воду.

Скай сорвала свои грязные одежды, вручая их одну за другой Дейзи. Совершенно нагая, она шагнула в маленькую ванну и села.

– О-о-ох, – выдохнула она от удовольствия, – как хорошо, Дейзи! Я до сих пор и не чувствовала, как все болит.

Растянувшись, она взяла маленький кусочек пахнущего розой мыла, который Дейзи оставила на полу около ванны, и начала намыливать руки. Дейзи, заколов свои густые черные волосы на затылке, встала за Скай и, взяв у нее мыло, намылила ей спину. Затем приказала Скай подняться, чтобы вымыть ее ягодицы и длинные ноги. Очень быстро ополоснула Скай, приговаривая:

– В каюте слишком холодно, чтобы разнеживаться, госпожа. Мы ведь не можем сейчас болеть, правда ведь, госпожа?

Служанка потянулась за большим полотенцем из грубой ткани, лежавшим на кровати, и завернула в него госпожу. Дейзи быстро вытерла Скай, так что ее бледная кожа порозовела, и сказала:

– Полежите в постели, госпожа, пока снова не согреетесь и не придете в себя. У меня есть коричневый эль, свежий хлеб и отличный сыр, госпожа.

Скай устроилась поудобнее в постели и принялась пожирать незамысловатые, но вкусные приношения Дейзи.

– Ну, теперь я чиста, но ведь как не хочется влезать снова в эту грязную одежду!

Дейзи улыбнулась:

– У меня было предчувствие, что вы не попадете в Девон без остановки на Ланди. Каютный юнга уже смывает грязь с вашей юбки и чулок, а в моем багаже есть для вас чистая блузка и нижнее белье.

Скай благодарно взглянула на свою служанку и старую подругу. Дейзи ее хорошо знала. Поев и смахнув крошки с постели капитана Келли, она поднялась, чтобы переодеться. Прикосновение к коже чистого шелкового белья и кремовой блузки было приятно. Дейзи вручила ей зеленые вязаные шерстяные чулки и ее юбку-брюки для верховой езды. Поразительно, но они снова были чисты и вполне презентабельны. Дейзи помогла ей натянуть высокие сапоги, а Скай стянула свою узкую талию широким кожаным поясом. Овальная пряжка была из зеленоватой бронзы, на которой черной и желтой эмалью был выведен кельтский узор. Скай сидела на постели, пока Дейзи причесывала ее длинные черные волосы, одновременно распутывая их. Потом заплела их в одну большую толстую косу, стянув ее черной шерстяной лентой.

Послышался быстрый стук в дверь, и после разрешения в каюте появился капитан Келли. Рыжебородый и кареглазый, Келли был самым молодым из ее капитанов – стройный мужчина, ростом чуть выше Скай. К тому же он был очень умным и отчаянным морским волком.

– Мы вошли в гавань Ланди, миледи. Какие будут инструкции на период вашего пребывания на берегу?

– Немедленно отправляйтесь в Линмут, – приказала Скай. – Дейзи останется с вами. Оставайтесь в Линмуте до моих дальнейших распоряжений. – Скай повернулась к Дейзи: – Проследи, чтобы замок был готов к моему приезду. Пошли в Рен-Корт за госпожой Сесили и моей дочерью Виллоу. Я хочу видеть их обеих.

– Я прослежу за вашей высадкой, миледи, пока вы не окажетесь в безопасности на берегу и не встретитесь с лордом де Мариско, – сказал капитан Келли. – Мак-Гвайр протащил бы меня под килем, если бы я не сделал этого.

– Мак-Гвайр что-то стал похож на старую бабу, – пробурчала Скай, но ей было приятно, что Шон Мак-Гвайр, адмирал ее флота, так воспитывает своих людей. Мак-Гвайр – ее правая рука, и она очень высоко ценила его.

– Вы точно не хотите, чтобы я поехала с вами? – спросила Дейзи.

– Нет, Дейзи, все в порядке. Ланди не место для такой приличной девушки, как ты.

Капитан Келли хрюкнул:

– Да уж, на этом острове приличных девчонок не водится, слава Богу!

– Келли, – голос Скай стал притворно строгим, – вы меня удивляете!

– А меня нет! – огрызнулась Дейзи. – Он известный развратник!

– Мисс Дейзи... – возразил Келли притворно покаянным тоном.

Скай, быстро переводя взгляд с одного на другого, внезапно поняла, что Брэну Келли вовсе не все равно, что думает о нем Дейзи, да и Дейзи явно равнодушна к этому красивому молодому мужчине.

– Ну, Дейзи, – успокаивающе сказала она, – моряк, чье сердце свободно, вполне может позволить себе кое-какие вольности, а я не слышала, чтобы капитан Келли обещал свое сердце какой-нибудь девушке.

– И любая девушка вполне может себе позволить отказаться от такого сердца, если оно будет столь непостоянно в своих привязанностях, – угрожающе заметила Дейзи.

Стараясь скрыть улыбку, Скай распорядилась:

– Дейзи, вынеси мои вещи на палубу, пожалуйста. Я скоро выйду.

Дейзи сделала реверанс своей госпоже, высоко подняла голову, окинула Келли презрительным взглядом и выскочила из каюты.

– Только попробуйте соблазнить ее, Келли, – предупредила Скай, – и вы мне ответите. Дейзи не ветреница, и она находится под моей защитой, ибо дорога мне.

– Я подумываю остепениться, – ответил Келли, – мне ведь уже за тридцать, самое время.

– И если придете к определенному решению, я дам вам согласие ухаживать за ней, если она не будет против. А до этого держите свой гультфик на крепкой застежке, Келли.

Брэн Келли покраснел под взглядом серьезных глаз О'Малли с Иннисфаны, своей хозяйки и повелительницы, и кивнул:

– Мне лучше пойти на мостик и проследить за причаливанием. Гавань Ланди – место коварное, как вам известно.

Она улыбнулась ему:

– Я пойду с вами. И спасибо за то, что предоставили свою каюту.

Они вышли вместе на палубу, и, пока капитан Келли следил, как швартовался корабль, Скай вглядывалась в Ланди. Прошел год с тех пор, как она видела последний раз эти гранитные скалы, вздымающиеся над морем, маяк на оконечности острова и полуразрушенный замок де Мариско прямо перед ней. Скай печально вздохнула: не думала она опять увидеть Ланди и снова столь бесстыдно прибегнуть к помощи Адама де Мариско. Но, Бог видит, она нуждается в утешении, и только Адам мог понять ее.

– Шлюпка готова к спуску, миледи, – напомнил Келли.

Большие суда вроде «Королевы тумана» бросали якорь в заливе Ланди, не рискуя приближаться к опасному и скалистому берегу острова.

– Благодарю, Келли, за приятное путешествие, – поблагодарила она, забираясь в маленькую шлюпку.

– Ваш выюк, госпожа. – Дейзи наклонилась над поручнями и протянула его Скай.

– Теперь он мне не нужен, Дейзи, – ответила Скай с легкой улыбкой и скомандовала матросу, который был на веслах: – Вперед!

Шлюпка заскользила по пляшущим волнам к берегу – длинной каменной насыпи, служившей де Мариско причалом. Алый диск солнца с золотыми и пурпурными полосками на нем уже погружался в темное море. Из арки старого замка возникла огромная фигура и зашагала по направлению к ним. Скай выскочила из лодки и быстро побежала навстречу.

Адам де Мариско, с развевающейся под легким бризом копной непокорных черных волос, тоже побежал ей навстречу. Хотя он и провел юность при французском и тюдоровском дворах, но утонченным вельможей не стал, о чем свидетельствовали его высокие, до бедер, кожаные сапоги, камзол из оленьей кожи с роговыми пуговицами и шелковая рубашка с открытым воротом. Несмотря на холод, голова его была непокрыта.

– Адам! – кричала она на бегу. – Адам!

– Моя девочка! Неужели это ты? – Его бас прогудел в тихом вечернем воздухе, и, когда он заключил ее в свои медвежьи объятия, уткнувшись лицом в ее нежную шею, его глаза наполнились влагой.

– О Адам! – выдохнула она, вновь ощутив знакомую надежность его грузного тела и зная уже наверняка, что теперь-то все будет хорошо.

– Сочувствую тебе по поводу Найла, моя девочка.

Она оторвалась от него и посмотрела ему в глаза:

– Ты знаешь? Откуда?

– Несколько дней назад здесь останавливалось судно, и его капитан рассказал мне эту историю. Они пересекались с одним из кораблей О’Малли и узнали об этом от них. – Он обнял ее, и они вместе стали спускаться по набережной к замку. – Твой ребенок оказался мальчиком?

– Да, слава Богу! – ответила она.

– Так что старый Мак-Уилльям получил наследника, Скай.

Они вошли в замок, где на первом этаже располагалась грязная и пользующаяся дурной репутацией таверна. Скай кивала знакомым, дикого вида людям де Мариско и вездесущей Глиннис, чьи роскошные прелести были хорошо знакомы мужчинам, которые посещали Ланди. Они поднялись по лестнице в двухкомнатное обиталище де Мариско в единственной сохранившейся целой башне замка. Оказавшись наконец в большой передней, где ярко пылал камин, Скай повернулась к Адаму де Мариско и сказала:

– Мак-Уилльям мертв. Мой ребенок, Патрик, теперь наследник земель Бурка.

Он глубоко вздохнул:

– Это еще не стало достоянием гласности?

– Еще нет. Дублинские англичане давно зарятся на земли Бурка, Адам, но, пока старик и Найл были живы, у них не было шанса. Хорошо, что Елизавета Тюдор нуждалась в судах О’Малли и не осмеливалась обидеть меня. Я хочу послать весть из Линмута лорду Берли, что хочу видеть его. Чтобы защитить от этих дублинских хищников наследство Патрика, я должна получить благословение королевы. С каждым днем английский флот становится все больше и сильнее. Если мои корабли не нужны уже королеве, она не колеблясь разделит земли Патрика между своими придворными. И Патрик станет безземельным и безымянным. Я не могу этого допустить, Адам. Не могу!

Он подошел к дубовому буфету и налил себе и ей вина; темно-красная жидкость хлынула в тяжелые резные серебряные кубки. Повернувшись и вручив ей кубок, он сказал:

– Итак, моя девочка, ты опять все в том же положении, что и три года назад, когда умер Джеффри. Но теперь у Елизаветы Тюдор есть кое-какие счеты к тебе, которые она захочет свести, и к тому же ты стала более уязвима, так как имеешь на руках двоих детей, которых должна защищать.

Она кивнула, и ее сапфировые глаза наполнились слезами, которые сами собой хлынули из-под черных ресниц на ее бледные щеки.

– Черт, – прошептала она, – я все время реву в последние дни. Просто не знаю, что со мной, Адам.

Он нетерпеливо фыркнул:

– Скай, моя прелесть, моя милая Скай! Ты просто человек, вот что с тобой. При всей твоей силе ты всего лишь человек. За последние десять лет ты похоронила четырех мужей, троих из которых ты любила. Ты родила семерых детей, один из которых умер во время эпидемии. Ты сражалась с самой королевой Англии и победила, несмотря на заключение в Тауэр. И это не могло на тебе не сказаться. И вот ты снова, беззащитная и одинокая, сражаешься за своих детей. Стоит ли удивляться тому, что у тебя глаза на мокром месте, дорогая? Я не удивляюсь. Я удивляюсь тебе, моя девочка. Удивляюсь, как ты еще не сошла с ума.

Она взглянула на него сквозь слезы, стоящие в глазах.

– Ты нужен мне, Адам, – сказала она тихо, – я не имею права снова просить тебя, но ты так нужен мне!

– Я здесь для того, чтобы помочь тебе, Скай, – спокойно сказал он, – я был здесь для этого и буду. – Он посмотрел на нее и, наклонившись, нежно поцеловал. – Ты устала, моя девочка. Могу ли я утешить тебя, как раньше? Так давно, Скай, мы не дарили себя друг другу.

– О Адам, что я за женщина? – прошептала она. – Мой муж умер всего месяц назад, и я любила Найла! О Боже, как я любила его! Но ты нужен мне сейчас.

Он видел, что она на грани нервного истощения. В сущности, она и не могла бы сейчас спать с ним и, возможно, подумал он, никогда уже не будет в состоянии снова разделить с ним интимную близость. Он любил ее, всегда любил. Но Адам де Мариско был реалистом. Однажды она просила его жениться на ней, но, как ни желал он ее, он должен был отказаться. У него не было ни власти, ни громкого титула, которых заслуживала и в которых нуждалась Скай О'Малли. Он поднял ее на своих могучих руках и отнес в спальню. Осторожно положив ее на свою огромную кровать, он сказал:

– Я хочу, чтобы ты поспала немного, моя девочка. А потом мы обсудим все проблемы. Но сначала тебе нужно отдохнуть и успокоиться. – И он накрыл ее меховым покрывалом.

Она кивнула, благодарная за заботу, но почему-то не могла уснуть. Он сидел и следил за ней, пока она не начала засыпать. Вино в кубке убывало, и он встал, чтобы наполнить его снова, а затем вернулся на свой пост. Адам де Мариско был красивым высоким мужчиной с прекрасной фигурой. Его волосы были цвета воронова крыла, а борода, некогда отпущенная, теперь представляла собой изящное произведение парикмахера, достойное любого придворного щеголя. Полукруг его усов придавал рту чувственное выражение. Густые черные брови и ресницы оттеняли дымчато-голубые глаза. Длинный, сужающийся у ноздрей аристократический нос он получил в наследство от своих норманнских предков.

Вино иссякло, и он поставил кубок на столик. Как был, одетым, он лег рядом с ней. Иногда она вскрикивала во сне, увидев что-то страшное, и он в полусне охватывал ее своими руками, подкатываясь к ней под покрывалом, шептал ей на ухо что-то успокаивающее, и она снова спокойно засыпала. Наконец он сам провалился в сон, и приставший к его шелковой рубашке запах дамасских роз ее духов пробуждал в нем тысячу воспоминаний, которые остались у него столь же яркими, как и тогда, когда происходили события. Осознание того, что он снова держит ее в объятиях, наполняло его невыразимой радостью, и, удовлетворенный, он уснул.

Ему приснился невероятный сон. Словно он, совершенно голый, подвергся нападению облака крошечных ярких бабочек. Они игриво порхали над его нагими бедрами и животом, запутывались в густой черной поросли на его груди. Он чувствовал, как в его чреслах пробуждается желание, и с легким стоном проснулся. Первое, что он увидел, была голова Скай, склонившаяся над его грудью, и тут он понял, что бабочки были ее поцелуями.

– Кельтская ведьма, – пробормотал он, притягивая за волосы, чтобы увидеть ее лицо.

Ее прекрасные голубые глаза почти робко смотрели на него, и она прошептала смущенно:

– Я хочу тебя, Адам!

Дыхание у него перехватило. Она была нагой, и ее дерзкие маленькие груди были такими же прекрасными, какими он запомнил их. Нежные розовые соски вздымались. Она игриво провела пальцем по его бедру, и он с некоторым удивлением обнаружил, что тоже почти голый.

Проследив его взгляд, она озорно хихикнула и сказала:

– Вы слишком крепко спите, властитель Ланди. Будь я врагом, замок был бы моим. Пока вы храпели и всхлипывали, я сняла ваши штаны, белье и носки. А рубашку, увы, смогла только расстегнуть.

Отодвинув ее, он сел и снял провинившуюся рубашку.

– Вы наглая и бесстыжая девчонка, Скай О'Малли, – произнес он сквозь сжатые зубы, – но я все же хочу вас. Мощи святые, как я хочу вас!

Она откинулась, притянув его к себе, и наконец свершилось то, чего Адам де Мариско так желал всю ночь. Он страстно целовал ее, и его губы впивались в ее тело, оставляя на нем синяки. Но ее руки, сомкнувшиеся на его шее, притягивали его еще теснее, насколько это вообще возможно для людей, и ее язык впивался в его губы. Он ощущал своей волосатой грудью прижимающиеся к ней мягкие маленькие холмики ее груди, и это вызывало в нем невероятный прилив страсти. Когда он понял в свое время, что Скай О'Малли никогда не будет

его женой, он поклялся не спать с ней. Но сегодня ночью он понял, что эту клятву сдержать не сможет. Она ведь сказала, что хочет его, и – видит Бог – он хочет ее!

Сладость ее мягкого острого язычка была почти непереносима. Его губы разжались, и он впустил его внутрь, чтобы терзать и ласкать его своим языком. Но теперь он перехватил инициативу: загнал ее язык обратно и ворвался к ней в рот, насилуя и терзая его своим языком, пока она не откинула голову назад, застонав, в то время как сладострастный трепет охватил все ее тело, а соски напряглись от желания.

Адам де Мариско улыбался, глядя на ее охваченное страстью лицо. Она была самой прекрасной и чувственной женщиной, которую он когда-либо знал. Она полностью отдавалась ему, доверяя ему так, как не доверяли другие женщины. Ее глаза распахнулись, и он тихо сказал:

– Ты так прекрасна, моя девочка. Когда я смотрю на все прелести, которые ты даришь мне, я не знаю, с какой начать.

Она улыбнулась и опустила его большую голову так, что она оказалась на ее груди. Она вздохнула и издала стон удовольствия.

Но сначала он только любовался ее прелестными маленькими грудками – он был уверен, что у нее самые прекрасные округленные холмики нежной плоти с изящными розовыми сосками. Он осторожно сжал один из них губами, а его рука жадно сжимала вторую грудь. Пальцы одной ее руки запутались в его черных волосах, притягивая его голову все ниже, а вторая рука ласкала его шею. Ее прикосновение вызвало такую вспышку наслаждения, что тело его содрогнулось.

Подняв голову, он покрыл поцелуями ее лицо, нежное горло, мягкие плечи и вздрагивающие груди. Переместившись ниже, он впился во впадину пупка, покрыл горячими поцелуями живот, и она, воспламеняясь все больше от прикосновений его любящих рук и губ, прошептала:

– О Адам, да, да!

И несмотря на охватившую его страсть, он не смог сдержать смех. Она была чертовски непосредственна даже в страсти.

– Помнишь, что я однажды сказал тебе, моя девочка? Любовь – это великое искусство. И я не буду торопить наслаждение, тем более что я не позволю этому снова случиться с нами.

– Адам! – Она попыталась сесть, но он не позволил ей и только посмотрел ей в глаза.

– Я не буду твоим любовником, Скай О’Малли, и я сказал тебе однажды, что у меня нет ни титула, ни власти, достаточных, чтобы стать твоим мужем. Ты всех дороже мне на земле, и ради тебя я буду сражаться даже с драконом, но я не буду твоим любовником!

Она не стала спрашивать его почему. Она знала: он любит ее, и она любит его... но не как жена любит мужа. Они оба знали это. Вместе с другим ее партнером по делам, Робертом Смоллом, он был ее лучшим другом, а она обращалась с ним недостойно, приходя к нему и прося, нет, умолая, чтобы он покрыл ее, как покрывает жеребец-рекордсмен ее кобыл. Она залилась краской стыда от этой мысли.

– Прости меня, Адам. Дай мне встать. Я должна покинуть тебя, я не имею права находиться здесь.

– Нет! – Он властно удержал ее на постели. – Разве ты пришла затем, чтобы подразнить меня своими прелестями, милая Скай, и затем покинуть, пробудив во мне зверя? – Он рассмеялся. – Ты сказала, что я нужен тебе, моя девочка. Ну а теперь ты нужна мне, и я устал от разговоров. Оставим разговоры на потом. – И его рот скользнул по ее телу вниз столь быстро, что это нападение застало ее врасплох и у нее перехватило дыхание.

– Адам! – наконец смогла выдохнуть она.

– Тихо, дорогая! – ответил он, и его язык проник в глубины ее существа, посылая в ее душу маленькие раскаленные стрелы любви. Подобно языку пламени, прикасался он к бархатистой поверхности ее самого потайного уголка, пробуждая в ней знакомое и одновременно неизведанное наслаждение. Ее прекрасное тело реагировало с голодной жадностью женщины,

которой долго пренебрегали, – и, в сущности, она ведь не занималась любовью с пятого месяца ее последней беременности, то есть почти год. Она простонала, когда жидкий огонь окатил ее тело, а его язык все искал и находил, возбуждал и удовлетворял, любил и терзал и ее тело, и ее душу.

Реакция Скай доставляла большое наслаждение Адаму де Мариско, и наконец, когда ее страсть достигла почти предела, он сел так, что его огромное копье грозно выступило вперед. Подняв почти потерявшую сознание Скай, он осторожно опустил ее на свое орудие, поддерживая ее руками. Он был очень осторожен, так как из-за воздержания она была очень узкой. И когда он заполнил ее до предела, она закричала от наслаждения. Вместе они наклонялись вперед и назад, пока резкая судорога не охватила тело Скай и она, всхлипнув, не обмякла в его руках. Довольный тем, что она достигла пика, он решил позаботиться о себе. Он положил ее на свою гигантскую кровать и, возвышаясь над ней, подобно башне, глубоко погрузил свое твердое орудие в ее пульсирующие ножны. Наконец, удовлетворенный, он покинул ее и откатился на край кровати, чтобы восстановить дыхание, прежде чем снова заключить ее в объятия.

Они проспали несколько часов, и их разбудил свет утра, пробившийся сквозь единственное окошко в спальне башни. По его дыханию она догадалась, что он не спит, и несколько минут тоже молчала, не в состоянии говорить, не зная, что сказать ему. Он разрешил это затруднение, тихо пробасив:

– И как только смертная женщина способна доставить столько наслаждения, моя девочка? Хотел бы я быть твоим мужчиной, Скай О’Малли.

– Я бы хотела выйти за тебя замуж, Адам, ибо ты сильнейший мужчина из всех, кого я знала. С тобой я всегда в безопасности, а ты всегда говорил, что без мужчины с моим богатством и красотой я всегда буду беззащитна перед властями предрержащими. И мне стыдно использовать тебя для этого, но ты нужен мне сейчас, нужен!

– Скай, нет ничего удивительного в том, что женщине нужен мужчина, но это еще не повод для нашего брака. Ты это знаешь. – И он рассмеялся, чтобы разрядить напряжение. – Не могу не думать о том, что при дворе Елизаветы нет такого мужчины, который бы не продал душу, чтобы оказаться на моем месте этой ночью. – Он приподнялся на локте и посмотрел на нее. – Однако ты понимаешь, почему я не могу рассматривать твое предложение всерьез?

– Понимаю, Адам.

– Мы просто друзья, – улыбнулся он ей, – и я не хотел бы, чтобы ты, встретив человека, которого полюбишь по-настоящему, была вынуждена отказаться от него из-за ложно понятой преданности мне.

– Больше никого не будет, – твердо сказала она. – Господи, Адам! Я пережила за пятнадцать лет четырех мужей. Конечно, Дом, эта свинья, – это не потеря. Но Халид, Джеффри и Найл – это другое дело. Их я любила и вряд ли смогу пережить смерть еще одного любимого человека, Адам. Я начинаю верить, что приношу мужчинам, любящим меня, только горе. У меня было достаточно мужей! И шесть детей – вполне достаточно для любой женщины. Отныне я свободна! Свободна вести самостоятельную жизнь и могу сама выбирать себе партнеров.

– И любовников, – тихо произнес он.

– Возможно, – медленно сказала она и вдруг покраснела. – Я поняла, что не могу обходиться без мужчины. Ведь это чудовищно, Адам?

– Ты можешь обходиться без мужчины, если захочешь, моя девочка, – ответил он. – Эта ночь – совсем другое дело. Тебе нужно было просто побыть с другом, с тем, кто тебя любит, с тем, кто может тебя утешить.

– Но, Адам, – продолжала она дразнить его, – никто не может утешить меня так, как ты.

Их глаза встретились, и оба вспомнили свою первую встречу, когда он предложил свою помощь, в которой она отчаянно нуждалась, ценой одной ночи в его постели. Она тогда очень

страдала после потери Джеффри и их младшего сына. Когда она сдалась и плакала в его объятиях, он начал любить ее.

– Дай мне утешить тебя, моя девочка, – сказал он. – Теперь это стало их паролем, и оба рассмеялись при воспоминании об этом случае. – Сколько ты будешь в Линмуте? – спросил он, когда смех затих.

– Это зависит от Сесила. Сначала я должна отправить письмо, а затем ждать решения, могу ли появиться при дворе с прошением для королевы о наследии Патрика.

– А если тебе не позволят приехать ко двору, Скай?

– Тогда я обращусь с прошением к королеве из Линмута. Робби скоро вернется и похатайствует за меня, если мне самой не будет позволено появиться перед королевой.

Он кивнул:

– А где твои дети? Я надеюсь, они не в одном месте?

– Нет, Адам, я достаточно умна для этого. Старший сын, Эван О'Флахерти, на своей земле в Баллихинесси. Дядя послал моего старшего брата Майкла присматривать за ним. Ему уже тринадцать лет, он почти мужчина. Через три года он должен жениться на Гвинет Саутвуд, дочери Джеффри от его первого брака. Младший брат Эвана, Мурроу О'Флахерти, находится в имении графа Линкольнского. Ему нужно заводить влиятельных друзей, так как у него нет земли. Я могу дать ему богатство, но не земли. Земли он должен будет добыть сам, Адам.

Виллоу находится с леди Сесили Смолл. Моя старшая дочь не любит Ирландию. Наверное, наследственность ее отца заставляет ее стремиться к более мягкому климату. Поэтому я разрешила ей перезимовать у леди Сесили, пока Робби в отъезде. Они любят друг друга, и леди Сесили обучает ее всем женским премудростям. Слава Богу, что Робби и его сестра согласились формально удочерить ее, дать ей свое имя и сделать наследницей. То, что ее отец был испанцем, могло бы помешать ей в обществе, а если бы еще стало известно, что он был великим сводником Алжира! – Скай содрогнулась. – Хотя я любила Халида, его дочь не должна об этом знать. – Она хихикнула: – Халида бы развеселило, узнай он, что его дочь – настоящая английская девочка. Но без имени Робби Смолла она бы пропала. Большинство людей думают, что она действительно родственница Робби.

Мой маленький граф Линмутский – придворный паж. Итак, Адам, мне нельзя появляться при дворе, но мой Робби – любимый паж королевы. Говорят, он с каждым днем все больше становится похож на Джеффри. – Она улыбнулась. – Самого Джеффри называли «ангельским графом», а наш сын Робби получил при дворе прозвище Херувим. Как бы Джеффри гордился им! И мои дети от Бурка находятся в безопасности в их замке.

Нет, Сесил не сможет использовать против меня моих детей. Только Робби сравнительно доступен для него, но, будучи наследником одного из знатнейших родов Англии, он неприкасаем. Кроме того, Сесил не настолько жесток, чтобы пользоваться в войне детьми. Мягкое сердце – проклятие дворянина, а лорд Берли – честный человек, несмотря на то что он фаворит Елизаветы Тюдор.

– Ты не простила ее, а, Скай?

– Нет, Адам, я никогда не прощу ее за то, что она сделала мне. И я не прощу ей то время, которое она украла у нас с Найлом, особенно теперь, когда... когда Найл мертв.

– Скай, милая Скай! – Он обнял ее и прижал к груди. – Не воюй больше с Бесс Тюдор, моя девочка. Обещай мне! – Он внезапно испугался за нее.

– Обещаю тебе, Адам. Я стала мудрее той женщины, которая нападала на королевские суды прямо у нее под носом. То, что королева никогда не сможет доказать это, – уже достойная победа.

– Нам просто повезло тогда, Скай, – мягко возразил он.

Она хмыкнула:

– Мне жаль только изумрудов. – И он рассмеялся вместе с ней. Тут она отклонилась от него. – Черт, Адам, я просто умираю от голода! Ты плохой хозяин, раз не кормишь меня.

– А я-то думал, ты уже получила от меня все, что хотела, моя девочка, – поддразнил он ее, бросая в нее подушку.

– Я не ела ничего приличного уже несколько дней. Глиннис умеет готовить?

– Это только один из ее главных талантов, – ответил он подмигивая. Скай рассмеялась, а де Мариско продолжал: – Теперь, когда ты успокоилась и готова двигаться, я прикажу, чтобы она что-нибудь принесла нам.

Скай опомнилась:

– Да, Адам, мне нужно ехать, мое письмо должно отправиться к Сесилу сегодня утром.

Через час Глиннис уже шла из кухни в спальню, расположенную наверху башни, и ее могучие ноги сгибались под тяжестью подноса с едой.

– Я принесла всего понемножку! – объявила она с дружелюбной ухмылкой. – Сегодня вы уже не захотите есть, миледи.

Глиннис сделала книксен и оставила их созерцать приготовленные для них яства. Там стояли две дымящиеся тарелки с овсянкой, приправленной вареной грушей, накрытое крышкой серебряное блюдо, потускневшее от времени, где были яйца, сваренные в густых сливках, а также сухое испанское вино и укроп. Блюдечко с толсто нарезанными ломтиками розовой деревенской ветчины, горячий батон ржаного хлеба, завернутый в льняную салфетку, чтобы не остыл, свежее масло и густой мед. Картину завтрака довершал серебряный кувшин с коричневым элем.

– Боже мой, – воскликнула Скай в восхищении, – Глиннис могла бы получить работу на моей кухне, Адам! – Она взяла простой деревянный кубок и наполнила его. Вскоре каша была съедена, яйца и ветчина проглочены, и Скай, сидя в кресле, закутанная в огромную шелковую рубашку де Мариско, вытянув свои длинные ноги, большими глотками потягивала коричневый эль. Опустошив половину кувшина, она потянулась за хлебом. Отрезав аккуратно кусочек, она намазывала его маслом и медом, а затем отправляла в рот.

Адам, и сам не последний гурман, с удовольствием наблюдал за ней. Ему всегда нравился ее здоровый аппетит. Женщины, нехотя поклевывающие пищу, считая, что это соответствует хорошим манерам, всегда его раздражали. Скай любила хорошую еду.

– Я сам отвезу тебя в Линмут, – сказал он, и она кивнула головой, так как рот у нее был полон. – Ты хочешь, чтобы я остался в Линмуте до того, как будут получены вести от Сесила?

Она проглотила кусок:

– Нет. Лучше, чтобы Сесил не вспоминал о твоём существовании. И кроме того, может статься, что мне придется бежать, а Ланди – достаточно надежное пристанище для меня.

– Всегда, моя девочка! – согласился он с улыбкой, которая согрела ее всю – до кончиков пальцев на ногах.

Они отплыли с Ланди под лучами восходящего солнца, и свежий юго-западный бриз вскоре домчал их до Линмута. Адам ввел свое суденышко в маленькую бухту под скалой замка, где уже несколько веков назад графы Линмуты устроили запасной выход из замка в потайной пещере.

Адам не остался в замке.

– К полудню ветер утихнет, и я застряну здесь, если не отправлюсь сейчас же, милая Скай. Не слишком приятно, конечно, грести домой одиннадцать миль. – Он крепко обнял ее и быстро, но нежно поцеловал. – Будь осторожна, моя девочка. В случае, если я понадобится, используй прежние сигналы. У меня день и ночь будет юнга на часах.

С пощипывающими от подступающих слез глазами она наблюдала, как он выплыл в бухту, а из нее – в манящую голубизну моря.

Она вытерла глаза и, никем не замеченная, помчалась по стертým каменным ступеням вверх, в Линмутский замок. Попав в него через узкий проход, открывающийся в один из коридоров в самой старой части замка, она нашла свою комнату.

– Доброе утро, госпожа, – прошептала Дейзи, когда она появилась в дверях. – По счастью, мне удалось заметить шхуну лорда де Мариско, входящую в бухту. Не хотите ли поесть?

– Нет, – ответила Скай, – я сыта. Уот Мэсон здесь, Дейзи?

– Да, госпожа.

– Найди его поскорее, Дейзи. Он должен отправиться в Уайтхолл с посланием для лорда Берли.

– Лорд Берли в Девоне, госпожа, он в поместье сэра Ричарда де Гренвилля.

– Вот как? – удивилась Скай. – Старый паук редко оставляет двор. Странно. Что его привело сюда?

– Слухи о восстании, госпожа, – сказала дрожащим от переполнявшего ее сознания важности новостей голосом Дейзи. – Они идут еще с прошлого года, когда королева Шотландии бежала в Англию. Опасаются восстания болотных лордов на севере. Говорят, что восставшие в случае победы восстановят прежнюю религию, извините за выражение, госпожа.

– Ничего, Дейзи. Я католичка по рождению и религию менять не собираюсь, но и в бунт из-за религии ввязываться не буду. Религия – это личное дело каждого, его души и Бога. Северные лорды сошли с ума, если думают низвергнуть Елизавету Тюдор и возвести на престол ее кузину Марию Стюарт. Они не знают дочери Генри Тюдора так, как я. Эти идиоты потеряют все, и церковь не восстановит потери из-за них! Лучше не смешивать имущество и веру. А теперь найди Уота Мэсона. Он отправится с моим посланием в имение Гренвиллей.

Дейзи выбежала из комнаты, а Скай села за свой маленький письменный стол сочинять письмо королевскому государственному секретарю, самому могущественному сановнику Уильяму Сесилу, лорду Берли. Она не сомневалась, что старая лиса не преминет встретиться с ней, но вот поможет ли он ей – это вопрос. Скорее всего Сесилу не нужны новые проблемы в Ирландии, особенно учитывая надвигающееся восстание в самой Англии. «Бог в помощь Мэри Стюарт, – подумала Скай. – Мы никогда не имели ничего общего, но она спасла меня просто благодаря своему присутствию в Англии, чтобы устроить здесь смуту».

Записка Скай была краткой и состояла из приветствия и сообщения, что графиня Линмутская хотела бы видеть его перед его отбытием ко двору. Она может либо прибыть к нему, либо принять его у себя в Линмуте. Не будет ли он так добр послать ответ с ее посыльным?

Вернулась Дейзи с Уотом Мэсоном, который встал на колени, приветствуя госпожу. Скай запечатала письмо тяжелым золотым перстнем с вензелем, на котором были изображены морские драконы О’Малли. Подняв глаза, она вручила письмо Уоту, сказав:

– Это послание лорду Берли, королевскому государственному секретарю и казначею. Он сейчас в имении сэра Ричарда де Гренвилля. Отдай его только лорду Берли лично в руки и жди ответа. Ты понял меня, Уот? Ты должен отдать мое письмо только лорду Берли.

– Есть, госпожа. Я понимать. – Уот поднялся с колен и выскочил из комнаты.

Итак, подумала Скай, игра началась. К ее удивлению, ей почти не пришлось ждать продолжения. Уот с ответом от Уильяма Сесила оказался в Линмуте уже к концу дня, Скай нетерпеливо разорвала конверт и прочла записку. Сесил придет к ней! Он прибудет в Линмут через два дня и заночует здесь по дороге в Лондон. Его помощь обойдется недешево, но наследство и титул Патрика будут спасены.

– Госпожа! – влетела в комнату Дейзи. – Они здесь!

Испуганная Скай вздрогнула, не понимая, о ком идет речь, кого Дейзи имеет в виду. Прежде чем она собралась с мыслями, в комнату вбежала ее младшая дочь Виллоу.

– Мама! – Виллоу бросилась в объятия Скай.

Руки Скай сомкнулись вокруг дочери:

– Любимая моя доченька! Как мне тебя не хватало! – Внезапно счастливые слезы хлынули из ее глаз – так похожа была дочь Халида на своего отца: те же янтарно-золотые глаза, окаймленные густыми черными ресницами, и такие же черные волосы.

– Мама, ты останешься здесь на мой день рождения? – Виллоу вывернулась из объятий матери и серьезно взглянула ей в глаза.

– Разве уже наступил апрель? – начала прикидывать Скай.

– О, мама! Конечно, уже апрель, и мой день рождения через пять дней! Мне будет девять лет!

– Так много, Виллоу? Скоро придется искать тебе мужа.

– Спасибо, мама, я сама найду себе мужа! – дерзко ответила Виллоу, и Скай поняла, что, хоть Виллоу и похожа на отца, характер у нее мамин.

– Ты выйдешь замуж только за того, кого полюбишь, дорогая, – пообещала Скай дочери.

– Вы ее испортите, – прозвучал знакомый голос, и Скай улыбнулась поверх головы Виллоу вошедшей в комнату леди Сесили.

– Как и вы, – хихикнула она.

– Не ожидала, что вы снова появитесь в Англии, – сказала Сесили, усаживаясь в удобное кресло у камина.

Скай села в кресло напротив и, посадив на колени Виллоу, ответила:

– Так было нужно. У меня плохие новости. Старый Мак-Уильям умер, и без взрослого наследника наследство моего крошки Патрика в опасности. Лорд Берли у Гренвиллей, и через два дня он приедет поговорить со мной.

Леди Сесили кивнула:

– Он знает о смерти старика?

– Об этом никто еще не знает. Мы похоронили его тайно, и мой дядя Симус сейчас управляет замком. Я приехала, чтобы подать прошение королеве, если Берли разрешит мне вернуться ко двору. Если нет, то не знаю, что и делать. Возможно, Дикон де Гренвилль замолвит за меня словечко, а когда через месяц вернется Робби, то и он поможет, – сказала Скай.

Леди Сесили глубоко вздохнула:

– Милейшая Скай, да если будет нужно, я сама поеду ко двору хлопотать за вас. – Она наклонилась и, взяв тонкую кисть Скай в свои пухлые ладони, сказала: – Приношу свои соболезнования по поводу Найла. – Ее строгие голубые глаза увлажнились.

Но прежде чем Скай смогла ответить, раздался голос Виллоу:

– Мама, ты найдешь мне нового отца? Я не знала моего родного папу, но мне так нравились Джеффри и Найл!

– Не думаю, что выйду замуж, любовь моя, – сказала Скай. – Твоей маме хватит четырех мужей, и у меня уже есть все дети, которых я хотела. Ты ведь еще не видела своего нового братика Патрика. Это такой милый мальчишка, просто вылитый Найл. Ты поедешь со мной в Ирландию летом посмотреть на него?

Виллоу сонно кивнула – для нее день уже кончался. Скай кивнула Дейзи, и та вышла вперед:

– Идемте, мисс Виллоу, я покормлю вас отличным ужином: тосты с сыром и сладкий девонский сидр. А потом уложу вас в кроватку.

Виллоу слезла с коленей матери, взяла Дейзи за руку, и они вышли из комнаты.

– Что слышно о Робби? – спросила Скай леди Сесили.

– Его передовое судно было в Плимуте на прошлой неделе. Португальцы считают, что у них есть монополия на торговлю, но зато у Робби найдутся кое-какие связи. Трюмы кораблей его флота полны гвоздикой, мускатным орехом, перцем и корицей. Он передал мне, что у него есть нечто особенное для вас – какие-то необычные драгоценные камни.

– Мы заработаем приличное состояние на этом плавании, – заметила Скай. – Даже после вычета королевской доли у нас останется солидная прибыль. – Она мрачно улыбнулась: – Это все, что у меня осталось, леди Сесили. Дети и прибыль.

– Вы еще полюбите снова, дорогая.

– Не теперь, – сказала Скай. – Если мне снова удастся вкратце в доверие к королеве, мне не нужен будет мужчина, который бы защищал меня.

– Но вспомните, Скай, ведь именно действия королевы вынуждали вас искать мужской защиты в последние годы, – напомнила леди Сесили.

– Королева знает, что, если она поступит со мной так же, как в прошлый раз, я отомщу ей соответствующим образом. Хоть она и не смогла доказать, что я принимала участие в пиратстве, но она знает это.

– Не торопитесь принимать решение, дитя мое, – предостерегающим тоном сказала леди Сесили. – Подождите разговора с лордом Берли. Он хоть и человек королевы, но все-таки он честный.

– Да, – ответила Скай, – это достойный человек.

Это и занимало ее мысли, пока она готовила замок к прибытию лорда Берли. Замок, пока его юный хозяин был при дворе, а Скай в Ирландии, превратился в обиталище спящей принцессы. Теперь слуги мыли и скребли все уголки, протирали и полировали мебель. В главном зале появились огромные фарфоровые вазы с весенними цветами, в спальнях на кроватях были постланы надушенные травами простыни и покрывала. Когда через два дня Уильям Сесил, сэр Ричард де Гренвилль и их свита медленно проезжали по расчищенной и посыпанной гравием дороге, они восхищались великолепно подстриженными зелеными лужайками и яркими красками весеннего сада вокруг замка. Ров замка был заполнен водой еще со времен отца Джеффри.

Скай приветствовала гостей в большом зале, отметив при этом восхищение всех мужчин при ее появлении. Она надела черное бархатное платье с большим вырезом, обнажающим ее красивую молочно-белую кожу и мягкие полукружия маленьких грудей. Стоячий воротник был весь в серебряных кружевах, как и ленты на отороченных каракулем рукавах и нижней юбке. На шее – серебряное ожерелье с персидским лазуритом. Темные роскошные волосы были упрятаны под великолепную шапочку из серебряных нитей.

Приветствуя их, она сказала:

– Добро пожаловать, лорды! Добро пожаловать в Линмут!

– Господи, Скай, – восхитился Ричард де Гренвилль, – вы выглядите так же молодо, как и в нашу первую встречу! А я слышал, что вы наконец-то подарили старому Мак-Уильяму долгожданного наследника. – Он смачно расцеловал ее в обе щеки, но затем его лицо приняло строгое выражение. – Приношу свои соболезнования по поводу кончины Найла, – выдавил он.

– Плохая кончина хорошего человека, – заметил Уильям Сесил. – Добрый день, мадам. Я счастлив снова видеть вас в Англии.

– Будучи в Англии, я по крайней мере не могу готовить восстание в Ирландии, – ядовито заметила Скай.

Отрывистый сухой смех любимца королевы показал, что он оценил шутку.

– Мы понимаем друг друга, как всегда, леди Бурк, – сказал он, – но какую службу я могу сослужить вам?

– Мы можем поговорить наедине, сэр?

Он кивнул.

– Дикон, – сказала она де Гренвиллю, – не могли бы вы проводить этих джентльменов в зал и уделить внимание закускам, которые приготовили для вас мои слуги? Насколько я понимаю, дорога была нелегкой. – Она снова повернулась к Уильяму Сесилу: – В моей библиотеке оказалась бутылка редкого бургундского, лорд.

Он последовал за ней из приемной залы по коридору, ведущему через двойные дубовые двери в уставленную рядами книг комнату со слуховым окном. Струящийся сквозь него солнечный свет делал комнату теплой и привлекательной. Скай указала рукой на кресло:

– Не хотите ли присесть, лорд?

Он уселся в большое комфортабельное кресло и принял от нее серебряный кубок благоухающего вина.

Налив себе другой кубок, Скай подняла его, произнеся тост:

– За королеву!

– За королеву! – ответил Сесил.

Они выпили, и Скай, наклонившись к нему, сказала:

– Старый Мак-Уилльям умер, и мой маленький сын теперь новый лорд Бурк.

– У меня не было такой информации, – ответил лорд Берли, восхищаясь ее прямоотой. Большинство женщин начинают в таких случаях юлить. Куда же смотрят, однако, его шпионы?

– С вашей разведкой в Ирландии все в порядке, лорд, – сказала удовлетворенная Скай, словно читая его мысли. – Мой тесть похоронен тайно, и мой дядя распоряжается замком и землями вместо меня. Ваши дублинские англичане и мои ирландские соседи думают, что Рори Бурк лежит при смерти, и точат зубы на его земли. Поэтому его смерть еще не стала достоянием гласности, и поэтому я пригласила вас. Без благословения и защиты королевы маленький Патрик останется без земли и титула. Я вынуждена ходатайствовать перед вами, лорд. Позвольте мне вернуться ко двору, чтобы я могла обратиться лично к ее величеству. Суда О’Малли воюют с испанцами в пользу Англии, и королева получает свою долю от прибыли. Я ничего не прошу для себя, лорд. Я прошу только за своего сына, легитимного наследника земель и титула Бурков.

Уильям Сесил не отрывал глаз от своего кубка. На севере лорды Лумли и Арундел, Нортумберленд и Уэстморленд уже создавали неприятности из-за этой проклятой королевы шотландцев, Марии Стюарт. Согласно с догматами своей религии они полагали возможным помогать ей в притязаниях на британский престол. Видит Бог, королева слишком попустительствовала этим римским католикам. Елизавета Тюдор предпочитала свое понимание католичества папистскому, однако не преследовала своих подданных-католиков, если они были лояльны прежде всего к Англии, а не к Риму.

Лорд Берли покачал кубок, созерцая скольжение рубиновой жидкости вдоль серебряных стенок. К концу лета в Англии определенно намечается заварушка. Если сейчас престол не подтвердит право маленького Патрика на титул, то вскоре произойдет то, чего опасается Скай: англичане и ее не менее алчные ирландские соседи ринутся на ее земли, сражаясь за каждую пядь.

И ирландцы начнут войну с англичанами. Не важно, чья возьмет верх: англо-ирландские лорды все равно потребуют денег и солдат, чтобы сражаться с Бурками и О’Малли, и королеве придется послать и деньги, и солдат. Ирландия – бездонная бочка, в которую проваливаются армии и золото. Нет, решил Уильям Сесил, престолу больше не нужны враги или неприятности в Ирландии. Особенно враги, в распоряжении которых находится целый флот, который они не прочь использовать против Англии. Корабли Скай патрулируют Ла-Манш и Бискайский залив, перехватывая испанские галеоны, чьи сокровища пополняют сундуки королевы. Суда О’Малли нужны королеве, а значит, и дружба Скай.

– Хм-м... – протянул Уильям Сесил. Он не собирался отдавать требуемое слишком дешево, и тут ему пришла в голову отличная мысль, как использовать Скай. – Мадам, я могу ходатайствовать перед престолом о поддержке наследственных прав вашего сына, однако взамен корона может попросить вас об одной услуге.

– У меня нет выбора, – ответила Скай, – что от меня нужно?

– Во Франции, между Провансом и Лангедоком, есть небольшое самостоятельное герцогство под названием Бомон де Жаспр. Правящий герцог недавно изъявил дружеские чувства по отношению к королеве. Он предложил нам торговое соглашение и гостеприимство для английских судов. Мы желали бы принять предложение, так как нам необходим надежный порт на Средиземноморье и хороший наблюдательный пункт во Франции.

Герцог желает обрести жену-англичанку, так как у него всего лишь один ребенок. Мальчик, но, по слухам, слабоумный. Королева так и не придумала, кого мы можем послать в Бомон де Жаспр. Неопытная девушка не годится: ее головка будет забита мечтами о любви и романтических чувствах. Но у вас, мадам, таких иллюзий быть не может. И вы сможете исполнить свой долг перед Англией. Если вы станете невестой герцога, я лично прослежу за тем, чтобы права вашего сына были защищены. Мальчик будет подопечным ее величества.

– Вы сошли с ума! – Скай была в шоке. – Я не могу оставить Ирландию и Англию! Здесь – вся моя жизнь. Земли, богатство, дети! И я уже поклялась не выходить больше замуж, милорд. Я не переживу потерю еще одного любимого человека. Вы не можете требовать от меня этого! – Но она понимала, что он мог и требовал.

– Мадам, вы никогда не видели герцога Бомон де Жаспра. Поэтому и не можете любить его. Так что, если он оставит сей мир, это не причинит вам неудобств. Говорят, что, несмотря на все его стремление иметь ребенка, его здоровье пошатнулось. Похоже, через год-другой вы останетесь вдовой, но в этот период у Англии будет важный наблюдательный пункт в самом сердце Франции.

– Сэр, вы бессердечны! – воскликнула Скай. – Просите у меня все, что угодно, кроме этого, и я дам вам. Вы не можете требовать этого брака!

– Могу и требую, мадам! Единственный путь, который может обеспечить сохранение наследственных прав вашего сына, – это стать невестой герцога Бомон де Жаспра. – Взгляд его темно-карих глаз был прям и строг.

– Я обращусь лично к королеве!

– Вам запрещено появляться при дворе. Попробуйте появиться там без разрешения королевы – и живо угодите в Тауэр. Кроме того, все равно королева последует моему совету. Без высокого покровителя, мадам, дети так беззащитны. А кто может быть выше королевы? Благодарной королевы? Подумайте, мадам!

Скай знала, что проиграла. Она, конечно, могла отвергнуть недостойное предложение лорда Берли и вернуться в Ирландию, чтобы начать войну с англичанами и своими ирландскими соседями и вести ее пятнадцать лет, пока ее сын сам не сможет защитить себя. Или же она станет женой иностранца. Это совершенно против ее намерений, но выбора нет. Однако она так легко не сдастся престолу, не выторговав себе определенных гарантий.

– Мой брачный контракт должен быть того же типа, что и с Саутвудом и Бурком, – твердо сказала она. – То, что принадлежит мне, остается моим. Я ни с кем не собираюсь делиться богатством. Женщины и без того слишком несчастны в этом мужском мире, и я не собираюсь остаться к тому же беззащитной, контролируемой в каждом пенни кем-то. Если герцог не согласится на это, тогда ничто, лорд Берли, включая ваши угрозы, не заставит меня пойти на этот брак.

Он кивнул:

– Это будет нелегко исполнить, но если ваше приданое достаточно велико, мадам, трудностей с герцогом не будет. Довольно просто убедить его, что ваши поместья принадлежат вашим детям, которые, естественно, останутся здесь.

Теперь она кивнула ему. Ей будет невероятно трудно расстаться с детьми, особенно детьми Найла, но здесь они будут в безопасности. Патрик и Дейдра останутся на своих землях.

– Управлять землями Бурка должен мой дядя, епископ Коннотский, – продолжила она.

– Идет, – согласился Уильям Сесил. – Старый Симус О’Малли хоть и папист, но человек честный и уважаемый. Он не доставит престолу неприятностей. Если поставить на этот пост англичанина или англоирландца, то опекун может в конце концов присвоить наследство. Кроме того, под защитой своего двоюродного деда дети будут в безопасности.

– Остальные дети останутся там, где находятся, – сказала Скай.

– Тогда, если вас не затруднит, постарайтесь собраться как можно скорее, мадам. Завтра я возвращаюсь к королеве. Вы последуете за мной через семь дней. Сообщите, как только прибудете в Лондон, я организую ваше представление ко двору. Где вы остановитесь?

– В Гринвуде. Линмут-Хаус слишком велик, чтобы открывать его для одного человека на такой короткий срок.

Он холодно улыбнулся: как всегда, ему была приятна расчетливость Скай. Леди Бурк, как и его жена, была щедра, но бережлива. Она понимает, что богатство следует увеличивать, а не расточать. Он одобрял ее стремление сохранить свое имущество. Она – прекрасный делец, лучше, чем большинство знакомых ему мужчин.

– Тогда, мадам, – сказал он, – сделка заключена. Буду рад видеть вас при дворе.

Она проводила его до отведенной ему комнаты и быстро вернулась к себе. Она все еще не могла поверить в случившееся. Она ведь поклялась никогда больше не выходить замуж, и вот – собирается стать женой иностранного герцога и уехать из Англии. Герцогу нужны наследники, а она – испытанный производитель. Скай содрогнулась: неужели ей придется позволить незнакомому мужчине трогать ее, спать с ней? Одна только мысль об этом была ей отвратительна. Лорд Берли сказал, что герцог нездоров. Стало быть, может наступить момент, когда он будет не в состоянии исполнять супружеские обязанности. Можно надеяться на это.

В двери появилась вопрошающая леди Сесили:

– Ну? Сесил поддержит вас и устроит свидание с королевой?

– Да, – ответила Скай, – но за непомерно высокую цену. Я должна уехать в маленькое герцогство между Провансом и Лангедоком и выйти замуж за его правителя.

– Что? – На лице пожилой женщины был написан ужас, она схватила руку за сердце. – Очевидно, лорд Берли шутит с вами, Скай? Он не может быть столь жесток!

– Может, и я была вынуждена согласиться, в чем он был уверен. Герцогство предложило Англии средиземноморскую базу и аванпост во Франции. А также, как я подозреваю, хотя лорд Берли этого не сказал, и в Италии. Предполагают, что герцог вскоре умрет, а это значит, что через два года, как сказал Сесил, я вернусь домой.

– И тогда они снова используют детей Бурка как средство давления на вас? – Леди Сесили была в гневе. – Боже мой! Неужели Сесил стал королевским сводником?

– Не знаю, – устало ответила Скай, – могу лишь надеяться, что лорд Берли воспримет мое жертвоприношение как плату за все.

– Не могу представить, – в бешенстве прошипела леди Сесили, – чтобы он мог помыслить о том, чтобы разлучить вас с детьми!

Скай не могла сдерживать смех. Милая, милая леди Сесили! Пухлая вдовья сестра Роберта Смолла взяла Скай под свое крылышко несколько лет назад, с самого ее прибытия в Англию, и фактически была ее второй матерью. Она любила ее, Виллоу и всех детей Скай, была бабушкой Виллоу и Робину, но прежде всего верным и преданным другом.

– Не тратьте нервы на лорда Берли, – сказала Скай, – это ничего не изменит. Но я не покину Англию, пока не увижусь с Робби.

– А дети Бурка, Скай?

– Если я вернусь в Ирландию попрощаться с ними, то не смогу расстаться. Взять их с собой я тоже не могу: дорога трудна и опасна, а я ничего не знаю о своем будущем муже. Дейдра и Патрик еще так малы. Они не будут скучать обо мне, пока о них заботится дядя Симус. Если же брак окажется удачным, я пошлю за ними. И я хочу просить вас заботиться о Виллоу.

Оба мальчика О'Флахерти в безопасности. – Она всхлипнула при воспоминании о маленьких и беспомощных детях Найла. Сколько пройдет времени, пока она снова увидит их? Патрик скорее всего не узнает ее. Ему всего два месяца, а Дейдре нет и полутора лет. Запомнит ли она свою мать? Вряд ли. Слезы вновь хлынули из ее глаз.

Наутро лорд Берли со свитой покинул Линмут, и следующие несколько дней Скай была занята сочинением писем дяде, мачехе и прочим необходимым для обеспечения нормального функционирования ее мира людям, в которых сообщала о своих планах переезда в Бомон де Жаспр. Письма были отправлены с курьерами на лучших линмутских лошадях, так как Скай хотела узнать мнение своей семьи еще до отъезда. Она решила отплыть на одном из кораблей О'Малли и хотела, чтобы ее флагман «Чайка» ожидал ее в конце месяца в Лондоне. Она должна была обеспечить себе надежный эскорт, который бы избавил ее от пиратской угрозы. Вспоминая страшного алжирского капитана Джамиля, она сомневалась, что вообще доплывет до Бомон де Жаспра. И все же плыть морем было проще, чем путешествовать через бурлящую Францию.

Перед отъездом в Лондон Скай получила длинное письмо от своей сестры Эйбхлин, описавшей свое посещение монастыря Святой Марии и итоги расследования трагической смерти Найла Бурка. «Дарра действительно сошла с ума, – писала Эйбхлин. – Что касается злодейки Клер, то она столь же загадочно исчезла, как и появилась».

Скай смяла пергамент, на котором было написано письмо. Клер О'Флахерти!

– Да попадет твоя черная душа в ад! – яростно прошипела она. – Клянусь самым святым – Патриком: если наши пути пересекутся, я убью тебя собственными руками! – Произнеся эту страшную клятву, она почувствовала облегчение.

Скай решила взять с собой в Лондон Виллоу, чтобы провести с ней побольше времени. Ей хотелось, чтобы Виллоу увидела своего любимого брата Робина. Она старательно объяснила Виллоу свою ситуацию, и та поняла ее. Виллоу – не по годам смышленная девочка – прекрасно знала, что без собственности и золота любой человек беспомощен. Но даже с ними, как ее мать, человек беспомощен перед властью.

– А я не могу поехать с тобой, мама? – спросила она.

– Нет, пока я не буду убеждена, что брак удачен, любовь моя, – сказала Скай. – Я ведь ничего не знаю об этом герцоге, Виллоу. Он может оказаться достойным джентльменом, о котором я буду заботиться. Но он может оказаться и не столь приятным, и тогда я предпочла бы, чтобы мои дети оставались в безопасности в Англии и Ирландии. Понимаешь?

– Думаю, да, – тихо сказала Виллоу. – Если он неприятный, а я буду с тобой, он может угрожать мне, чтобы заставить тебя сделать то, что ты бы никогда не сделала, как лорд Берли.

– Боже милосердный! – всхлипнула леди Сесили. – Ей всего девять, а она уже понимает, как устроен мир!

– Это к лучшему, – сказала Скай, – меньше разочарований в нем. Ты права, любовь моя.

– Тогда лучше мне остаться здесь, с леди Сесили, – холодно заявила Виллоу.

– Гораздо лучше, – согласилась с ней мать, – по крайней мере сейчас.

2

Ровно через неделю после отъезда Уильяма Сесила в Лондон графиня Линмутская последовала за ним. Большая дорожная карета с гербом Саутвудов неуклюже тащилась по размытым весенним дорогам в столицу. Однако Скай, леди Сесили, Виллоу и Дейзи чувствовали себя внутри вполне комфортно. Рессоры кареты были хороши, красный бархат покрывал удобные мягкие подушки, набитые конским волосом и шерстью, а в ногах, обернутые во фланель, лежали нагретые кирпичи. Полсти из лапок рыжей лисы согревали путешественниц. Скай машинально поглаживала теплый мех, вспоминая те счастливые времена, когда под этой полстью она была с Джеффри.

Кучер с помощником восседали на передке, управляя четырьмя сильными лошадьми, влекущими карету. Впереди и сзади кареты скакало по шесть вооруженных слуг. Лошадей регулярно меняли, чтобы не снижать скорость продвижения, а впереди постоянно скакал вестовой, обеспечивавший ночлег и дневной отдых в лучших постоялых дворах.

Через четыре дня они были в Лондоне и, проехав сквозь шумный город, оказались в тихой небольшой деревушке Чизвик, где на берегу Темзы находился дом Скай. Он был последним в ряду фешенебельных зданий, принадлежавших Солсбери, Уорчестерам, епископу Даремскому. Рядом с Гринвудом, домом Скай, стоял Линмут-Хаус, принадлежавший теперь ее сыну Робину.

Гринвуд – трехэтажное здание из розового кирпича, стоящее в глубине парка. Когда карета Скай миновала открытые железные ворота и двинулась дальше, мимо улыбающегося и кланяющегося привратника и его непрерывно приседающей в реверансах жены, она вспомнила, как жалко выглядел этот дом всего семь лет назад. Ныне подстриженные лужайки, ухоженный парк, красивая аллея – все было прекрасно. Да, подумала Скай, это именно ее дом. Она улыбнулась: Гринвуд всегда был для нее счастливым местом.

– Добро пожаловать домой, миледи, – встретил их у входа мажордом. – У меня есть для вас письмо от лорда Берли. Куда принести его, миледи?

– В библиотеку, – быстро ответила Скай. – Виллоу, любовь моя, проводи Дейзи и леди Сесили. – Сама Скай поспешила в библиотеку, стягивая на ходу бледно-голубые надушенные перчатки из кожи козленка, которые швырнула на столик, войдя в библиотеку. Она расстегнула плащ с капюшоном, отороченным горностаем, и бросила его на руки спешившего за ней слуги, который понес его в гардероб. Мажордом уже шел к ней с письмом на серебряном подносе.

– Я хочу остаться одна, – сказала Скай, взяв письмо. Когда двери за мажордомом плотно закрылись, она быстро распечатала письмо Сесила.

«Приветствую Вас, мадам, и добро пожаловать в Лондон. Королева примет Вас в восемь вечера в Уайтхолле. Не нужно траура, так как будет присутствовать племянник герцога де Бомона. Оденьтесь в соответствии с Вашим положением и состоянием».

На ее губах появилась саркастическая улыбка. Она может впредь скорбеть о Найле только в своем сердце, так как престол не разрешает ей соблюдать положенный траур. Нет! И более того, ей приказано разодеться в пух и прах, так как ей придется продефилировать перед представителем самого герцога. Сесил, судя по всему, несколько не сомневался в том, что она может и не приехать в Лондон, бежать вместо этого в Ирландию и забаррикадироваться в замке Бурков! Благодаря своей обычной расчетливости он знал, что она должна приехать сегодня, и послал приглашение. Оценив мрачный юмор своего положения, она поспешила по лестнице вверх, в свои апартаменты, чтобы проинструктировать Дейзи относительно своего туалета на сегодняшний вечер.

За несколько минут до восьми часов городской экипаж Скай остановился перед Уайт-холлом. Пока лакей помогал ей выйти из кареты, несколько проходящих щеголей остановились, разинув рот от изумления. На Скай было великолепное платье темно-пурпурного бархата с глубочайшим вырезом. Поддерживаемая корсетом грудь угрожающе выпирала из края лифа. Широкие рукава с разрезами демонстрировали бледно-лиловую шелковую подкладку. Подвернутые манжеты, как и бледно-лиловая нижняя юбка, вышиты золотой нитью, украшены мелким жемчугом, золотыми и стеклянными бусинками. На ее стройных ногах были пурпурные шелковые чулки, расшитые узором в виде переплетенной виноградной лозы, и узкие пурпурные шелковые туфли с острым носком и на высоком каблук.

Волосы были уложены в прическу на французский манер, с пробором, который ей больше всего нравился, и дополнялись на затылке шиньоном. На большом гребне нашиты шелковые пармские фиалки и маленькие лилии – последний писк французской моды.

На шее Скай сияло немыслимо роскошное ожерелье из оправленных в золото бриллиантов и аметистов, в ушах – ее знаменитые серьги из бриллиантов в виде персиков, обрамленных причудливыми жемчужинами. Но кольцо у нее было всего одно, на безымянном пальце левой руки – розовый сапфир в форме сердца.

Она слегка подвела глаза голубым и наредила губы, но щеки пылали не от пудры, а от возбуждения, гнева и ярости. Окруженная душистым облаком аромата дамасской розы, она вошла во дворец.

Один из глазеещих на нее щеголей по глупости преградил ей дорогу. Сняв шляпу с пером и низко поклонившись, он прошептал:

– Всего лишь слово, о изысканнейшей леди, всего лишь слово – и я умру от счастья!

– Прочь с дороги, глупый щенок! – прорычала Скай, до которой постепенно доходило, зачем она в самом деле находится здесь.

Щеголь чуть не рухнул от шока, а она, обогнув его, быстро, по памяти, нашла дорогу. Повернув за угол, она столкнулась с придворным и уже собиралась извиниться, но открыла рот от изумления, когда тот схватил ее за руки.

– Дадли?! – прошипела она, глядя на самодовольную ухмылку графа Лестерского.

– Милая Скай, – пробормотал он, – я не мог поверить в собственное счастье, когда Бесс сказала, что разрешила вам, снова вдове, вернуться ко двору.

Смысл его слов был очевиден, и она едва сдержалась, чтобы не содрогнуться от омерзения. Рука Роберта Дадли скользнула вдоль ее талии, и он притянул ее ближе. Она ощутила щекоющее прикосновение его усов на своем ухе, когда он поцеловал ее и прошептал:

– Вы просто загоняете своих мужей, милая Скай! Выходите замуж за меня, и вам не удастся меня заездить!

Она в раздражении оттолкнула графа, глядя на него с презрением. Роберт Дадли, граф Лестерский, был, как всегда, элегантен и красив, но его манеры были так же оскорбительны и невыносимы для Скай.

– Немедленно уберите руки, Дадли! Я приехала сюда потому, что королева имеет на меня особые виды, и, если вы осмелитесь снова приставать ко мне, я устрою самый ужасный скандал, какого еще не видел этот двор! На этот раз, свинья, меня защитит лорд Берли! – Она скинула его руку со своей талии. – Вы испортите мне платье!

– А что же это у Бесс за особые виды на вас, дорогая Скай? – Казалось, ее гнев несколько не задел его.

– Скоро узнаете, лорд. А теперь извините, меня ожидают у королевы.

– Я провожу вас, – сказал он, беря ее под руку.

Она не отказала ему в этой милости, так как понимала, что, как только станет известно о ее помолвке, Дадли придется отстать. Они молча дошли до дверей апартаментов королевы, которые при их приближении широко распахнула личная стража ее величества. Среди присут-

ствующий Скай узнала только двух женщин: Леттис Кноллиз и леди Элизабет Клинтон, уроженную Фицджеральд. Леди Клинтон была графиней Линкольн, и в ее свите состоял пажом второй сын Скай, Мурроу.

Внезапно вперед выступил маленький золотоволосый мальчик в бледно-голубом бархатном костюме с серебряными кружевами.

– Добрый вечер, мама! – сказал он.

– Добрый вечер, Робби, – ответила Скай, пожирая сына глазами. Ей хотелось обнять его, но она не могла сделать это при всех.

– Скай! – К ней подошла Леттис Кноллиз. – Как я рада снова видеть тебя! – Ее глаза скользнули по Дадли с легким упрёком.

Вот оно как обстоит теперь дело, подумала заинтригованная Скай.

– Леттис, дорогая, я тоже рада видеть тебя! – И она слегка повернулась. – Как поживаешь, Бет?

Леди Клинтон кивнула:

– Отлично, и твой Мурроу – просто прелесть, Скай. У меня никогда не было такого изящного и воспитанного пажа. Надеюсь, ты разрешишь мне оставить его у себя еще немного?

– Он пишет, что счастлив, – ответила Скай, – я не вижу причин забирать его из-под твоей опеки, Бет. Ему просто повезло, что он оказался в таком прекрасном доме. Надеюсь, я смогу видеть его, пока нахожусь при дворе? Мое пребывание здесь не будет долгим.

– Дай мне знать, когда захочешь увидеть его, – сказала сочувственно Элизабет Клинтон.

– Дражайшая Скай! – Все присутствующие повернули головы к Елизавете Тюдор. Скай низко поклонилась королеве и присела в глубочайшем реверансе. – Мы приветствуем вас, дражайшая Скай, – сказала королева.

– Я так признательна вам, что вы разрешили мне вернуться ко двору, ваше величество, – ответила Скай выпрямляясь. Бесс Тюдор, на ее взгляд, не слишком постарела и выглядела элегантно и молодо.

– Пройдемте в мой кабинет, Скай, – сказала Елизавета, – остальные пусть ожидают здесь.

Женщины удалились в маленькую комнату, где находилась личная библиотека королевы. Елизавета уселась в кресло, жестом указав Скай на кресло напротив.

– Вы знаете, почему я здесь, ваше величество, – начала Скай.

– Знаю. Вы желаете, чтобы я подтвердила права юного лорда Патрика Бурка, чтобы англичане из Дублина не захватили земли Бурков теперь, когда в роду Бурков нет взрослого мужчины, который бы защищал их.

Скай кивнула.

– Желаете ли вы оказать мне взаимную услугу? – спросила королева.

– Я всегда была преданнейшим слугой вашего величества, – последовал ответ.

– Даже захватывая мои торговые суда, – сухо сказала Елизавета.

– Это не доказано, – быстро ответила Скай.

– Ха! – хмыкнула королева. – Это привлекательное животное, де Мариско, спас тогда вашу шею, Скай. Но я знаю, что это были вы! За этим скрывалась ловкая женская ручка. Это было великолепно сделано, и при этом весьма разорительно для меня. Мужчины более прямые, дражайшая Скай. – Она пристально посмотрела на Скай. – Желаете ли вы поехать в Бомон де Жаспр в качестве невесты герцога?

– Я не хотела бы, ваше величество, но поеду. Я поеду, если вы гарантируете права моего сына.

– Вы понимаете, что от вас потребуется собрание, а потом передача нам интересующих нас важных сведений, которые вам удастся получить относительно Франции, Испании, папских государств и Священной Римской империи?

– Понимаю, ваше величество.

Королева кивнула:

– Тогда я подтверждаю права вашего ребенка, мадам. Сесил сказал мне, что вы желаете, чтобы ваш дядя, старый епископ Коннотский, был опекуном.

– Да, ваше величество. Он добрый человек и одновременно мудрый.

– Отлично, – сказала королева, – я не нахожу причин для отказа. Герцог де Бомон, несомненно, будет поражен, когда увидит, сколь прекрасную невесту я выбрала для него. Слишком часто невесты, избранные для глав государств, разочаровывают своих женихов.

– И слишком часто эти женихи разочаровывают невест, – последовал ответный удар.

Королева снова хихикнула:

– Помню, как прибыла четвертая жена моего батюшки, Анна Клевская. Она была намного толще, чем вы могли бы представить себе по ее портрету, и при этом постоянно покрывалась красными пятнами, когда нервничала. Обе стороны невзлюбили друг друга с самого начала, и батюшка был в гневе на своего художника, Ханса Гольбейна, сделавшего портрет принцессы Клевской. Конечно, мой отец тоже не был подарком, он слишком растолстел и был к тому же уже далеко не молод, чего сам, впрочем, не замечал. Он страдал от подагры и, особенно когда его правая нога болела, становился очень раздражительным. К несчастью, в момент ее приезда у него как раз был такой приступ. Они развелись очень быстро. – Королева улыбнулась при воспоминании об этой давней истории и сказала: – Пора переходить к танцам, дражайшая Скай. Сегодня вечером мы представим вас племяннику герцога, Эдмону де Бомону. Он будет эскортировать вас в Бомон де Жаспр. Вы найдете его чрезвычайно интересным.

– Я не могу покинуть Лондон до возвращения сэра Роберта Смолла, ваше величество. Он должен прибыть в этом месяце из весьма удачного плавания. Его передовое судно уже в Плимуте, и я узнала, что товары, находящиеся в его трюмах, намного увеличат содержание казны вашего величества.

Елизавета Тюдор улыбнулась:

– Вы можете не покидать нас до возвращения сэра Роберта. У вас будет время для переговоров с ним. Я знаю, какая вы деловая женщина.

Она взяла Скай под руку, и они вместе вышли из библиотеки.

– Леди! Дадли! Начнем! Мои ноги чешутся от желания потанцевать, а уже поздно.

Общество во главе с королевой проследовало по коридорам Уайтхолла в большой зал с обтянутыми тканью стенами и паркетным полом. Музыканты уже сидели наготове в углу комнаты на небольшом возвышении. Елизавета и ее свита прошли по залу вдоль выстроившихся в ряд и кланяющихся придворных к позолоченному трону, водруженному в конце зала. Королева воссела на лежащую на нем подушку красного бархата и указала Скай на одно из низких кресел, предназначенных для почетных дам, сбоку от трона. Остальные дамы быстро расселись по своим местам, но одной пришлось встать за тронном королевы. Придворные начали подходить к королеве для приветствия. Некоторые были знакомы Скай, другие – нет, и она не уделяла большого внимания этому шествию, которое очень быстро наскучило ей. Двор вообще утомлял ее. И только когда к королеве подошел человек, о котором мажордом объявил: «Эдмон де Бомон», – она оживилась и посмотрела на незнакомца.

Ее расширившиеся синие глаза выдали то удивление и потрясение, которое она испытала: к ней приближался один из самых красивых мужчин, которых она когда-либо видела. Но при этом он был... карликом! Его фигура не была уродливой, как это часто бывает у карликов, он был отлично сложен и одет по последней моде. Его парчовый камзол расшит золотистыми бриллиантами, а воротник и рукава отделаны золотыми кружевами. Короткие бриджи подшиты жестким конским волосом и оттопыривались по моде. Чулки – из золотистого шелка, также усыпанные бриллиантами и маленькими черными бусинками, а башмаки на плоской подошве – из золотистой кожи с черными розочками. Костюм довершала короткая пелерина

из черного бархата с парчовой подкладкой, опушенная чернобуркой. У пояса висел золотой кинжал, укороченный в соответствии с его фигурой и усыпанный рубинами и алмазами.

Подойдя к трону Елизаветы, он ловко поклонился и неожиданно для своего роста про-
басил:

– Ваше величество!

– Добро пожаловать, Эдмон де Бомон, – сказала Елизавета. – Надеюсь, ваше пребывание в Англии будет приятным.

– Английское гостеприимство известно повсюду, ваше величество, – отвечал он.

– Леди Бурк, подойдите сюда, – позвала королева. Скай, поднявшись со своего низкого сиденья, подошла к трону. – Месье де Бомон, позвольте представить вам леди Скай Бурк, которая согласилась направиться в Бомон де Жаспр как невеста вашего дяди.

По залу пронесся шепот удивления.

Скай присела перед Эдмоном де Бомоном, замечая с некоторым удивлением, что, по мере того как она наклонялась, ему открывалась ясная, почти что неприличная картина ее груди. Выпрямившись, она услышала, как он тихо произнес:

– Мой дядя будет очень, очень рад, ваше величество.

Скай покраснела до корней волос, но когда ее глаза встретились со взглядом Эдмона де Бомона, она увидела, что, несмотря на вежливое и серьезное выражение лица, его фиалковые глаза смеялись.

– Могу лишь надеяться, что ваш дядя столь же очарователен, как его племянник, месье де Бомон, – ответила она.

– Не думаю, что в отношении дяди Фаброна применимо слово «очаровательный», – сказал Эдмон, но его глаза по-прежнему смеялись.

– О Боже! – вымолвила Скай невольно и закусила губу от стыда.

Эдмон де Бомон рассмеялся:

– Вы всегда столь искренни, леди Бурк?

– Наша дорогая Скай очень скромна, не так ли, Дадли? – заметила королева.

– Разумеется, ваше величество, – ответил Дадли, – леди Бурк всегда говорит то, что думает. Это наиболее запоминающаяся и часто стимулирующая черта ее характера, месье де Бомон.

Скай послала ему взгляд, полный неприкрытой злобы, который Эдмон де Бомон не преминул заметить. Отчего, удивился он, эта дама так ненавидит графа Лестерского? Возможно, он стремится оттолкнуть ее? Вряд ли, подумал де Бомон. Женщины ее типа не гонятся за такими хлыщами, как лорд Дадли.

– Ступайте с месье де Бомоном, дражайшая Скай, так как вы, несомненно, хотите задать ему немало вопросов о вашем будущем доме, – с деланно скромной улыбкой сказала королева.

Скай вышла вперед и приняла протянутую руку Эдмона де Бомона. Они поклонились королеве и пошли через зал к выходу. Скай и Эдмон де Бомон представляли почти комическую пару, так как кавалер был ростом один метр, а в Скай даже без обуви было 170 сантиметров. Однако никто не осмелился даже хихикнуть, поскольку королева была деспотом, когда дело касалось хороших манер, а этот коротышка был ее почетным гостем.

– И вы действительно желаете задать мне много вопросов, леди Бурк?

Скай секунду подумала, а затем сказала:

– Думаю, мне следует это сделать, месье. Я только начинаю привыкать к мысли о браке с вашим дядей.

Эдмон де Бомон провел ее к алькову. Она села. Он взял два кубка с охлажденным белым вином с подноса слуги. Вручив один из них ей, он сел к ней лицом и принялся с интересом разглядывать ее.

– Вы не желаете выходить замуж за моего дядю?

– У меня нет выбора, месье. Я должна подчиняться королеве.

– Есть ли другой джентльмен, за которого бы вы хотели выйти замуж?

– Нет, месье де Бомон, никого нет. Мой муж умер всего два месяца назад, и я буду всю оставшуюся жизнь хранить траур по Найлу.

Он сделал большой глоток. Хорошо, что у нее никого нет. Возможно, она сможет полюбить его дядю и они будут счастливы. Один Бог знает, от скольких неприятностей это избавит его. Его двоюродный брат, Гарнье де Бомон, единственный выживший ребенок его дяди, – полудурок, так что дядя будет вынужден назначить наследником Эдмона. Но, став герцогом де Бомоном, он должен будет жениться, а какая девушка захочет его? Сколько мужчин и женщин издевались над ним из-за его роста! Его физический недостаток не отразился на его уме, но умом Эдмона де Бомона никто не интересовался: ведь он карлик.

Но эта экзотическая прекрасная женщина, кажется, не забавлялась и не была смущена его ростом, она разговаривала с ним просто и бесхитростно. Он снова взглянул на нее и тихо сказал:

– Я сочувствую вашему горю, леди Бурк. – И, решив переменить тему, спросил: – Есть ли у вас дети?

Улыбка озарила ее лицо, и она ответила:

– У меня четыре сына и две дочери.

– Им понравится Бомон де Жаспр, – уверил он ее, – климат у нас прекрасный, и ваши дети вволю наслаждаются морем.

– Мои дети не поедут со мной, месье.

– Но почему? – удивился он, понимая теперь, откуда такая печаль в волшебных голубых глазах.

– Мой старший сын Эван должен находиться на своих землях, месье. Его брат Мурроу – паж у графини Линкольн и должен остаться при дворе, если ему суждено получить земли и собственное пэрство. Мой третий сын – граф Линмутский. Он любимый паж королевы, это тот мальчик, что стоит справа от нее. Моему младшему сыну, лорду Бурку, всего два с половиной месяца. Он также должен остаться на своей земле, да и слишком он мал для путешествий. Мои дочери также остаются здесь. Виллоу девять лет, она наследует моему партнеру по делам сэру Роберту Смоллу. Дейдре всего год и четыре месяца, и, как и ее маленький брат, она слишком мала для поездки.

– Не понимаю, леди Бурк, почему вы согласились на этот брак, – сказал Эдмон де Бомон. – Мне говорили, что вы сказочно богаты, у вас много земель и денег, и, оказывается, у вас такие маленькие дети. Надеюсь, вы не относитесь к числу женщин, которые гонятся за громким титулом?

– Если бы я имела право выбора, месье де Бомон, и если бы ваш дядя был самым императором Священной Римской империи, и то бы я не пошла за него. Но королева хочет, чтобы я сделала это, и я должна выполнить ее приказ.

– Но почему?

– Потому что я ирландка, месье де Бомон, и англичане завоевали мою родину. Я согласилась выйти замуж за вашего дядю, потому что в противном случае земли моего маленького сына будут разделены среди англоирландцев, этих английских наймитов. Я реалистка, месье де Бомон, – продолжала Скай, – и я не надеюсь выиграть сражение с англичанами, ибо, к сожалению, ирландцы не способны объединиться. Иначе англичан не было бы на нашей родине. У меня же есть долг перед моими детьми и памятью их отцов. Я ответственна за земли четырех семей, огромные капиталы и целый флот. Неужели ради какого-то идеала я пушу по миру себя и своих детей? Разумеется, нет.

– Мадам, я начинаю сомневаться, подходите ли вы для моего дяди.

– Почему же нет? – улыбнулась Скай. – Из-за того, что я искренна, месье?

– Мой дядя привык к женщинам более мягкого типа, – улыбнулся он в ответ, и она подумала, что у него очень приятная улыбка.

– Если вы сообщите Елизавете, что я не подхожу вам, – сказала она более серьезным тоном, – она поинтересуется тем, что вызвало ваше неудовольствие, месье. А это может поставить в опасность жизнь моего сына, лорда Бурка. Уверяю, я буду женщиной именно того типа, в котором нуждается ваш дядя. Говорят, что он стар и не слишком здоров. Я буду нежно ухаживать за ним.

– Кто наговорил вам, что мой дядя стар, леди Бурк? – Эдмон де Бомон был удивлен. – Дяде Фаброну всего сорок пять, и он в прекрасном здравии. – По ее лицу он понял, что она потрясена. – Боже, они солгали вам, чтобы добиться вашего согласия?!

Она побледнела, и он положил свою приятно теплую руку на ее сжавшиеся, дрожащие ладони.

– Лорд Берли сказал, что ваш дядя стар и болен. И что я вернусь домой через год, максимум через два. О Боже, мои дети! Я никогда их не увижу!

– Это чудовищно! – Эдмон де Бомон не был противником брачных сговоров, но эту женщину использовали самым возмутительным образом. – Я поговорю с королевой лично, – сказал он. – Вы не можете так оставить ваших детей!

– Нет! – Ее голубые глаза расширились от страха. – Месье де Бомон, не говорите об этом никому! Вы не окажете мне услуги, а я потеряю все. Я смирилась со своей участью, и вы должны смириться со своей.

Теперь она охватила своей рукой его крошечные ручки.

– Прошу вас, месье, – умоляла она.

– Мадам, я ваш самый преданный слуга, – ответил он. – Да будет так, как вы желаете. Я буду вашим другом.

– Вы уже мой друг, месье де Бомон, и так как вы друг, то, я думаю, вы можете называть меня просто Скай. – Она успокоилась, поверив в его благородство.

– С удовольствием, Скай, если только вы будете называть меня Эдмоном.

На противоположном конце комнаты Роберт Дадли, ухмыляясь, шептал королеве:

– Посмотрите, как мило она болтает с этим гномом! Меня тошнит от этого! А герцог, случайно, не карлик? Забавно было бы, Бесс! Наверное, они оба соответствовали бы одному Джефффри Саутвуду... или Найлу Бурку! – Он гнусно захихикал.

– Не ревнуете ли вы, лорд? – резким тоном оборвала его королева. – Мне казалось, вы уже преодолели страсть к леди Бурк. Не испытывайте мое терпение, Роберт. Я была к вам очень благосклонна, и так-то вы отвечаете мне!

– Я восхищаюсь вами, Бесс! Вы это знаете, но вы же не выходите за меня замуж. Я всего лишь только мужчина, мадам!

– Фи, Роб, потише, – оборвала его королева, – на нас смотрят. Что касается герцога де Бомона, то он не карлик. Его племянник показал мне портрет, который он прислал для предполагаемой невесты. Это достойный джентльмен. Леди Бурк не будет несчастна в Бомон де Жаспре.

– Она исчезнет из виду, – ответил Дадли, – меня вы не проведете, Бесс. Я слишком хорошо вас знаю. Для вас она – враг. Посылая ее в Бомон де Жаспр, вы избавляетесь от этого врага.

– И получаю шпиона во Франции, Испании и папских государствах, – тихо сказала королева. – Не сомневаюсь, что леди Бурк услышит немало интересного и расскажет это нам.

– Боже, Бесс, – восхищенно протянул лорд Дадли, – вы просто чудовище!

Королева игриво улыбнулась графу Лестерскому:

– Потанцуйте со мной, Роб, и мы обсудим, какой бы свадебный подарок преподнести леди Бурк.

Когда Скай и Эдмон де Бомон созерцали весело несущихся в танце под задорную мелодию королеву и лорда Дадли, к ним подсел Уильям Сесил.

– Итак, вы подружились с де Бомоном, леди Бурк. И вы, месье, увидели тот уникальный дар, который мы посылаем вашему дяде. Будет ли он удовлетворен им?

– Как может быть иначе, лорд Берли!

– Королева желает, чтобы вы, леди Бурк, отплыли в конце апреля. С вами и свитой поедет месье де Бомон.

– Королева обещала мне, что я могу остаться в Англии до тех пор, пока не вернется сэр Роберт, милорд. До этого момента я не поеду! К чему такая спешка? Я могу поехать в середине мая. Мне нужно уладить дела с приданым – мои английские платья совершенно непригодны для теплого климата. Не собираетесь же вы отправить меня к герцогу в одной рубашке?

Эдмон де Бомон хмыкнул, увидев растерянность на лице королевского государственного секретаря и казначея.

– Большой спешки нет, лорд Берли, – сказал Эдмон, – мой дядя совершенно здоров, и портрет леди Бурк, который я пошлю ему завтра, еще более укрепит его дух. Если мы отправимся в середине мая, как предлагает Скай, мы будем в Бомон де Жаспре в июне, а это идеальное время для бракосочетания, в особенности в нашей стране.

– О... да-да! – Уильям Сесил нервно начал выбираться из алькова прочь.

– Вы были так добры, лорд! – Тон Скай был ласков, но глаза полны гнева. – Как мило, что мой будущий муж обладает столь крепким здоровьем.

– Конечно, конечно, мадам! – пробормотал лорд Берли и, повернувшись, скрылся в толпе.

– А вы не слабый противник, – рассмеялся Эдмон де Бомон.

– Что за портрет? – спросила Скай.

– Да ваш! Я собирался набросать его сегодня вечером, – ответил он.

– Вы разве художник?

– Я делаю неплохие портреты. Если вы предоставите мне несколько минут, я сделаю быстрый набросок для миниатюры.

– Может быть, мне стоит попозировать для портрета, Эдмон?

– А вы не против? – Он был в восторге.

– Вовсе нет. Кроме того, ваше общество для меня гораздо более привлекательно, чем эти придворные прихлебатели. Я уверена, королева разрешит нам удалиться, если мы попросим ее.

Елизавета, с одной стороны, была довольна и в то же время озадачена. Хорошо, что Скай так легко согласилась на этот брак с герцогом де Бомоном. Но почему? Что она задумала? Она так быстро нашла общий язык с этим карликовым племянником герцога. Что, если она задумала какую-нибудь пакость? Королева широко улыбнулась Скай и Эдмону де Бомону.

– Разумеется, вы можете идти, месье де Бомон. И вы, дражайшая Скай. Надеюсь, что месье ответил на ваши многочисленные вопросы?

– Конечно, ваше величество, – ласково ответила Скай, – это просто кладезь мудрости, и теперь я просто в нетерпении, когда же наконец прибуду в Бомон де Жаспр.

Королева протянула руку для прощального поцелуя Эдмону де Бомону. Он поцеловал ее с такой грациозностью и элегантностью, что королева заметила:

– Превосходно, сэр, недостаток роста нисколько не влияет на ваши манеры. Каковы стиль и деликатность!

– Разве не вы, мадам, заметили однажды: физическое состояние человека нисколько не влияет на остальные сферы его деятельности?

Королева рассмеялась от всей души:

– Я буду рада видеть вас при моем дворе в любое время, месье де Бомон. Мне нравятся умные и изящные люди. И хотя ваше изящество восхищает, ваш ум достоин еще большего восхищения!

Скай сделала реверанс и вместе с Эдмоном де Бомоном прошла по залу к выходу. Когда они покинули жаркий и шумный зал, Скай спросила:

– Куда вы поведете меня, сэр?

– Я расположился здесь, в Уайтхолле. Мои апартаменты недалеко отсюда.

Он быстро зашел вперед, свернул в один из коридоров и вошел во вторую дверь налево. Скай узнала помещение, где останавливались государственные деятели.

Когда они вошли в прихожую, навстречу вышел смуглый слуга:

– Добрый вечер, месье де Бомон.

– Ги, это леди Бурк, которая должна стать женой моего дяди. Я собираюсь сейчас нарисовать ее портрет и завтра отправить его герцогу. Достань краски!

– Примите мои поздравления, мадам, – сказал Ги. – Ваши краски, месье. Одну секунду!

– Он у меня с детства. Сядьте там, на гобеленовое кресло, Скай. Черт побери, как вы прекрасны! Что за кожа! Боюсь, моего умения недостаточно, чтобы передать ее свечение! Когда мы вернемся в Бомон де Жаспр, я обязательно сделаю ваш большой портрет. – Так он болтал без умолку, пока Ги не принес ему мольберт, холст, краски и кисти. Затем он сосредоточенно стал рисовать.

– Не желает ли мадам отведать охлажденного вина? – вежливо тронул ее за локоть Ги.

– Конечно, пожалуйста, Ги.

Слуга исчез и через минуту появился с изысканным кубком венецианского стекла, наполненным бледно-розовым вином.

– Любимое вино месье, – пояснил он, – оно должно понравиться вам, мадам герцогиня.

«Мадам герцогиня! Боже, – подумала Скай, – я буду герцогиней!» Тут она вспомнила Сесила и его бредни о здоровье герцога. Теперь ничего не поделаешь, но, если герцог окажется достойным мужем, она может привезти младших детей в Бомон де Жаспр. Эван и Мурроу могут жить и без нее. Бедные О'Флахерти, они так мало знали ее. Она вздохнула, теперь это уже не исправишь. Однако остальные должны быть с ней! Робби и Виллоу тоже мало видят ее, но сейчас они рядом. Другое дело, если она окажется в чужой стране.

Имение Линмут в безопасности, так как его маленький владелец – англичанин. За этим присмотрят Ричард де Гренвилль и Адам де Мариско. Дядя Симус будет радеть за земли Бурков, и она попросит Элизабет Фицджеральд Клинтон, графиню Линкольн, помочь ему. Бет – ирландка и поймет ее положение. Следовало воспользоваться этим шансом, Скай не могла оставить своих детей. Благодаря помощи королевы и своим семейным связям она сможет защитить состояние своих детей даже из такой дали, как Бомон де Жаспр.

Как бессердечен Сесил! Он знал, что герцог сравнительно молод и здоров, но сознательно ввел ее в заблуждение, чтобы вырвать согласие и помочь своей госпоже – королеве. Что Сесилу до того, что Патрик только что появился на свет, что Дейдра – младенец. Он безжалостно оторвал ее от детей. «Никогда больше не поверю англичанину», – подумала она. Но ведь были же и ее любимый Джеффри, который никогда не причинял ей зла, и Адам де Мариско, и Робби, и леди Сесили. «Клянусь всеми святыми!»

– Вы хмуритесь, – сказал Эдмон де Бомон, – не хмурьтесь, милая Скай, мне нужна та ваша полуулыбка, которая была у вас, когда вы находились в раздумье.

Она улыбнулась:

– Расскажите мне о Бомон де Жаспре.

– О, это сказочная страна, – ответил он. – Полоска земли не более пяти миль шириной, зажата между Провансом и Лангедоком и уходящая внутрь материка на десять миль от побережья. К счастью, наша столица Виллароза находится на плато, которое упирается в горы, защищающие герцогство. Плато плодородно, так что благодаря земле и дарам моря мы вполне обеспечиваем себя продуктами. Мы не зависим от Франции, хотя она была бы не прочь

проглотить нас. Королева Франции, Екатерина Медичи, предлагала герцогу в жены свою дочь Маргариту.

– Почему же герцог захотел вместо нее жену-англичанку? Трудно поверить в это, Эдмон. Французская принцесса была бы сокровищем для вашего герцога.

– Это был неискренний дар, и дядя Фаброн это знал. Принцесса Валуа предназначена для Генриха Наваррского.

– А как выглядит ваш дядя? – спросила она.

– Это серьезный человек, Скай. Очень образованный и начитанный. Буду откровенен с вами: он был бы более счастлив, приняв монашеский обет, нежели бразды правления такого герцогства, как наше. И все же он человек ответственный. Вы будете его третьей женой. Первая, Мари де Брей, умерла после нескольких выкидышей и неудачных родов. Вторая, Бланш де Тулон, умерла при родах, оставив сына Гарнье. Жаль, что он не умер, он слабоумный. Вот уже пять лет мой дядя вдовствует: вплоть до недавнего времени он не мог представить себя связанным узами нового брака. Поэтому он сделал меня своим наследником. Но я убедил его, что рождение его собственного здорового мужского потомка будет полезней для герцогства, нежели карлик племянник.

– У вас нет братьев?

– У меня четыре прелестные сестры. – Он рассмеялся. – Они старше меня. После моего рождения родители опасались, что следующий ребенок будет столь же уродлив, как я. Поэтому, кроме моего дяди Фаброна, Гарнье и меня, в Бомон де Жаспре нет других легитимных претендентов на престол. Мой отец умер, когда мне было двенадцать лет. Поэтому для меня очень важно, чтобы мой дядя женился снова и родил здорового сына. Если я унаследую престол, мне придется жениться, а какая женщина пойдет за меня? Что за дети будут у нас? – Он положил кисть и подошел к ней. – Милая, дорогая Скай! Вы – наша последняя надежда!

Она содрогнулась:

– Не говорите так, Эдмон! Меня пугает мысль о том, что я должна стать единственным средством выживания целого герцогства!

Он улыбнулся, и его улыбка была так обаятельна, что Скай подумала: как жаль, что она выходит замуж не за него. Конечно, он невелик ростом, но добр и приятен и, несомненно, очень умен.

– О чем вы думаете? – спросил он.

– Честно?

Он кивнул.

– Я бы хотела быть вашей женой.

Мгновение он казался ошеломленным, но затем медленно произнес:

– Мадам, еще никогда мне не делали такого великолепного комплимента! – Затем, взяв ее за руки, он страстно поцеловал их. – До сих пор я не сожалел о своем росте, Скай, но сегодня вечером мне жаль, что я так мал.

– Я обидела вас, Эдмон, а мне ни за что не хотелось причинять вам боль.

– Вы не обидели меня, – ответил он, и его фиалковые глаза встретились с ее голубыми, и она поняла, что он хочет ее. Он резко изменил тему разговора, снова заговорив о своем дяде: – Что еще хотели бы вы узнать о герцоге, Скай?

– Как он выглядит? – спросила она, дав волю женскому любопытству.

– Он примерно на пять сантиметров выше вас, глаза у него черные, как и волосы.

– Так у вас волосы разного цвета? – разочарованно протянула она.

– Да. Его мать – флорентийка, а моя – из Кастилии. Я наследовал медовый цвет волос и фиалковый – глаз. Дядя Фаброн выглядит более внушительно, у него более царственные черты лица, а мои гораздо мягче. Он повернулся к мольберту: – У нас будет еще немало времени для

разговоров, Скай, а я еще должен закончить сегодня ваш портрет. Простите мое любопытство, Скай, но кто такой сэръ Роберт Смолл, не увидев которого, вы не хотите покидать Англию?

– Робби? – широко улыбнулась Скай. – Робби один из двух моих лучших друзей в этом мире. Это мой деловой партнер, прекрасный человек, которого я обожаю. Он старый холостяк, а его сестра, леди Сесили, – бездетная вдова. Мой второй муж был испанцем и умер еще до рождения моей старшей дочери, нашего единственного ребенка, Виллоу. Робби и его сестра удочерили ее, сделали своей наследницей. При столь плохих отношениях между Англией и Испанией моей дочери лучше иметь английскую, а не испанскую фамилию. Хотя ее происхождение не является тайной, но пока она носит имя Виллоу Мэри Смолл, об этом никто не думает.

– Итак, вот кто такой сэръ Роберт. И он должен скоро вернуться из плавания? – спросил Эдмон де Бомон.

– Да, его флагманский корабль уже в Плимуте. Робби может появиться в любую минуту, – радостно ответила она.

К изумлению Скай, Робби появился уже на следующее утро. Зычно выкликая ее, он ворвался в гостиную Гринвуда:

– Скай! Черт побери, Скай, где ты? – Сэръ Роберт Смолл, капитан и хозяин великолепного девонского поместья Рен-Корт, встал посреди гостиной, широко расставив ноги, и его приятное веснушчатое лицо озаряла улыбка.

По лестнице сбежал секретарь Скай, Жан Морлэ, работавший в библиотеке. Сейчас, вопреки обычной серьезности, он улыбался.

– Добрый день, Жан! Как Мари, как дети?

– Прекрасно, капитан! – приветствовал Смолла Жан. – Я полагаю, плавание было удачным?

– Превосходным, – последовал радостный ответ.

– Робби! – На верхней площадке лестницы стояла Скай в бледно-голубом стеганом халате с распахнутым воротом, ее волосы были еще взъерошены после сна. С радостным воплем она слетела по ступеням прямо в его объятия. – О Робби! Ты вернулся, живой и невредимый!

Он нежно обнял ее. Если бы он в свое время женился, она могла бы быть его дочерью. Он расцеловал ее в обе щеки и спросил:

– Найл с тобой, девочка?

Жан Морлэ замер. Лицо Скай поблекло.

– Робби, Найл мертв. Он был убит в феврале своей бывшей женой, монахиней. Эта сука, Клер О'Флахерти, проникла обманом в монастырь Святой Марии, присосалась к бедной сумасшедшей Дарре, как клещ, и терзала ее слухами о том, что Найл может вернуть ее к себе. Она запугала ее до такой степени, что та решилась для спасения собственной души на убийство. Дарра сказала матери-настоятельнице, что несколько раз ударила Найла кинжалом. Затем она и Клер оттащили тело к кромке воды, и последнее, что помнит Дарра, – волны, набегавшие на тело Найла. Когда мать-настоятельница и сестры прибежали к морю, прибой уже утащил Найла.

– Боже милосердный! – тихо вымолвил Робби, и его руки снова сомкнулись вокруг Скай. Уткнувшись в его сильное плечо, она тихо плакала, а он гладил ее по голове своей огромной натруженной рукой. – Ах, девочка, девочка, ну ничего, Робби уже здесь, и мы все это выправим! Клянусь, что выправим, Скай!

– Мак-Уильям тоже умер, – сказала она, овладевая собой. – Я сохранила это в тайне и приехала в Англию за королевской защитой для моего сына Патрика. Королева обещала подтвердить его права на титул и земли, но за определенную плату: я должна стать женой герцога Бомон де Жаспра и покинуть Англию в середине мая.

– Черт побери! – взревел он. – Клянусь, к этому заговору приложил руку Уильям Сесил! А что будет с твоими детьми? О них старый паук подумал? А! Наверняка подумал! Он решил,

что из них получатся отличные заложники. Но при этом нужно разлучить мать с детьми? Да, но ведь он служит королеве!

– Бомон де Жаспр сейчас жизненно важен для Англии, а его герцог попросил королеву прислать ему невесту. И они выбрали меня. Я должна ехать. – Она всхлипнула.

– Это просто неприлично! – Робби был в ярости. – Ты же еще в трауре по Найлу. Мне это не нравится. Не нравится с начала и до конца! И что за парень этот герцог? Знает ли королева, к кому она посылает тебя в качестве супруги? Она так быстро выдает тебя замуж, хотя и не торопится с собственным замужеством.

– Только вчера вечером в Уайтхолле я познакомилась с племянником герцога, Робби. – Она выскользнула из его объятий и взяла его под руку. – Пойдем наверх и что-нибудь перекусим. У меня еще куска во рту не было, я умираю с голоду.

Он последовал за ней.

– Да я и сам проголодался, я ведь прямо из гавани, так спешил тебя увидеть. Капитан «Королевского Гарри» послал из Плимута шхуну наперехват моей «Русалке». Он спешил сообщить, чтобы я швартовался в Лондоне, так как ты остановилась в Гринвуде. Да, неплохо было бы что-нибудь проглотить.

– Мясо? – поддразнила она его. – Кусок сочной, чуть поджаренной говядины?

Голубые глаза Роберта Смолла засветились от предвкушения удовольствия.

– Да знаешь ли ты, сколько времени я не брал в рот говядины? – сказал он.

– Знаю, Роберт. Солонина и галеты с червями – вот и все, что ты ел в последние месяцы. Они дошли до ее комнаты, из которой вышла улыбающаяся Дейзи.

– Добро пожаловать домой, капитан Смолл, – приветствовала она.

Обняв за талию, Робби смачно чмокнул ее в щеку.

– Дейзи, девочка моя, ты прелестна, как никогда.

Дейзи хихикнула.

– Спасибо, сэр! – Она ускользнула от его руки, норовившей переместиться с талии пониже. – Сэр!

Робби хрюкнул.

– Этого мне тоже не хватало, Скай, – сказал он.

Скай признание Робби несколько не шокировало, так как его интерес к женскому полу был ей хорошо известен. Вероятно, поэтому он и не женился – ведь ни одна женщина не выдержала бы его бесконечных измен. В остальном он был неприхотлив: Робби обожал всех – малышек и великанш, брюнеток, блондинок и рыжих, смуглянок и белянок.

– Мы с капитаном Смоллом хотели бы позавтракать, Дейзи. Скажи повару, чтобы для капитана пожарили говядины.

– Да, госпожа. – Дейзи сделала реверанс и унеслась.

– Сядь у огня, Робби. – Скай уселась в гобеленовое кресло. – Утром еще довольно прохладно.

– Что представляет собой племянник герцога? – спросил он, занимая кресло, но не теряя из виду нити разговора. В камине потрескивали дубовые поленья, и их жар согревал выходящую на реку комнату.

– Эдмон де Бомон – карлик, – сказала она.

– А герцог?

– Нет. Эдмон сказал, что его дядя сантиметров на пять выше меня. Тебе понравится Эдмон, Робби. Ты познакомишься с ним на сегодняшнем обеде. Это очень умный и веселый человек.

– Тебе он понравился. – Это был не вопрос, а утверждение.

– Конечно, понравился. Он был так же возмущен, как и ты, когда узнал, что меня принудили оставить здесь детей. Он предложил мне поговорить с королевой.

– Но ты, конечно, запретила ему?

– Конечно, – ответила Скай. – Он сказал, что его дядя серьезный и ученый человек.

– У герцога нет детей? – спросил Робби.

– Мальчик пяти лет, но слабоумный. Поэтому герцог назначил наследником Эдмона, пока у него самого не появится сын.

– Значит, тебя посылают как племенную кобылу к герцогскому жеребцу, чтобы ты родила ему детей? Мне это не нравится!

– Не думаю, что королева озабочена проблемой наследников герцога. Ее больше интересует информация о Франции, Испании и папских владениях, которую я смогу получить. Я должна стать ушами и глазами Елизаветы.

Он кивнул:

– Теперь мне ясно, зачем посылают тебя. Юная девушка может влюбиться в мужа и целиком погрузиться в семейный быт и детей. Это невыгодно королеве и Сесилу. Но ты – зрелая женщина и более ответственно отнесешься к поручению королевы.

– Да, Роберт, – поддразнила его она, – скоро я отмечу свое двадцатидевятилетие. Я уже почти взрослая.

Он улыбнулся, но затем снова стал серьезным.

– Ты знаешь, что я имею в виду, – сказал он. – В твоей жизни уже была настоящая любовь, и не единожды, а трижды. Ты только что овдовела и не сможешь сразу же завести новый роман. Да и герцог – не тот человек, что станет лезть из кожи вон, чтобы завоевать тебя. Он женится из-за детей. Так что ты сможешь послужить короне, что и нужно Елизавете и Сесилу. Нет, не нравится мне это, Скай. Это может быть опасным, девочка.

– Но я не собираюсь напрягаться на королевской службе, Робби. Мне не нравится этот брак – королева снова предала нашу дружбу и оскорбила мою верность. Но меня просто загнали в угол, как животное, ведь королева знала, что я не могу не согласиться на план лорда Берли. У меня не было иного пути, как просить у нее помощи. Ведь я одинока и вынуждена выбирать сильнейшего покровителя, даже если не могу ему доверять.

Роберт Смолл кивнул: Скай сделала лучший выбор в трудной ситуации. Никто, даже мужчина, не придумал бы лучшего.

– Я еду с тобой, – сказал он.

– Что? – Ее голубые глаза расширились от удивления.

– Еду с тобой, – повторил он. – Послушай, девочка: на некоторое время Бомон де Жаспр станет моей морской базой, как в свое время Алжир. Нужно торговать с Северной Африкой, с Испанией, даже со Стамбулом. Я не хочу, чтобы ты оказалась отрезанной от друзей, по крайней мере до тех пор, пока не станет ясным, что за птица этот герцог и будешь ли ты счастлива.

– Спасибо, Робби. – На глаза Скай навернулись слезы. – Я так боялась, но не признавалась в этом даже себе.

– Ты ведь только человек, – намеренно грубо пробурчал он, и она спрятала улыбку.

– Перед приездом в Лондон я встречалась с Адамом де Мариско, – сказала Скай.

Он успел заметить тень печали, проскользнувшую в ее глазах.

– Ты говорила с ним об этом браке?

– Нет.

– Расскажи ему. Может быть, он захочет увидеть тебя перед отъездом. Надо быть честной, Скай.

– Я больше не хочу огорчать его, Робби. Мы не можем встретиться без того, чтобы не оказаться в постели. Я люблю его и хотела бы быть его женой, но он всегда говорит «нет». И он сказал мне, что не будет моим любовником.

– Ты разобьешь его сердце, Скай, если не скажешь. Просто дай ему возможность приехать в Лондон. Скажи ему. Да ты просто не можешь уехать черт знает в какое средиземноморское герцогство неизвестно на сколько и не сообщить ему!

– Хорошо. Напишу ему сегодня и пошлю гонца в Линмут. А там мое письмо перешлют ему.

Дверь в комнату распахнулась, и в сопровождении нескольких служанок, нагруженных подносами с едой и кувшинами, вошла Дейзи. Подносы водрузили на дубовый буфет.

– Поставьте между креслами круглый столик, – распорядилась Дейзи.

Когда указание было выполнено, она лично расстелила красивую льняную скатерть. Затем на столике появились блестящие оловянные тарелки и такие же кувшины, льняные салфетки. Из длинного черного кожаного футляра Дейзи достала две двузубые золотые вилки – по новейшей флорентийской моде – и положила их по бокам тарелок.

– Такими я уже пользовался, – сказал Робби, – они протыкают пищу.

– Да, – ответила Скай, – они удобны, и пальцы не пачкаются.

– Эль или вино, капитан? – спросила Дейзи.

– Темный эль! – Его глаза сверкнули.

– Есть, сэр!

– Несколько месяцев не пил эля, Дейзи. Наливай!

Дейзи налила в оловянный кубок добрую порцию эля из запотевшего глиняного кувшина и принесла с буфета блюдо с огромным куском сочной говядины в собственном соку. Она сама положила этот кусок на его тарелку и вручила ему нож.

Послав Скай извиняющийся взгляд, он перекрестился и набросился на мясо, отрезая кусок за куском и посылая их в рот. Плотноядно урча, он пережевывал его. Суровое лицо озарила счастливая улыбка.

На середине стола Дейзи водрузила несколько кувшинов со свежим маслом и медом и подставку с дымящимся теплым хлебом. Затем появилась ваза с апельсинами. Дейзи положила госпоже с небольшого блюда смесь взбитых яиц с ветчиной и зеленым луком.

– Вино, госпожа?

– Белое, пожалуйста, – сказала Скай, тоже перекрестившись. Затем она подцепила вилкой кусок ветчины.

Когда госпожа и ее гость приступили к еде, слуги удалились. Несколько минут Скай и Робби ели молча. Наконец, когда Робби начал куском хлеба собирать остатки подливы на своем блюде, Скай сказала:

– Эдмон дал мне миниатюрный портрет герцога. Хочешь взглянуть?

– Да, – ответил он. – Он красив или так себе?

– Если бы он улыбался, то мог бы показаться красивым. Но он незауряден.

Она прошла в свою спальню и, вернувшись, вручила ему небольшую овальную миниатюру в золотой рамке, отделанной жемчугом. Роберт Смолл увидел загорелое и бритое лицо человека с высоким лбом и властной квадратной челюстью, длинным орлиным носом и расширяющимися ноздрями. У него были большой рот, тонкие губы и миндалевидные глаза. Черные курчавые волосы коротко подстрижены. Устремленный на зрителя взгляд казался холодным и отстраненным.

Роберту Смоллу его вид не понравился: что-то жестокое прочитывалось в линии губ, а в посадке головы – вызывающая гордость. Было ясно, что герцог – человек жесткий. Трудно представить, чтобы его сердце смягчилось веселой улыбкой. И, определенно, красивой женщине опасно быть его женой: такие люди склонны к неистовым припадкам ревности просто от взгляда другого мужчины на его избранницу. Проклятая Елизавета, подумал Робби. Хотя она и женщина, но лучшего правителя в Англии не было много лет. Однако у нее нет сердца. И это ее главный недостаток: она использовала людей, играла ими, как ребенок играет в игрушки,

передвигала своих подданных, как фигуры на шахматной доске, как было удобно, не думая об их судьбе. Так что ситуация вдвойне печальная: из-за королевы (по сути, неплохой женщины) и из-за Скай, которую он любил всем сердцем. Хотя она принадлежала роду О’Малли, он любил ее как родную дочь и не мог перенести ее горя.

– Итак? – Скай пристально смотрела на него, и он придал лицу равнодушное выражение, чтобы она не прочитала его мысли.

– Ты права, – сказал он, – с улыбкой он был бы красавцем. А так немного суров. Может быть, просто слегка напряжен из-за того, что приходится позировать для будущей жены? Когда он увидит тебя, непременно улыбнется.

– Что-то в его взгляде пугает меня, – тихо сказала она.

– Чушь! – с нарочитой уверенностью заявил Робби. – Не будь предвзятой, девочка, пока не увидишь джентльмена.

– Все равно, – сказала она, – я должна выйти за него замуж, нравится он мне или нет.

Внезапно дверь распахнулась, и в комнату, прервав их беседу, вбежал юный граф Линмутский.

– Мама! – Он бросился в ее объятия.

– Робби! О, милый мой Робби! – Она заплакала.

– Мама! – В голосе Роберта Саутвуда прозвучали нотки, так похожие на отцовские, и Скай принялась рыдать еще сильнее. – Боже, дядя Робби! – воскликнул мальчик. – Мне лучше уйти?

– Не смей! – Скай вытерла глаза платком, который достала из кармана платья. – Я просто рада тебя видеть, Робби. Ты с каждым днем все больше становишься похож на отца. – Она отстранила его на расстояние вытянутой руки. – Ты вырос. Ты счастлив при дворе, Робби? Я так гордилась тобой вчера. Но ты слишком юн для пажа. Ты уверен, что не хотел бы пожить в Линмуте, любовь моя? И ты мог бы поехать со мной в Бомон де Жаспр.

– Бомон де Жаспр? А где это, мама? Почему ты собираешься ехать в место под названием Бомон де Жаспр? – Робина не было в зале, когда прошлым вечером королева объявила о помолвке Скай: его послали за коробочкой с духами.

– Я вижу, придворные сплетни еще не дошли до тебя, Робби. Королева посылает меня в Бомон де Жаспр, маленькое герцогство между Провансом и Лангедоком. Я буду женой герцога.

– Ужасно! – Лицо мальчика превратилось в маску гнева. – Тело моего приемного отца еще не остыло в могиле, а она требует, чтобы ты вышла замуж? Мама, ты просто ее не поняла. Королева не может этого требовать! Она не имеет права!

Скай не могла разрушать его идеал Елизаветы Тюдор. Он был англичанин, и не просто англичанин, а отпрыск одного из знатнейших родов. Но его титул и богатство ничего не значат без его полной преданности короне, это Скай понимала.

– Робби, – тихо сказала она, привлекая сына к себе, – королеве нужна моя помощь, ей нужна морская база на Средиземном море, и Бомон де Жаспр прекрасно для этого подойдет. Ей нужен агент на границе с Францией и Испанией. А взамен герцог требует от Англии только жену. Я горда, что королева настолько доверяет мне, что поручила это дело мне, хотя я и ирландка. Найл гордился бы мной, и твой отец, и Виллоу тоже.

– Об этом я не подумал, мама, – сказал он, но его зеленые глаза наполнились слезами, а губы задрожали.

– Я увижу тебя снова, мама?

– О Робби! – Она крепко обняла его. – Я устроюсь, и ты приедешь ко мне. И ты, и Виллоу, и Дейдра, и твой маленький братик Патрик. Даже Мурроу и Эван, если захотят!

– Когда ты едешь, мама? – Его голос дрожал.

– Через месяц. – Она поцеловала его. – Ну, иди, любовь моя. Я всю эту осень была в Ирландии, и ты нисколько по мне не скучал. Вы так увлечены двором, мой лорд Линмутский!

На его губах проскользнула улыбка, и он вдруг стал так похож на отца, что Скай чуть не задохнулась от нахлынувших воспоминаний.

– Возможно, мадам, – напыщенно произнес он, и она рассмеялась.

– Грубиян, ты с каждым днем все больше становишься похож на Джеффри.

– Робби Саутвуд! – В дверях стояла Виллоу, нетерпеливо постукивая ножкой о пол. – Сколько еще ты можешь находиться в доме нашей матери, не поздоровавшись со мной?!

Робби вырвался из объятий Скай и элегантнейшим образом расшаркался перед своей единоутробной сестрой, срывая одновременно с головы маленькую темно-зеленую бархатную шапочку с фазаньим пером.

– Ваш покорный слуга, мисс Смолл, – произнес он, низко кланаясь.

Виллоу сделала в ответ изящный реверанс, разведя складки своих розовых бархатных юбок.

– Добрый день, граф, – сказала она.

Но тут же дети с хохотом и визгом бросились в объятия друг друга под счастливым взглядом улыбающейся матери.

– Не найдется ли места и для меня? – раздался вдруг голос.

Скай повернулась и увидела в дверях высокого темноволосого мальчика.

– Мурроу!

– Доброе утро, мама. – Он подошел и поцеловал ее. – Леди Клинтон дала мне отпуск на то время, пока ты в Лондоне. Я надеюсь, все пройдет хорошо. – Он с тревогой взглянул на нее.

«Слава Богу, – подумала она, – в нем нет ничего от отца».

– Милый Мурроу, я так рада и так благодарна Элизабет Клинтон, что она отпустила тебя домой! – Скай обняла своего второго сына. – Ты похудел. Ты хорошо ешь? Знаю я вас, пажей, вы всегда так заняты, что не находите времени перекусить или поспать.

Он ухмыльнулся:

– Да я ем, просто вырос за год на двенадцать сантиметров, мама. Но чтобы угодить тебе, я готов съесть еще больше, чем могу. Как Эван?

– Отлично, – ответила она. – Тебе его не хватает?

– И его, и Ирландии.

– Но ты понимаешь, зачем находишься здесь, Мурроу?

– Да, мама, понимаю. У меня нет земли, и даже если ты дашь мне денег, без земли я буду ничем.

– И тебе нужно подумать о Джоан Саутвуд, Мурроу. Она заслуживает того, чтобы иметь собственный дом.

– Как она? – спросил он.

– Стала еще красивей, Мурроу. Волосы золотисто-каштановые, длинные, а глаза такие карие, но чуть-чуть зеленоватые, как у Джеффри. Она, как всегда, мила и, как всегда, трудится над приданым, которое тебе, как она надеется, когда-нибудь понравится. Сейчас она наполовину закончила гобелен, на котором изображен рыцарь, убивающий дракона. Анна говорит, что Джоан прекрасная мастерица. Она будет хорошей женой.

– Знаю, мама, спасибо тебе, что ты устроила нашу помолвку. Джоан – такая милая и так мне нравится. Я добуду для нее и наших детей земли у королевы. Ты увидишь, я сделаю это!

– Я знаю, Мурроу. – Скай еще раз обняла его. – Слышал ли ты о моем очередном браке?

– Да. Ты хотела его?

– Нет, но у меня нет выбора. Я должна защитить земли твоего брата, за которыми охотятся англоирландцы из Дублина. Мне нужна была милость королевы, а она не дарует ее бесплатно.

Он понимающе кивнул. Мурроу О’Флахерти было всего двенадцать лет. Когда он потерял мать, ему было два, и ему исполнилось шесть, когда он вновь обрел ее. В девять – умер его

приемный отец Джеффри Саутвуд, граф Линмутский, и в десять он стал пажом графини Линкольнской. Так что по необходимости ему пришлось быстро повзрослеть. С деньгами, которые ему могла дать мать, он жил бы безбедно, но он знал, что завоевывать земли (и, возможно, титул) придется, причем на службе ее величества королевы Англии. Возможно, лучше его братьев и сестер он понимал трудное положение матери.

– Ты хочешь, чтобы я поехал с тобой? – спросил он с тайной надеждой на положительный ответ, так как очень любил ее.

На глаза Скай снова навернулись слезинки, но она быстро сморгнула их.

– Спасибо, Мурроу, – сказала она, – когда я устроюсь на новом месте, то приглашу тебя. Но пока я не хочу разрушать твою карьеру при дворе. – Она мягко коснулась его щеки жестом материнской благодарности. – Пойди пообщайся с твоими братом и сестрой, мой маленький рыцарь.

Он вышел, и Робби, который сидел все это время напротив, глубоко вздохнул.

– Прекрасный выводок у тебя, – пробормотал он.

– Тебе нужно повидаться с леди Сесили, – пристыдила она его. – Вероятно, она проснулась и удивляется твоему отсутствию.

– Когда приезжает Эдмон де Бомон?

– В семь. Думаю, детям тоже лучше присутствовать. Больше гостей не будет. Только ты, твоя сестра и я.

Он кивнул:

– Не опоздаем? У меня вечером есть кое-какие дела.

Скай рассмеялась.

– Мы не опоздаем, – сказала она, зная, что эти дела ждут его в публичном доме.

– Мясо было неплохим, – сказал он, вставая, и направился к выходу из гостиной, похлопывая на ходу по макушкам детей.

– Кто поедет со мной? – спросила Скай, и дружный хор ответил: «Я!» – Тогда идите и переоденьтесь, – распорядилась она. – Я буду готова через пятнадцать минут. Кто не успеет к этому времени, останется дома!

Дети вылетели из ее комнаты, а Скай позвала Дейзи.

Это был теплый день – редкость в Англии в апреле. На голубом небе не было ни облачка, ровным золотым светом сияло солнце. Деревья были в цвету, луга блистали новым зеленым покровом. Скай и дети обогнули реку, наслаждаясь обществом друг друга. Затем устроили пикник неподалеку от Гринвуда, наблюдая за судами, плывущими по реке. Дети налегали на привезенную провизию, раннюю землянику и разбавленное вино. Наевшись, они улеглись на травке, болтая между собой и гоняя шмелей и бабочек, подлетающих к их компании. Постепенно они заснули на солнышке. В этом положении их и застала Дейзи: Скай лежала, прикрывая руками обоих сыновей, а голова Виллоу покоилась на коленях матери.

На мгновение служанка Скай остановилась, любясь картиной. Они спали так мирно, что казалось преступлением нарушить их сон. По щеке честной англичанки сбежали слезинки при мысли о том, что скоро им со Скай предстоит отправиться в ссылку. Королева поступала нечестно, отсылая ее госпожу, такую добрую мать! Но что знает бездетная Елизавета Тюдор о материнских чувствах? Слезы текли по лицу Дейзи, и она утирала их рукавом. А что будет с ней и Брэном Келли? Она чувствовала, что он близок к тому, чтобы сделать ей предложение. Увидит ли она его снова?

– Ты можешь не ехать в Бомон де Жаспр, – сказала внезапно Скай, глядя на слезы, текущие из глаз служанки.

Дейзи уселась на траву рядом с госпожой.

– А кто же позаботится о вас, госпожа, если я останусь?

– Я буду здесь еще несколько недель – за это время ты подготовишь мне какую-нибудь приличную девушку.

– Меня она не заменит, госпожа.

– Нет, Дейзи, конечно, нет. Но я не могу разрушить твое счастье. Ты не только моя служанка – мой друг.

– Вот именно, госпожа. Вы едете в какое-то чужое место, к иностранцу, и кто знает, что ждет вас в этом Бомон де Жаспре. Я вам нужна и не могу вас оставить, госпожа. Не могу!

При этих словах Скай почувствовала облегчение. Она сама боялась этого путешествия, и присутствие Дейзи облегчало его.

– Ты обрадуешься, если я скажу, что капитан Келли часто будет бывать в Бомон де Жаспре?

Лицо Дейзи вспыхнуло, и она обнажила свои щербатые зубы в улыбке.

– Да, госпожа, еще как! Ох, госпожа! – вдруг вспомнила она. – Пора вам с детьми возвращаться домой. Скоро приедет месье де Бомон.

Дети проснулись, начали потягиваться, усевшись на траве.

– Ну, крошки, – Скай поцеловала Виллоу, – скоро прибудет наш гость, и нам пора одеваться к приему.

Скай и дети привели себя в порядок, и вскоре все пятеро, собрав вещи, направились через сад к дому.

– Немедленно все мыться, – скомандовала Скай детям.

– Да, мама, – послушно ответила Виллоу, а Робби и Мурроу недовольно вздохнули, с притворным ужасом взглянув друг на друга.

Скай проигнорировала их недовольство и направилась вместе с Дейзи в свою комнату, где две помощницы Дейзи уже наполнили дубовую ванну горячей водой, смешанной с розовым маслом. Ванна была установлена перед камином спальни, где пылал огонь. Девушки раздели госпожу и унесли вещи, чтобы почистить их. Дейзи помогла Скай подняться по маленькой лесенке и войти в ванну, одновременно закалывая волосы госпожи.

– Вы можете несколько минут понежиться, мне кажется, – сказала Дейзи.

Скай кивнула:

– Я позову тебя. Но не давай мне долго спать. – Она погрузилась в воду по горло, опустившись на стоящий внутри ванны стульчик.

Перед пикником она продиктовала Жану Морлэ небольшое письмо Адаму де Мариско, извещающая его, что королева заставила ее вступить в политический брак и что скоро она покинет Англию.

– Напишите ему, – сказала она Морлэ, – что я хочу его видеть, пусть приезжает в Лондон. – Письмо немедленно было отправлено с одним из слуг. Сидя в благоухающей ванне, она размышляла над тем, приедет ли Адам. Конечно, Робби прав: она не может покинуть Англию, не увидев его в последний раз.

Адам, любимый! Адам, который отказывается от нее, чтобы не препятствовать ее будущей настоящей любви и не портить ей жизнь. Она почти сказала это вслух. Судя по портрету, герцог совсем другой человек. О, если бы Адам объявил о помолвке с ней до того, как ее навещал Сесил! Но в любом случае Адам – ее друг, партнер, временами – любовник, человек, которого она любит. Когда она обратилась к лорду Берли, она была уязвима, и тот использовал ее уязвимость – этого и боялся Адам. Она вздохнула. Жребий брошен, и независимо ни от чего она уже на пути в Бомон де Жаспр.

– Дейзи! – позвала она, очнувшись от грез.

– Я здесь, госпожа, – последовал ответ вбежавшей Дейзи. – Я достала ваше черное бархатное платье, госпожа. То самое, с черно-белой парчовой нижней юбкой.

Скай кивнула, не особенно интересуясь нарядом, тут она полностью доверяла Дейзи. Наряды потеряли для нее притягательность: она интересовалась ими, когда ее одевали Халид, Джеффри и Найл. Выкупавшись, она вышла из ванны и стояла, пока Дейзи вытирала и пудрила ее. Скай автоматически натягивала белье, черную шелковую рубашку и чулки, которые она пристегнула серебряными лентами подвязок. Молча надела простые черные шелковые туфли с серебряными розетками. Затем пришел черед нижней юбки и, наконец, самого платья, рукава которого имели разрезы, что позволяло видеть парчу.

– Украшения? – спросила Дейзи.

– Жемчуг, – ответила госпожа, – розовый жемчуг. То длинное ожерелье с двойной нитью, такие же серьги и заколки.

– Отлично, госпожа. – Дейзи поспешила за шкатулкой с украшениями и, вернувшись, начала доставать каждый предмет из чехольчика, сделанного из красной марокканской кожи, с подкладкой из бледно-голубого шелка.

Скай надела ожерелье и пристроила жемчужины прямо над глубоким вырезом. Розовые жемчужины серег свисали с мочек ушей на тонких золотых нитях. Пока она занималась украшениями, Дейзи укладывала ее иссиня-черные волосы в прическу по французской моде, которую предпочитала госпожа. Окончив работу, она пристегнула к массивной шелковистой гриве оправленные в золото розовые жемчужины заколок, соответствующие остальному гарнитуру.

– Кольца? – Дейзи открыла другую шкатулку.

Скай поразмыслила над выбором, быстро вынула несколько колец подряд и столь же быстро бросила их назад. Наконец она задержалась на ограненном в форме сердца рубине, черной жемчужине и большом круглом алмазе.

– Это сгодится, – пробормотала она, надевая их на свои длинные тонкие пальцы. Затем, взяв флакон с духами, коснулась пальцами груди, запястий и за ушами.

Дейзи знала, что если бы она одевалась для любовной встречи, то посвятила бы этому занятию гораздо больше времени.

– Так, – сказала Скай вставая, – я готова, а гость еще не прибыл. Пойду вниз и подожду его. Присмотри пока за детьми.

Однако в тот момент, когда она начала спускаться по лестнице, в дверях появился Эдмон де Бомон. Он был одет в прекрасный костюм зеленого бархата.

– Мадам, – обратился он к ней, – сегодня вы еще прекрасней, если только это возможно! – Он поймал ее руку и поцеловал.

– Добро пожаловать, Эдмон! – приветствовала она его и провела в салон, где, к ее удивлению, их уже дожидался Робби. Непроницаемые глаза морского капитана пристально глядели на эту пару.

– А, Робби, – приветствовала его Скай, – не думала, что ты уже здесь. Эдмон де Бомон, это мой лучший друг и деловой партнер, сэр Роберт Смолл. Робби, это наследник де Бомон, Эдмон де Бомон.

Мужчины сдержанно приветствовали друг друга, и вдруг Эдмон сказал:

– Слава Богу! Когда вы упомянули об этом человеке, Скай, я подумал, что он мог бы быть вашим любовником.

– Моим любовником? – В первый момент она оскорбилась, даже разозлилась. Вот еще! Ее любовник!

И вдруг ей стала понятна комичность ситуации, и она хихикнула. Ей стало еще смешнее, когда Робби, оправившись от первоначального шока, вызванного словами Эдмона де Бомона, взревел от негодования:

– Черт побери! Самая гнусная французская идея! Неужели королева отдаст тебя лягушатнику, Скай? Я этого не перенесу! Ее любовник! – Его рука скользнула к шпаге: – Вы оскорблены, и я тоже!

– Нет, Робби! – воскликнула Скай предупреждающе. Эдмон де Бомон уже понял свою ошибку, но он был горд, и гневный тон Роберта Смолла оскорбил его, Скай должна была rearrange обстановку. Устремившись вперед, она успокаивающе коснулась руки Робби: – Эдмон не имел в виду ничего дурного, Робби. – Затем она повернулась к юноше. – Я не совсем поняла, что заставило вас так интерпретировать ситуацию, месье, – произнесла она холодно.

– Но вы сказали, что он ваш *cher ami*, мадам, – последовал ответ.

– Я сказала всего лишь, что он – один из двух моих лучших друзей, Эдмон. – Она закусила губу, чтобы не рассмеяться. – Бог знает, что вы можете подумать, когда увидите моего друга Адама де Мариско.

– Я подумаю, что это самый счастливый человек, мадам, и прошу вас простить меня. И вы, сэр Роберт. В Бомон де Жаспре женщина не может быть другом, а только женой, любовницей, матерью или служанкой. Вы понимаете, о чем я говорю? – Он выглядел очень расстроенным.

Роберт Смолл покачал головой:

– Ты не должна делать этого, Скай. Даже ради земель Бурков ты не должна выходить замуж за этого герцога. Ты слышала, что сказал его племянник? В их стране нет уважения к личности женщины. Для этого человека ты будешь только вещью, только породистой кобылой, не более того. Я не могу позволить тебе так разрушить свою жизнь.

– Робби, я должна подчиниться королеве! Я не могу сражаться с англичанами и англо-ирландцами! Мне нужен сильный союзник, и Елизавета Тюдор – именно такой союзник. Ее цена высока, но я должна заплатить. Если я увильну теперь, она прикончит меня. Все будет в порядке, вот увидишь. Я заключу с герцогом вполне приемлемое для нас обоих соглашение.

Роберт Смолл посмотрел на Эдмона де Бомона, но теперь его лицо превратилось в равнодушную маску и ничего не выражало.

– Ну, месье де Бомон, скажите нам, может ли Скай заключить сделку с вашим дядей, или будет так, как я сказал?

– Мой дядя очень старомоден и консервативен, сэр Роберт, но достаточно умен. Конечно, стремление леди Бурк к независимости поначалу будет для него своего рода шоком, но он способен понять, насколько это соответствует ее характеру, и даже способен найти в этом приятную сторону. Его первая жена была его дальней испанской кузиной и весьма покладистой леди. Вторая жена дяди – дочь местного дворянина и довольно безвкусная штучка, скорее ребенок, чем женщина.

Вы, Скай, отличаетесь от этих дам. Будьте терпеливы с дядей Фаброном. Вам придется подождать немного, прежде чем вы завоюете его сердце, но увидите, что скоро он научится ценить не только вашу красоту, но и ум. Вы будете для него идеальной женой. Можете не беспокоиться, я живу в замке и всегда буду рядом, чтобы помочь вам как друг.

– И я тоже, – подхватил Робби. – Да будет вам известно, месье де Бомон, что я поселюсь в Бомон де Жаспре на то время, пока не удостоверюсь, что Скай в безопасности и счастлива. – Он положил руку ей на плечо. – Она мне как дочь, которой у меня никогда не было, и это самый дорогой для меня и моей сестры человек. Ее старшая дочь – моя наследница. Хотя мы не связаны родственными узами, она – член моей семьи, и я не дам ее в обиду!

Фиалковые глаза Эдмона де Бомона не скрывали его восхищения. Увидев Скай, он не сомневался, что она любима мужчинами, но то, что она может возбудить такую преданность, впечатлило его еще больше.

– Поверьте мне, сэр Роберт, – сказал он, – Скай будет счастлива в Бомон де Жаспре. Я обещаю это.

Двери салона открылись, и вошла леди Сесили с детьми. Эдмон де Бомон прочитал в глазах Скай гордость за детей и любовь к ним, но, следуя этикету, она представила его сначала

сестре сэра Роберта. Леди Сесили сделала вежливый реверанс и затем, повернувшись к брату, сказала:

– Я слышала твой рев даже на втором этаже, Роберт. Надеюсь, ты не испортишь месье де Бомону впечатление об Англии и англичанах?

– Напротив, мадам, – быстро вмешался Эдмон де Бомон, – благодаря вашему брату я получил самое благоприятное впечатление об англичанах.

– Познакомьтесь с моими детьми, Эдмон, – сказала Скай. Она указала на высокого мальчика в красивом черном бархатном костюме с кружевами и отделкой из белого шелка, очень похожего на нее. – Мой сын Мурроу О'Флахерти.

Мальчик элегантно поклонился, и прядь длинных волос упала на его лоб.

– Месье де Бомон, счастлив приветствовать вас.

Этот голос Эдмон уже где-то слышал, хотя он слегка изменился.

– Взаимно, сэр, – вежливо ответил Эдмон.

– Моя дочь Виллоу.

Виллоу, одетая в платье из красного бархата, сделала изящный реверанс. Эдмон де Бомон поклонился в ответ:

– Рад познакомиться с вами, мадемуазель Виллоу.

– Мой сын Робби, граф Линмутский, – продолжала Скай.

– Месье де Бомон.

Перед Эдмоном стоял стройный мальчик в костюме небесно-голубого бархата, отделанного исключительно тонко выделанными кружевами, с прекрасными, хотя и несколько надменными чертами лица. У него были черные волосы и ярко-зеленые глаза: несомненно, он пошел в отца.

– Лорд граф, – вежливо ответил Эдмон де Бомон, и повернулся к Скай. – У вас прекрасные дети, мадам, судя даже по этим трем. Хотелось бы мне, чтобы мой дядя увидел их.

– Если брак нашей матери с вашим дядей окажется счастливым союзом, – сказал Мурроу О'Флахерти, – ваш дядя увидит всех нас, месье. Надеюсь, у нас будет возможность выделить время для посещения матери.

Эдмон понял, что, несмотря на различие в статусе, старший мальчик выступал представителем своих брата и сестры. Очевидно, дети не одобряли брака матери, но кто мог бы осудить их за это?

– Надеюсь, что очень скоро мы увидим вас в Бомон де Жаспре. Большую часть года у нас стоит лето, и можно купаться в море. Это великолепно.

– А я никогда не плавала в море, – вставила Виллоу.

– О, мадемуазель, – Эдмон де Бомон посмотрел на девочку, – я непременно лично сопровожу вас, когда вы приедете к нам. Наше море столь же голубое, как небо в Англии, и прозрачно, как хрусталь. Вода теплая, а на дне – золотистый песок. Вы умеете плавать?

Виллоу отрицательно покачала головой.

– Тогда я буду вашим учителем, мадемуазель! Что вы об этом думаете?

– О да, месье! – Виллоу даже порозовела от предвкушения удовольствия, и Эдмон отметил про себя, что она скорее всего тоже пошла в отца.

– А меня вы научите? – спросил Робби.

– Несомненно, лорд, вы меня обяжете, – ответил Эдмон.

– Я умею, – гордо сказал Мурроу, – мы с братом научились очень легко – ведь мы из семьи моряков, месье.

– Умеете ли вы управляться с парусом? – спросил Эдмон.

– Умею.

– Тогда тем более вам понравится Бомон де Жаспр. Это отличное место для плавания под парусом.

– Возможно, месье, но сомневаюсь, что ваше море может сравниться с морем в Ирландии.

– Мурроу! – Скай была немного шокирована упрямством старшего сына. – Немедленно извинись перед месье де Бомоном.

– Но за что? – Мальчик выглядел удивленным. – Наше море в Ирландии – настоящее море, достойное наших моряцких талантов. Мне говорили, что Средиземное море – всего лишь тихое турецкое озеро.

Эдмон де Бомон рассмеялся:

– Да, сами турки так считают. Но, мой юный Мурроу О’Флахерти, разве ты не хотел бы когда-нибудь отправиться на своем корабле на охоту за турками?

Лицо Мурроу озарилось улыбкой:

– Конечно, месье, хотел бы!

– Тогда, возможно, ты мог бы использовать гавань Бомон де Жаспра как базу. Ведь твоя мать, мой Мурроу, будет нашей герцогиней.

Мальчик кивнул:

– У вас глубокая гавань, месье?

– Да.

Мурроу снова улыбнулся:

– В таком случае, возможно, Бомон де Жаспр не покажется мне очень уж скучным, месье.

Скай озабоченно посмотрела на старшего сына.

– Не знаю, что на него нашло, – сказала она Эдмону.

– Болезнь роста, я думаю, и к тому же он ведь на самом деле вовсе не хочет, чтобы вы покидали Англию, – заметил Эдмон.

– Он всегда стремится защитить меня, – тихо промолвила она. – Это еще непривычно для меня.

Мурроу отошел от них и присоединился к своим младшим сестре и брату. Робби и леди Сесили тихо беседовали о чем-то у камина. Скай села на черный дубовый стул с гобеленовым сиденьем и спинкой, а Эдмон де Бомон пристроился рядом.

– Не вижу ничего странного в том, что ваш сын стремится защитить вас, – сказал он, – напротив, нахожу это весьма трогательным и очаровательным.

– Мне будет так не доставать детей, Эдмон. Вот почему я с таким трудом настраиваюсь на эту поездку к вашему дяде.

– Это лишь вопрос времени, – начал уверять он ее. – Вы ведь и раньше покидали их надолго. Мой дядя любит детей и будет рад видеть ваших детей у себя. И вы родите ему собственных детей. Вы здоровая, красивая женщина, и вы очень нужны ему. Позвольте мне увезти вас в Бомон де Жаспр, к человеку, который будет любить и лелеять вас. Вы нужны дяде Фаброну, Скай! Очень нужны!

Скай вздохнула.

– Мы поедем на моем корабле, – сказала она, – и королева предоставит нам эскорт для защиты от пиратов.

– И мы отправимся в... – Он склонил свою изящную голову набок в ожидании ответа.

– Устроит вас начало мая, месье? – Она слегка улыбнулась.

– Вы не пожалеете о вашем решении поехать в Бомон де Жаспр, Скай! – с жаром отвечал он.

– Надеюсь, что нет, Эдмон, – тихо сказала она, – надеюсь, что нет.

3

Когда Адам де Мариско прочел письмо Скай, его первым желанием было отказаться от встречи. Наверняка эта встреча окончилась бы еще одной любовной сценой. Ему никогда не встречалась женщина, имеющая такую эротическую власть над ним. Даже мысль о ней пробуждала в нем непреодолимое желание.

– Черт! – прорычал он. Он так любил ее и при этом знал, что никогда не сможет обладать ею полностью. Все, что у него было, – это только островок Ланди. Да, он некогда славно проводил время за его пределами. Его мать была француженка, и он много лет жил при французском дворе, но в конце концов вернулся на свой маленький скалистый островок, который был его наследством.

Уже много лет назад он понял, что останется бесплодным – след пережитой в детстве лихорадки, и решил, что никогда не женится. Он любил женщин, но до Скай О’Малли ему не встречалась такая, которую хотелось бы оставить рядом навсегда. Для нее же он был слишком незначителен. Да, в постели они равны, а его род был не менее знатен, но он простой островной лорд, человек без власти или влияния. Конечно, он мог бы иметь их: у него достало бы богатства, чтобы их купить. Но он избрал иной путь: придворные интриги ему не по нутру, да и Скай тоже. Но Скай – красавица, у нее было несколько мужей с богатством и положением. И она обладала положением по праву. Адаму де Мариско даже не приходило в голову, что Скай могла бы быть счастливее, живя простой и тихой жизнью, – он слишком сильно любил ее, чтобы воспринимать объективно.

Его страсть в конце концов взяла верх над рассудком. Он поехал в Лондон, чтобы попрощаться с ней – ведь скорее всего он больше не увидит ее никогда. Он вернется на Ланди, а она уедет в далекое средиземноморское герцогство, где проживет остаток жизни в качестве жены богатого правителя, желанного гостя при английском и французском дворах. Его большое сердце громко забилося, когда он вошел в Гринвуд и она бросилась в его объятия. Он не смог сдержать стонов, когда погрузил свое лицо в ее пышные волосы, ее знаменитые волосы, надушенные розовым ароматом.

– Адам! Любимый мой Адам! Я знала, что ты приедешь! Я говорила об этом Робби!

– Когда ты уезжаешь? – спросил он, страхась ответа.

– Через несколько дней. – Она выскользнула из его медвежьих объятий и взглянула на него. – Неужели я не заслуживаю поцелуя? – спросила она.

– Да, – протянул он, чувствуя, как его решимость и добрые намерения постепенно тают. – Да, определенно, ты заслуживаешь поцелуя. – Его лохматая голова склонилась, и губы нашли ее губы, слегка раздвинувшиеся, чтобы получить удовольствие и одновременно поощрить его на дальнейшие действия. – Ведьма, – пробормотал он, не отрывая губ от ее рта, – чем ты околдовала меня?

– Я так счастлива, что ты приехал, – ответила она, – я бы не смогла уехать, не увидев тебя. – На ее глаза навернулись слезы. – Ох, Адам! Почему ты такой упрямый? Теперь меня сторговали на брак с иностранцем! Если бы ты женился на мне раньше, никто не смог бы заставить меня разлучиться с родиной и детьми.

– И что бы ты получила, Скай? Ланди? – Он грубо рассмеялся. – Я уже говорил тебе, что не хватаю звезд с неба, а ты – яркая и прекрасная звезда. Могу ли я удерживать звезду, Скай? Ты заслуживаешь больше того, что я могу предложить тебе.

– Мне ничего не нужно, Адам, кроме одной вещи, которую ты мог бы дать мне, и эта единственная вещь в мире, которой мне не хватает, – твоя любовь.

– Но ты не можешь ответить мне тем же, Скай, – сказал он уже серьезным тоном. – Мы говорили об этом сотни раз, и всегда выходило одно и то же. Я люблю тебя так, как не любил

ни одну женщину в мире, и ты любишь меня. Но не так, как женщина любит мужчину, ты любишь меня как друга, а этого, моя девочка, вовсе недостаточно! У меня тоже есть гордость, Скай О'Малли!

– И ты слишком романтичен, Адам. Ты не можешь взять меня, так как я люблю тебя как друга, зато можешь стоять и смотреть, как меня посылают в качестве жены какого-то иностранца, который, судя по портрету, вообще никого не способен полюбить! Мне не понять твоей логики, Адам.

Он хмыкнул:

– Если этот твой герцог окажется твоей великой любовью, ты еще скажешь мне спасибо, Скай О'Малли.

– Думаю, взамен я заставлю тебя пожалеть о твоей глупости, – угрожающе сказала она, в то время как ее руки скользнули под его куртку, лаская его покрытую шелковой тканью грудь. – Могу ли я заставить тебя пожалеть о твоём решении, Адам? – Сквозь шелковую рубашку он ощущал тепло ее пальцев. – Ты будешь моим любовником и в этот раз? – громко прошептала она, привставая на цыпочки, чтобы поцеловать его в известное ей чувствительное местечко чуть ниже уха. Ее ладонь сотрясалась от ударов его могучего сердца.

– Ты ведь помолвлена, – слабо запротестовал он, но его руки уже сами притягивали ее.

Она прикусила мочку его уха.

– Ведь может случиться, мы уже никогда не увидимся, любимый, – сказала она тихо, и ее маленький острый язычок пробежал по поверхности ушной раковины.

– Зачем это тебе? – Это была последняя преграда.

– Потому что через четыре дня я отплываю в неведомую страну и выхожу замуж за незнакомца, и мне придется спать с ним. И я буду для него всего лишь самкой, это все, что ему от меня нужно, Адам! Наследники! Наследники для его крошечного герцогства! А за мое тело, мое здоровое и, очевидно, плодовитое тело, он заплатит Англии безопасной гаванью на Средиземноморье и замочной скважиной в двери черного хода Франции. А я, я получила обещание королевы Англии, что она не позволит своим англо-ирландским лордам и никому вообще похитить земли моего сына от Бурка. Это не любовный союз, Адам. Это просто сделка, и поэтому, прежде чем я уеду от всего знакомого и дорогого мне, разве не могу я позволить себе немного любви, немного нежности, немного теплоты с тем, кто дорог мне, с Адамом де Мариско?

– Черт побери, Скай, – тихо сказал он и сомкнул руки на ее спине. Она вздохнула с таким облегчением, что он тихонько рассмеялся и погладил ее по волосам. – Никогда не видел столь честной женщины, как ты, любимая. Иногда это даже пугает меня немного.

Наблюдавший за этой сценой через перила лестницы второго этажа Эдмон де Бомон не мог разобрать слов этой пары, но было ясно, что этот великан страстно любит леди Бурк и она его тоже. Когда к нему подошел юный граф Линмутский, Эдмон спросил мальчика:

– Кто там стоит с твоей мамой, Робби?

Робби Саутвуд взглянул вниз, и его лицо озарилось улыбкой. Не отвечая на вопрос наследника де Бомон, он ринулся вниз, крича:

– Дядя Адам! Как вы оказались в Лондоне?! – На его лице светилась неподдельная радость.

Эдмон де Бомон поспешил за мальчиком и прибыл на место как раз вовремя, чтобы услышать ответ великана, заключившего мальчика в объятия:

– Я приехал пожелать твоей маме спокойного плавания, мой граф. А как тебе удалось ускользнуть с дворцовой службы?

– Мы здесь уже почти месяц, дядя Адам. Виллоу, Мурроу и я! Мы катались с мамой, и устраивали пикники, и ездили по магазинам и портным. Мама сшила столько новых платьев, ведь в Бомон де Жаспре почти круглый год лето, так говорит Эдмон.

– А кто такой Эдмон, мой граф?

– Эдмон де Бомон – это я, – последовал ответ, и Адам де Мариско в удивлении посмотрел вокруг. Он никого не видел.

– Я здесь, внизу, месье, – снова послышался голос, и Адам взглянул вниз. – Я Эдмон де Бомон, наследник де Бомон, – повторил он.

Адам был удивлен.

– Ты выходишь замуж за него? – спросил он напряженно.

– Нет, Адам, это его племянник, который должен сопровождать меня в Бомон де Жаспр.

– Герцог похож на него? – Адам размышлял о том, как придушить Уильяма Сесила.

– Месье, я жертва неудачных родов, – сказал Эдмон, – мой дядя такой же, как все люди, уверяю вас.

– Эдмон, это Адам де Мариско, правитель острова Ланди. Помнишь, я говорила тебе, что у меня всего два лучших друга? Так это второй.

Адам де Мариско посмотрел на Эдмона де Бомона, затем вдруг наклонился, поднял карлика и посадил его на сгибе своей мускулистой руки так, что их глаза оказались на одном уровне.

– Вот так должны разговаривать мужчины, месье, – сказал он.

– Идет, лорд великан! Сколько же в вас росту?

– Ровно метр девяносто пять сантиметров, – отвечал Адам.

– Итак, вы почти в два раза выше меня, ибо во мне чуть больше метра.

Скай была поражена, видя, как Адам шагает с Эдмоном на руке, непринужденно болтая с ним.

– Так им проще всего говорить, – заметил Робби. – Ну и здорово придумал дядя Адам!

Скай улыбнулась. Это было умно со стороны Адама, но он всегда отличался тем, что умел завоевать расположение собеседника. Он предпочитал жить на Ланди, и двор Елизаветы Тюдор потерял в нем ценного придворного. Но она не могла винить его.

Бомон де Жаспр вернулся в Уайтхолл, Робби отправился инспектировать злачные места Лондона, а леди Сесили с детьми улеглись, и только тогда Адам и Скай остались наедине. Она распорядилась приготовить ужин на двоих, причем сама выбрала меню: живя в юности во Франции, Адам стал своего рода гурманом. Они начнут с мидий в белом винном соусе и тонко нарезанных дуарских морских языков с лимонными дольками. Второе блюдо будет сама простота: каплунья грудинка с кресс-салатом, шампиньоны в белом вине и еще салат из свежей заячьей капусты и редиски со свежеспеченным хлебом и только что сбитым маслом. Наконец, свежая земляника под толстым слоем девонских сливок. Не слишком изысканное меню, но Скай знала, что Адаму это должно понравиться.

Ему понравится и ее наряд: один из ее алжирских кафтанов из розового шелка с широкими длинными рукавами и глубоким вырезом, с маленькими перламутровыми пуговицами, начинающимися прямо под грудью. В тон кафтану – восхитительные шелковые плоские шлепанцы с загнутыми мысками. Волосы только что вымыты и распущены. И никаких украшений.

– Не могу понять, почему вы не вышли замуж за лорда Ланди, – заметила ей Дейзи.

– Потому что он не хочет жениться на мне, – просто ответила Скай.

– Вы шутите, госпожа! – изумилась Дейзи.

– Нет, Дейзи. Он думает, что мне в качестве мужа нужен не островной вождь, а могучий и грозный повелитель.

– Он просто дурак, – откровенно сказала Дейзи, и в тот же момент в дверь спальни постучали.

– Дейзи, открой дверь, – приказала ее госпожа, – и можешь идти отдыхать. Ужин уже стоит на буфете, и все остальное сегодня я сделаю сама.

Дейзи сделала реверанс и открыла дверь, чтобы пригласить Адама де Мариско в спальню.

– Добрый вечер, милорд, – сказала она приветливо, снова приседая в реверансе, и затем закрыла за собой дверь.

– Ты прекрасна, – сказал он, пожирая Скай своими дымчато-голубыми глазами.

Она улыбнулась.

– Мой повар приготовил для тебя замечательный ужин.

– Сегодня вечером я хочу только тебя, Скай. – Он устремился к ней, но она быстро отступила в сторону.

– Неужели ты хочешь оскорбить моего повара? – В ее глазах плясали веселые чертики. – Если ты оставишь этот замечательный ужин нетронутым, будет колоссальный скандал. Все мои домашние будут удивляться, как это такой ужин, на приготовление которого было потрачено столько трудов, остался нетронутым.

– Но сначала поцелуй, ирландская ведьма, – сказал он.

– Только поцелуй – и я пропала, нахал. Я вижу, что придется обращаться с тобой, как с моими детьми. Никаких игр, пока не съешь ужин, Адам. – Она так старалась выглядеть суровой, что он рассмеялся.

– Отлично, я поем.

Он сел на один из стульев, поставленных друг против друга за маленьким прямоугольным дубовым столом, и наблюдал, как Скай сервирует стол. Она поставила на стол дымящиеся мидии и налила в его кубок бледно-золотое вино, а затем села напротив. Они молча начали трапезу. После первого блюда она сервировала второе, и он одобрительно промычал:

– Твой повар учился у француза, Скай. Этого блюда я не пробовал с тех пор, как в последний раз был в Париже. Грибы свежайшие, а винный соус самый вкусный, какой я пробовал. Утром надо будет высказать ему мои поздравления.

Она улыбнулась, довольная тем, что ему понравился ужин. Сама она ела мало. Она знала, что этой ночью, несмотря на то что он поклялся не быть ее любовником, они все-таки займутся любовью. Пощипывая редис, она размышляла над тем, почему она не вкладывала в любовь к Адаму такой всепожирающей страсти, как к предыдущим трем мужьям. Они тоже были ее друзьями и были столь же нежны и опытны в любви, как Адам. Джеффри, Найл и Халид были темпераментными, интересными, честолюбивыми мужчинами. Адам, несомненно, тоже темпераментен и интересен как мужчина, но он не был честолюбив. Ему вполне хватает его острова, а ей – нет. Несмотря на стремление к тихой, спокойной жизни, она знала, что самыми счастливыми моментами в ее жизни были те, когда она была в центре событий. Адам же стремился к покою, и, если ценой покоя было сидение на Ланди и медленное старение без истинной любви, он был готов заплатить эту цену. Почему он отправил себя в это добровольное заточение? Это было неумное решение, а Адам де Мариско – очень умный человек. Вдруг она поймала на себе его взгляд, и их глаза встретились. Ее щеки окрасились легкой краской стыда. Он был очень серьезен, и на мгновение она решила, что он прочитал ее мысли.

– Я просто думаю, – сказала она виновато.

– Обо мне? О нас?

– Да.

– И ты решила, что это не самая умная идея – снова стать любовниками, Скай?

– Нет. Я просто думаю, что у тебя есть какая-то тайна, Адам. И я поняла, что именно это мешает мне полюбить тебя по-настоящему. Ты любишь меня недостаточно для того, чтобы бороться за меня, Адам.

Он казался пораженным:

– Но это не так, Скай!

– Нет, Адам, это так. Ты говоришь, что любишь меня, но не можешь жениться на мне из-за того, что я заслуживаю более достойного мужа, а ты просто островной вождь. Но ведь власть покупают, Адам де Мариско, а золота у нас предостаточно. Еще ты говоришь, что не

женишься на мне потому, что однажды я могу встретить свою настоящую любовь, но из-за ложно понятого чувства дружбы останусь с тобой и разрушу свое счастье, а ты этого не сможешь перенести. Но за исключением моего первого мужа я любила всех остальных мужей, и никто из них не колебался, когда женился на мне, и не боялся, что я могу позднее встретить кого-то, кто окажется для меня ближе, чем они. Они достаточно хотели меня для того, чтобы преодолеть все препятствия. А ты даже не пробуешь это сделать.

Через несколько дней я покину Англию ради того, что Сесил назвал недолгим браком с больным стариком. Но герцог из Бомон де Жаспра – не старик, и он здоров. Его племянник подтвердил, что он вполне здоровый мужчина средних лет. Итак, мой дорогой Адам, поверь мне, может случиться, что я никогда не увижу ни тебя, ни Ирландию. И мой брак – не брак по любви. – Она подошла к буфету и вынула из ящика миниатюрный портрет. – Вот, – она вручила ему миниатюру, – взгляни на моего суженого и скажи, может ли он стать моей великой любовью? У него холодное лицо, Адам, а его глаза меня просто пугают. Уверения его племянника меня не успокаивают, хотя сам Эдмон, мне кажется, искренне привязан к герцогу.

Итак, дорогой мой, я направляюсь к тому самому повелителю, который, как ты считаешь, лучше всего мне подходит. Но прежде у нас есть несколько славных дней. Мы заслужили их, Адам, и, возможно, именно в эти дни ты наконец скажешь мне, почему, любя меня, ты не стал сражаться за меня. Именно поэтому, мой милый, я никогда не могла полностью отдаться любви к тебе. У тебя нет честолюбия, и меня интересует – почему?

– И за это ты накажешь меня? – спросил он.

– Нет, я буду любить тебя, как всегда. Может быть, не настолько, чтобы удовлетворить твое тщеславие, но ведь и ты не отдаешь себя полностью этой любви. Каждый получает от связи столько, сколько вкладывает в нее.

– Убери это, – резко сказал он, отдавая ей миниатюру.

Она положила ее в тот же ящик буфета. Легкая улыбка тронула ее губы. Наконец-то она достала его! Конечно, слишком поздно рассчитывать на брак. Шансы потеряны, и она должна исполнить обещание, данное Елизавете. Но если она действительно разбудила Адама, то он найдет кого-нибудь, кого сможет полюбить по-настоящему. Ей не хотелось, чтобы он остался одиноким, хотя она и знала, что девушка, которая полюбит Адама де Мариско и сможет жить на Ланди, должна быть чем-то особенным.

Вернувшись к столу, Скай захватила корзинку с земляникой, сливки и сахар на серебряном подносе. Она выбрала из корзинки большую ягоду, окунула ее сначала в сахар, потом намазала толстым слоем сливок и положила в рот, очистив от листьев и черенка.

Он с облегчением посмотрел на нее, а затем встал и сказал:

– После!

– Развратник! – промурлыкала она, не сходя с места.

Он некоторое время, прищурившись, смотрел на нее, а затем медленно начал расстегивать ее розовый кафтан. Его толстые пальцы с необычайной ловкостью справлялись с крошечными перламутровыми пуговицами. Скай же начала расстегивать серебряные пуговицы на его темно-голубой бархатной куртке. Когда кафтан оказался расстегнут до живота, его руки скользнули внутрь и начали ласкать ее грудь, наслаждаясь ее сосками, затвердевшими от его нежных прикосновений. Они упирались в его ладони, как шипы розы. Она наконец откинула его куртку и расстегнула ворот рубашки, открыв его грудь до пояса. Ее тонкие пальцы игриво прошлись по его груди, пробираясь сквозь густые заросли темных волос, и наконец сомкнулись на шее.

Его руки скользнули вниз по ее плечам, стягивая с них кафтан. Шелк со свистящим звуком соскользнул и упал к ее ногам, оставив Скай обнаженной. Теперь его руки утонули в тяжелой темной копне ее волос, притягивая голову для поцелуя. Но буквально секунду он еще помедлил, давая ее прекрасным глазам прикрыться густыми, подрагивающими, подобно стре-

козиным крыльям на розовых щеках, ресницами, и лишь затем его губы осторожным, исследующим движением прикоснулись к ее губам.

Он поцеловал ее как будто впервые, нежно касаясь ее губ, и по ее спине прокатилась волна возбуждения. Почувствовав это, его губы медленно нажали на ее губы, заставляя их раскрыться. Его язык скользнул в открывшуюся пещеру, чтобы начать дикий танец с ее языком, перешедший в самозабвенные объятия и ласки. Подчиняясь внезапно вспыхнувшему порыву, он начал с жадностью целовать ее закрытые глаза, щеки, краешки рта, носик, подбородок, в то время как она лихорадочно шарилась руками по пуговицам его рубашки и поясу бриджей.

– Милая Скай, – тихо прошептал он, – милая, милая Скай.

Ей удалось расстегнуть наконец его рубашку, но прежде чем она успела запутать его в его же полустянутых бриджах, он подхватил ее на руки и отнес на кровать.

– Нет, нет, любовь моя, я сделаю это быстрее и лучше тебя, – остановил он ее.

– Тогда сделай это, Адам, черт побери. Я хочу тебя, хочу сейчас, и мне не стыдно признаться в этом!

Он откинул свою львиную голову и рассмеялся:

– Господи, Скай, ты невероятная женщина! Ты хочешь меня и говоришь мне это! Так вот, моя голубоглазая кельтская ведьма, я тоже хочу тебя, и я вдруг понял, что хочу тебя навсегда, не только на несколько ночей. Что я наделал, Скай, и все из-за своей гордыни!

Она приподнялась и притянула его к себе.

– Потом, – прошептала она ему, – мы поговорим об этом позже, дорогой.

Он не стал спорить. Его руки скользнули по ее вытянувшемуся телу, следуя линии талии, охватывая бедра, лаская ее длинные ноги. Она страстно целовала его, и он застонал от нахлынувшего удовольствия, охватившего его. Она легла на спину, и он сказал:

– Не надо ничего делать, Скай, позволь мне только любить тебя. Позволь мне просто наслаждаться твоим прекрасным телом, ведь сегодня ты еще принадлежишь мне!

Он наклонил голову, и его язык начал двигаться вокруг ее соска снова, и снова, и снова, пока она не застонала. Тогда он захватил его в рот целиком и начал сосать, и раскаленные стрелы наслаждения начали пронзать ее тело. Он повторил то же с другим соском, и лишь когда он почувствовал, что она дрожит, как маленький испуганный зверек, он прекратил попытку и опустился на кровать.

Взяв одну из ее стройных ног, он начал целовать ее. Его язык скользил сначала по пальцам, затем по коже стопы и перешел к щиколотке, поднимаясь все выше и выше. Дойдя до колена, он перешел к другой ноге. Перевернувшись, он стал целовать ее дрожащие груди и ложбинку между ними. Его язык скользил по ее телу, не упуская ни миллиметра. Он перевернул ее на живот, и она почувствовала его влажную теплоту между лопаток, вдоль позвоночника, на линии талии, на холмиках ягодиц и снова на ногах, по которым он проскользнул до пяток.

– О Иисус, Адам, – простонала она, – остановись! Я сойду с ума!

Он снова перевернул ее на спину.

– Только вместе со мной, Скай, – сказал он, наклоняя голову так, что теперь его язык коснулся ее самого чувствительного местечка.

– Д-да, Адам, – выдохнула она, воспламеняясь под его нежными прикосновениями, тело ее начало содрогаться.

Впитывая ее мускусную влагу, он почувствовал себя на грани взрыва. Не в состоянии более сдерживать порыв, он перевернулся и привлек ее к себе, чтобы оказаться внутри ее сладостных ножен. Издавая громкие стоны, она обвилась вокруг него, подобно сказочному существу, соразмеряя движение своих бедер с ритмом его движений. Слабый вскрик показал ему, что она уже близка к вершине. И тогда он дал ей побалансировать на ее грани и безжалостно толкнул назад, вниз. Она выругалась, а он только рассмеялся:

– Ты слишком спешишь.

– Я ненавижу тебя! – выдохнула она.

– Ты же хотела меня, – напомнил он, – и я тебя тоже. Просто я всегда старался научить тебя терпеливости при наслаждении.

– Отпусти меня! – взмолилась она. Вместо ответа он глубоко вошел в нее, с каждым движением бедер расплющивая ее о матрас. Она судорожно охватила его руками, и его попытка заставила ее вонзить в его спину острые ногти.

– Сука! – простонал он и с ожесточением впился в ее губы, заставляя их раскрыться. Захватив ее язык, он начал яростно сосать его.

Скай на мгновение показалось, что сейчас она умрет. И тут же кипящие воды ее страсти излились наружу, покрыв вершину его пульсирующей мужественности, которая в тот же момент отсалютовала ей так же. Они содрогнулись одновременно, исчезнув в мире раскаленной добела, опустошившей их страсти, и снова оказались в реальном мире, едва живые и почти без сознания.

Он скатился с нее на бок, но она инстинктивно прижалась к нему в порыве ласки. Его сильные руки обняли ее, а ее голова оказалась в надежном прибежище изгиба его плеча. Их дыхание еще не могло выровняться. Он мягко гладил ее, успокаивая. Затем он вздохнул и заговорил:

– Ты знаешь, что у меня не может быть детей. В детстве жестокая лихорадка уничтожила жизнь в моем семени. Хвала Господу, что он не лишил меня наслаждения любви, но я не могу дать женщине ребенка.

Я понял это впервые, когда мне было двадцать и я влюбился в девушку, на которой собирался жениться. Я мог бы не говорить ей ничего и оставить ее в заблуждении, что это она – причина бесплодия. Но я был честен с ней и ее семьей. Ее отец сказал, что лучше отдаст ее в монастырь, чем оставит без детей. Моя же возлюбленная сказала мне, что если я не могу быть настоящим мужчиной, то не нужен ей. – Он снова вздохнул. – Ее отец был французским графом с головы до пят. Она была его восьмым ребенком, пятой дочерью. Ее наследство было слишком мало даже для вступления в монастырь, как выяснилось впоследствии. Но я продолжал любить ее, Скай. Хотя сейчас я уже ее не люблю, но до сих пор в моих ушах стоит ее голос, я слышу ее слова, ее осуждение моего бессилия, моей неспособности дать сына ей или другой женщине.

Тогда я покинул Францию и вернулся на Ланди, правителем которого я стал в десять лет, после того как умер мой отец. Через год после его смерти мать со мной и двумя младшими сестрами вернулась во Францию и вышла замуж снова. Мне тогда было уже двенадцать лет. Она родила новому мужу еще несколько детей, так что после того, как моя помолвка расстроилась и я снова вернулся на Ланди, мной никто уже не интересовался.

Из-за моей страсти к женщинам я стал известен как «похотливый правитель Ланди». Кое-кто из них даже объявил меня отцом их ублюдков, и я заплатил им откупные, чтобы поддержать легенду о моей плодовитости. Я знаю правду. И вот в мою жизнь пришла ты, Скай, и я снова полюбил. Но я никогда не признавался тебе в этом, я не признавался в этом даже себе самому вплоть до сегодняшнего дня.

Я всегда считал тебя звездой, сверкающей яркой звездой. И ты была ею, дорогая. Мы одинаково богаты, но земель у тебя гораздо больше. Это ничего не значит – ты знаешь, как мало значения я придаю таким вещам. Но ты рожала детей всем своим мужьям, и это-то, наверное, и беспокоило меня. Если ты выйдешь за меня замуж, то не сможешь иметь детей. И в этом буду виноват я.

– И ты опасался, что я стану упрекать тебя? – ответила она. – Но ведь дважды я просила тебя жениться на мне, хотя уже знала, что твое семя бесплодно.

– А если бы ты вышла за меня после смерти Джеффри, то оказалась бы оторванной от Найла, – сказал он. – И у тебя не было бы маленькой Дейдры и Патрика. Осмелюсь предположить, любовь моя, ты не сожалеешь о появлении этих малюток.

– Нет, конечно, нет, Адам, но я думаю, судьба была против моего брака с Найлом. Несколько лет подряд она делала все для того, чтобы держать нас врозь. Если бы я не вышла за него, Клер О’Флахерти не отомстила бы ему: не было бы причины. Теперь же он мертв, а я, чтобы защитить двух его детей, вынуждена выйти замуж за человека, которого никогда даже не видела. Женись ты тогда на мне, милый, дорогой Адам, все было бы значительно проще. Я могла бы полюбить тебя и в самом деле полюбила бы, если бы ты стремился сражаться за меня. А ты больше боялся снова быть оскорбленным, чем хотел видеть меня своей женой.

– А если бы я вдруг изменился, Скай, вышла бы ты за меня?

– Да, Адам, но теперь слишком поздно. Я не могу нарушить данного королеве слова. Так или иначе мы пришли к соглашению, и я со своей стороны не нарушу его, пока другая сторона держит слово. Если бы мы поженились, земли Бурков могли бы быть спасены благодаря богатству и связям моего нового сильного мужа. Однако я пришла к королеве беззащитной, и она воспользовалась этим, чтобы использовать меня в своих целях. Ведь Сесил знает, что мое слово крепко.

– Как я люблю тебя, – прошептал он, склонив лицо к ее волосам, – и каким же дураком я был, милая Скай!

– У нас есть еще несколько дней, Адам. Когда я уеду, я бы хотела, чтобы ты нашел другую женщину для любви. Если бы эта французенка и в самом деле любила тебя, то твое бесплодие не беспокоило бы ее. Она была недостойна тебя, Адам, но ведь где-то есть девушка или женщина, которая достойна. Кто-то, кто полюбит тебя такого, какой ты есть, и именно за это, независимо от того, способен ты или нет дать ей детей. Не бойся найти эту женщину, дорогой!

После смерти Халида эль Бея я сказала Робби, что никогда больше не полюблю. Любовь приносит лишь страдания. Но как же без страданий, Адам, узнать счастье и наслаждаться им? И ты в своих поисках можешь испытать страдания, но найденная тобой любовь принесет счастье, окупающее эти страдания.

Он прижал ее еще крепче к себе, и она еще больше погрузилась в его объятия, не видя наворачнувшихся на его дымчато-голубые глаза слез. Он знал, что она права. И, признавшись ей во всем, он впервые за эти годы чувствовал себя облегченным. Но одновременно с этим признанием он понял, как сильно любит ее, возможно, намного сильнее, чем может полюбить любую другую женщину. Только время могло дать правильный ответ, и по крайней мере у них было впереди несколько дней, чтобы любить друг друга и подарить друг другу воспоминания, которые будут согревать их на протяжении многих лет.

Следующие два дня и две ночи они не покидали ее комнаты, проводя время в любви, разговорах и даже ссорах, по причине его, как она выражалась, чудовищного упрямства и ее, как он формулировал это, ирландского скудоумия. По вечерам к ним присоединялись дети, чтобы поболтать и поиграть. Пожалуй, только юный Мурроу О’Флахерти понимал, какие отношения связывают его мать и Адама де Мариско.

– Почему ты не выйдешь за него замуж? – спросил он мать, улучив момент, когда Робби и Виллоу были полностью погружены в историю, которую рассказывал им Адам.

– Потому что он не предложил мне это вовремя, – ответила она.

Мурроу кивнул.

– Неужели нельзя переубедить королеву, мама? Ты могла бы остаться здесь, и мы не потеряли бы тебя в чужой стране, с человеком, которого мы не знаем. Спроси ее величество. Она всегда так восхищается тобой.

Скай приобняла своего сына:

– Хотела бы я, чтобы это было возможно, моя любовь, но, к сожалению, ничего сделать нельзя. Герцогу уже сообщили о моем согласии и послали мой портрет. Он будет оскорблен, если вместо меня пошлют другую женщину.

– Но ведь можно сказать, что ты умерла, – предложил Мурроу.

– Не думаю, что месье Эдмон де Бомон станет лгать дяде. Боюсь, что мне придется ехать. – Она похлопала Мурроу по плечу. – Все будет в порядке, сын. Все будет в порядке.

На следующий день, необычно жаркий для раннего мая, они поехали ко двору. Скай надела одно из своих новых платьев, сшитых специально для Бомон де Жаспра. Оно было из зеленого шелка, с нижней юбкой, украшенной вышитыми золотом цветами и бабочками. Рукава прозрачные и ниже локтей оставляли руки обнаженными. Вырез, по французской моде, был предельно большим. Некоторые придворные джентльмены просто разинули рты, когда она прошествовала мимо них в сопровождении Адама де Мариско и сэра Роберта Смолла.

– Очевидно, их восхищают мои изумруды, – поддразнивала она свою свиту, и мужчины непроизвольно фыркали.

– Конечно, конечно, – отвечал Роберт, – а я-то думал, что это розы в твоих волосах.

В парче и голубом бархате, королева уже ожидала их и простерла свои длинные изящные руки в приветствии.

– Дражайшая Скай! – Она дружелюбно улыбалась. – Итак, вы пришли попрощаться с нами. – Она скользнула по Скай одобрительным взглядом. – Я знаю, герцог оценит нашу щедрость при получении в жены одной из самых прекрасных женщин нации.

– Ваше величество столь щедры, – ответила Скай, скромно опустив глазки.

– Да, – в тоне Елизаветы зазвучали остерегающие нотки, – я во многом похожа на моего отца. – Она снова улыбнулась. – Вам будет приятно узнать, Скай, что я подтвердила право на наследство вашего сына и назначила его двоюродного деда, епископа Коннотского, его опекуном в ваше отсутствие. – Она понизила голос: – Не опасайтесь, милая Скай. Англичане и англоирландцы в Дублине предупреждены, что малейшее поползновение с их стороны будет рассматриваться мной как личное оскорбление. Что же касается ваших диких ирландских соседей, то с ними придется разбираться вашему дяде.

– Благодарю вас, ваше величество, – ответила Скай. – Я признательна вам, и я исполню свою часть договора.

– Как мы все завидуем герцогу, – пробормотал лорд Дадли. – Могу поручиться, что леди Бурк действительно знает, как нужно ублажить мужчину.

– И как это получается, лорд Дадли, – ласковым тоном спросила Скай, – что ваша храбрость проявляется исключительно в те моменты, когда вы окружены придворными? И так как вы никогда не доставляли мне удовольствия, не могу понять, откуда вам знать, могу ли я доставить удовольствие мужчине?

Руки Робби и Адама легли на рукояти их мечей. Но у них не было нужды в защите Скай: в этот раз ее слова поразили Дадли гораздо сильнее, чем это могли бы сделать мечи. Пока королева и придворные хихикали, наблюдая за унижением напыщенного графа Лестерского, Скай добавила своим медовым голосом:

– Вашему величеству уже знакомы мои сыновья, Мурроу О'Флахерти и Робби Саутвуд. Но я хотела бы, чтобы моя дочь Виллоу также могла поприветствовать ваше величество.

Елизавета Тюдор бросила одобрительный взгляд на Виллоу, действительно восхитительную в ее винного цвета шелковом платье. Виллоу изящно присела в реверансе, что вызвало еще большее одобрение у королевы.

– Сколько тебе лет, дитя мое? – спросила она.

– Мне только что исполнилось девять, ваше величество, – ответила Виллоу.

– Что ты изучаешь? Ты учишься?

– Да, мадам, я учу французский, латынь и греческий, а еще математику, музыку и философию. Мама говорит, что я должна начать изучать еще и испанский, и итальянский в этом году. В будущем мне придется управлять большим имением.

Королева была довольна таким ответом: будь у нее самой дочь такого возраста, она не могла бы придумать лучшего расписания.

– Умеешь ли ты танцевать? – спросила она Виллоу.

– Да, мадам. Танцмейстер приходит в восемь утра четырежды в неделю.

– А женское рукоделие, мисс Виллоу? Его ты тоже изучаешь?

– Да, – ответила Виллоу, – мне нравится, но садоводство нравится больше.

– Ты хорошая девочка, – сказала королева, – может быть, через год-другой твоя мама разрешит тебе присоединиться к моему двору в качестве придворной дамы. Ты бы хотела этого, мисс Виллоу?

Золотистые глаза Виллоу округлились от восторга, и она посмотрела на мать.

– О, мама, можно мне? – спросила она.

– Через год-другой, Виллоу, – сказала Скай, – если королева все еще будет нуждаться в тебе, ты, конечно, сможешь это сделать. А теперь поблаговари королеву за ее доброту.

– О, благодарю вас, мадам! – с жаром сказала Виллоу, приседая в реверансе.

– Как вам повезло, что у вас такая славная дочурка, – заметила Елизавета.

– Мне повезло со всеми детьми, – ответила Скай, – даже с теми, кого я вынуждена оставить.

У королевы хватило такта продемонстрировать на мгновение сочувствие к Скай, но затем ее лицо быстро приняло прежнее выражение.

– Передайте герцогу Бомон де Жаспру наше личное приветствие, дорогая Скай, и скажите, что Англия благодарна ему за предоставление безопасной гавани. Что же до остального, то я могу положиться на вас. – Эти слова знаменовали окончание аудиенции, и они же были предупреждением.

Скай присела в глубоком реверансе, и по меньшей мере двое придворных, стоявших рядом с королевой, чуть не свалились, вытянувшись так, чтобы разглядеть почти нагие груди Скай.

– А ты действительно был с ней, Дадли? – спросил один из придворных.

– Это такой горячий и сочный кусочек, какого ты не пробовал и в самых безумных фантазиях, – тихо ответил Дадли. – Я получил ее сразу после смерти ее мужа, графа Саутвуда. У него она не знала отказа в удовольствии и не могла дожидаться, пока я окажусь с ней. О да, мой друг, я хорошо знаю Скай О’Малли.

– Печально, что королева отсылает ее, – сказал его собеседник.

Дадли хмыкнул:

– Бесс знает, что Скай сделает герцога счастливым, а счастливый человек – это благодарный человек, признательный Англии, которая посылает ему такие лакомства.

Мужчины непристойно заржали, но к этому времени Скай и ее свита уже покинули приемную залу королевы.

– Когда наступит следующий отлив? – спросила Скай у Робби.

– Около шести вечера, – ответил он.

– У нас мало времени, так? Тогда мы должны скорее добраться до Гринвуда. Я должна переодеться.

Они поспешили по коридорам Уайтхолла к лестнице Старого дворца, где у пристани их ожидала баржа Скай. Баржа устремилась вниз по реке к Гринвуду, и вскоре Скай ворвалась в дом, чтобы переодеться. Служанки быстро упаковали ее платье, и последние чемоданы были отправлены в гавань, где ожидал флагман флота Скай «Чайка». Эдмон де Бомон уже был на корабле: он попрощался с королевой прошлым вечером.

Скай переделалась в костюм, который она обыкновенно носила на корабле: легкую шерстяную черную юбку-брюки, телесного цвета шерстяные чулки, черные кожаные ботинки, кремового цвета шелковую блузу и широкий кожаный пояс с серебряной пряжкой. Черные волосы были заплетены в толстую косу, чтобы не лезли в глаза. Адам следил за тем, как она передевалась, вручая ей вместо отосланной на корабль Дейзи предметы туалета.

– Не сопровождай меня на корабль, – сказала ему Скай. – Я не вынесу зрелища того, как будет уменьшаться твоя фигура, когда корабль будет отплывать все дальше от берега.

Он кивнул, понимая и внутренне соглашаясь с ней. Лучше всего им попрощаться наедине.

– Я отвезу Мурроу и Робина в Уайтхолл и завтра прослежу за тем, чтобы леди Сесили и Виллоу благополучно отбыли в Девон.

– Ты приглядишь за детьми вместо меня, Адам? Не только в Англии, но и в Ирландии. Мой брат Майкл – хороший человек, но он священник, и дядя Симус стар, даже слишком стар, чтобы отвечать за все. А мой сын Эван должен быть под влиянием настоящего мужчины. – Она прижалась к его широкой груди. – Мои дети! – разрыдалась она. – Так трудно расставаться со всеми, но дети еще слишком малы, чтобы привыкнуть ко мне. Пожалуйста, присмотри за ними, Адам, тебе я могу доверять!

– Ты будешь писать мне, – сказал он. Это было скорее приказание, чем вопрос.

– Напишу, – ответила она.

– Я буду молиться за нас обоих, – тихо сказал он, и она удивленно взглянула на него. Он рассмеялся. – Я знаю, Скай, что мужчины редко говорят о Боге, но я верующий, и я в самом деле молюсь.

Слезы снова увлажнили ее ресницы.

– Я тоже буду молиться за нас, дорогой. Я буду молиться за то, чтобы ты нашел женщину, которую полюбишь!

Он улыбнулся ей, и их губы сомкнулись в нежнейшем поцелуе. Они словно слились друг с другом так... Она хотела бы, чтобы этот поцелуй никогда не кончался, ибо прикосновение его губ унесло ее в этот раз за пределы известного ей мира – в какой-то другой мир, сотканный из света и любви, столь чистый, что она не представляла, смогут ли они, или хотя бы один из них, снова в нем очутиться когда-либо.

Вот почему она заупрямилась, когда он с неохотой оторвал свои губы от ее и поднял голову. Его рука охватила ее талию, и он легонько коснулся пальцами другой ее щеки.

– Прощай, Скай О'Малли, прощай, до следующей встречи.

Адам де Мариско повернулся и вышел.

Какое-то мгновение Скай стояла, прикованная к полу, настолько переполненная чувством утраты, что ее сердце, казалось, разорвется. Если он и был глупцом, то она глупее его. Ей следовало заставить его жениться на ней! А теперь было слишком поздно.

– Мама?

Скай повернулась на голос и, взглянув вниз, увидела стоящих перед ней сыновей.

– Мурроу, Робби! – воскликнула она.

– Мы пришли попрощаться с тобой, мама, – сказал Мурроу. – Лорд де Мариско отвезет нас сейчас в Уайтхолл.

Она наклонилась, чтобы обнять старшего сына, а затем, выпрямившись, взяла его голову в руки.

– Я горжусь тобой, Мурроу О'Флахерти, – проговорила она, – ты хороший мальчик, и я люблю тебя. Помни о нашем разговоре и веди себя соответственно. Только ты сам можешь добыть свои земли, мой сын. Я буду гордиться тобой. – Тут она быстро поцеловала его и выпустила из рук.

Глаза Мурроу были влажны, но он мужественно преодолел желание расплакаться.

- Я буду достоин твоей гордости, мама. Когда ты устроишься, можно мне будет приехать?
- Вы все сможете приехать ко мне, – пообещала она и повернулась к младшему сыну.

Робби бросился в ее объятия, и, хотя он не вымолвил ни слова, его плечи содрогались. Скай ждала, пока он успокоится. Как и его отец, Робби был наделен сильным чувством собственного достоинства. Наконец он взглянул на нее и дрожащим голосом сказал:

– Папе это не понравилось бы, мама. Он не одобрил бы королеву, оторвавшую тебя от детей.

– Да, Робби, – согласилась она. – Джеффри не понравились бы действия королевы, но он бы принял ее решение и исполнял бы его, потому что твой папа был одним из самых преданных слуг королевы. Как бы ты ни переживал, я рассчитываю, что ты поступишь так, как поступил бы папа. Он принял бы выбор королевы, и ты должен принять его. Он принял бы его с мужеством, и ты должен быть мужествен. – Она нежно пригладила его волнистые светлые волосы. – Ты приедешь ко мне, мой граф, после того как я устроюсь?

– Если позволит королева, мама, – ответил он, и она, улыбнувшись, ласково поцеловала его.

– Я горжусь твоим братом и горжусь тобой, Робби. Ты самый юный паж при дворе, и, несмотря на это, ты, как говорит сама королева, самый лучший из пажей. Продолжай и дальше прославлять имя Саутвудов, мой сын.

Она взяла мальчиков за руки и вышла с ними в вестибюль, быстро поцеловала каждого еще раз и вытолкнула их наружу. Когда дверь за ними закрылась, Скай прижалась к ней спиной и засунула в рот кулак, чтобы сыновья не услышали ее рыданий. Они были так мужественны, что ей не следовало разрушать их уверенность в себе или в ней. Про себя же она проклинала Елизавету за ее жестокое решение. У этой женщины просто не было сердца. Слезы тихо стекали по ее лицу соленым ручейком. И когда постучал Робби, она даже не расслышала сначала.

– Скай, девочка! – Наконец его голос прорвался сквозь пелену ее муки.

Повернувшись, она открыла дверь и упала на его грудь, рыдая.

– Это слишком, Робби! – плакала она. – Я не вынесу этого! Не вынесу!

Он обнял ее и начал бормотать что-то утешающее – это все, что было ей нужно в ту минуту. Она поедет в Бомон де Жаспр и сдержит обещание, данное королеве. Скай О’Малли никогда не нарушала своего слова и не сделает этого сейчас, несмотря на все страдания от разлуки с детьми. Когда Робби решил, что она выплакалась, он произнес резким тоном:

– А ты не забыла о Виллоу, Скай? Ты пойдешь к ней с заплаканными глазами? Она ведь уже не ребенок, ее не проведешь.

Скай глубоко вздохнула и вдруг снова припала к нему содрогаясь.

– Извини, Робби, – тихо произнесла она, – но, черт побери, как я люблю своих мальчиков!

– Я знаю, – сказал он и, взяв ее под руку, повел в спальню. Налив немного холодной воды из серебряного кувшина в раковину, он показал ей на нее: – Сполосни лицо, девочка. Виллоу и Сесили ожидают нас в библиотеке, чтобы попрощаться. Да Боже мой, она больше похожа на Халида! Она всегда спрашивает меня о грузе и о накладных на него. Она больше твоя наследница, чем любой из этих парней, это точно!

– Она твоя игрушка! – бросила ему Скай, склоняясь над раковиной, чтобы смыть следы слез.

– Это верно, – хмыкнул Робби, и Скай почти рассмеялась, настолько лучше она себя почувствовала.

Она взяла льняное полотенце, которое он вручил ей, и вытерла лицо и руки.

– Я готова, – сказала она, – я не так боюсь за Виллоу, ведь она живет с твоей сестрой, но когда я думаю о мальчиках при дворе – они так беззащитны...

Она вздохнула.

– Адам защитит их. Он сказал мне перед отъездом, что будет ездить между Девонем, двором и Ирландией, заботясь о твоих детях, пока ты в отъезде. Не понимаю, почему все-таки ты не вышла за него замуж?

Почему все, включая и Адама, думают, что это она не хотела замуж?

– Это он отказался от меня, черт побери! – выругалась она, поворачиваясь к Робби. – Он дважды отказался жениться на мне из-за глупого предрассудка. А теперь он решил, что и в самом деле меня любит, но слишком поздно!

Он удивленно посмотрел на нее:

– Черт возьми, Скай, что ты говоришь?!

– Идем, Робби, – сказала она, – не слишком вежливо заставляя герцога ждать.

Она вышла из комнаты, окинув ее быстрым прощальным взглядом. Кто знает, увидит ли она снова свой лондонский дом. Но сейчас было необходимо скорее убраться отсюда, пока горечь расставания не раздавила.

В библиотеке Скай ожидали леди Сесили и Виллоу. Когда Скай вошла в комнату, Виллоу подбежала к ней, крепко обхватила руками:

– Мама, мне будет не хватать тебя. Когда я снова увижу тебя?

– Как только я устроюсь, я спрошу герцога, когда ты и твои братья смогут навестить меня. Тебя это устроит, дорогая?

– И я смогу вернуться в Англию, чтобы стать фрейлиной королевы, мама, правда? – Виллоу выглядела так взволнованно, что Скай представила себе, как потрясло девушку зрелище блестящего двора.

– Если ты будешь продолжать делать то, что тебе велено, Виллоу, я не вижу причины, по которой ты не сможешь присоединиться ко двору через несколько лет. Но я должна получать от леди Сесили хорошие отчеты о твоём поведении, и ты не должна посрамить меня перед лицом герцога Бомон де Жаспра.

– Да, мама, я буду вести себя хорошо! Я буду хорошо учиться! И когда я попаду ко двору, я смогу затмить саму королеву!

– Не очень-то это мудро – затмевать Елизавету Тюдор, Виллоу. Твоя мама уже усвоила этот урок. – Скай лукаво улыбнулась Робби и леди Сесили. – Ну, Виллоу, попрощаемся, становится поздно, и мы не должны пропустить отлив.

Она наклонилась и взяла руки дочери в свои. Дочь Халида. За исключением этой зимы и зимы, проведенной в Тауэре, она никогда не разлучалась с ней. И это было похоже на расставание с ним самим. Скай почувствовала, как слезы снова подступают к глазам, и быстро взяла себя в руки. Она дважды поцеловала дочь в каждую щеку.

– Прощай, дочурка, – тихо сказала она.

– Прощай, мама, пусть Бог благословит тебя и твой путь будет безопасен. – Виллоу поцеловала мать в губы и затем быстро отвернулась, прежде чем Скай успела заметить ее слезы. Она теперь хорошо знала, что чувствовала мать при расставании с детьми и почему. «Я никогда не буду так уязвима, когда вырасту», – подумала Виллоу с детским оптимизмом.

Леди Сесили и Скай обнялись, и пожилая женщина не стала скрывать своих чувств. По ее пухлым щекам текли крупные слезы, и она шарила рукой в поисках носового платка.

– Мне будет не хватать вас, дорогая, – сказала она, – но я позабочусь о Виллоу, Скай. Я обещаю.

– Я знаю, что вы любите Виллоу, – ответила Скай. – Что бы мы делали без вас, леди Сесили? Вы с самого начала были мне как мать и бабушка Виллоу. Мне тоже будет не хватать вас!

Она обняла даму, успокаивая ее:

– Вы должны приехать вместе с Виллоу, когда Робби повезет ее в Бомон де Жаспр. Эдмон сказал мне, что это прекрасная страна, полная цветов и солнца.

– Да, – промолвила леди Сесили, шмыгнув еще раз носом, – я никогда не путешествовала, никогда не покидала Англию. Господь благословил, я была только в Плимуте и Лондоне. Но похоже, что я поеду с Виллоу. Я еще не так стара, чтобы новое страшило меня!

Скай еще раз обняла старушку:

– Тогда приезжайте с Виллоу!

– Мы опаздываем, Скай, – напомнил Робби.

Две женщины обнялись в последний раз, и затем Скай снова поймала дочь в объятия.

– Веди себя хорошо, любовь моя, – сказала она, и, отпустив Виллоу, Скай почти выбежала в дверь.

Они спешили сквозь сады Гринвуда к пристани, где ожидала их баржа. Сияние дня даже в его второй половине нисколько не уменьшилось. Воздух был напоен ароматом цветущих деревьев, и кое-где цветы начали опадать, и их лепестки плыли по реке, как кусочки розового и белого шелка. Скай оглянулась, и вдруг слезы хлынули из ее глаз так, что она утратила зрение. Она повернулась и взошла на баржу. Здесь было легче – здесь было столько поводов для воспоминаний. Воспоминаний о первом путешествии в Лондон, о Джеффри, об их влюбленности, о доме Линмутов, что стоял справа от Гринвуда, о Найле, о рождении Робина прямо на реке, на этой самой барже. Так она себя еще не чувствовала с самого бегства из Алжира. У нее было чувство, что за ней плотно захлопывается какая-то дверь, а впереди раскрылась новая дверь, зовущая в неведомое. Неведомое и пугало ее.

В это время на реке было мало судов. Дневные дела закончились, а для вечерних развлечений время еще не настало. Лодочники, отталкиваясь шестами, передвигаясь по реке, выкликали потенциальных клиентов для перевозки от одной пристани к другой. Они вошли в акваторию, и штурман Скай искусно маневрировал, ведя баржу через скопление торговых судов и галеонов, ждущих разгрузки или отплытия. Сердце ее забилося чаще, когда она увидела стоящих рядом «Чайку» и «Русалку».

– Королева придала нам сильное сопровождение, правда, Робби? – спросила Скай.

– Да, девочка. В сумме у нас будет десять кораблей. Эскорт возглавляет молодой дворянин из Девона по имени Фрэнсис Дрейк. Это опытный моряк, и не приведи Господи пиратам атаковать нас – более яростного бойца я еще не встречал. Если он не подведет себя под пулю или виселицу, со временем станет знаменит, вот попомни мои слова.

Речная баржа стукнулась о борт «Чайки», и Скай, поднявшись, позвала:

– Эй, на «Чайке», где вы, Мак-Гвайр, Келли? Я поднимаюсь на борт!

Она ухватила за веревочную лестницу, свисающую с борта, и взобралась на главную палубу судна. Перебравшись через поручни, она взглянула вниз на баржу.

– Плыви на свое судно, Робби. Сейчас нет времени для визитов, отлив вот-вот кончится.

– Ага, девочка, встретимся позже, – отвечал он, и баржа начала пересекать пространство, разделяющее корабли.

– Вот и вы наконец, Скай О’Малли! – Перед ней стоял на крепких ногах моряка Шон Мак-Гвайр.

– Добрый день, Мак-Гвайр, – сказала Скай, – спасибо, что привели за мной «Чайку».

– Вы были столь любезны, что взяли на борт еще одного капитана, – упрекнул он ее.

– Брэн Келли просто лишний член экипажа, Мак-Гвайр. Он так же расстроен этим, как и вы. Я оторвала его от своей команды, чтобы он плыл со мной на «Чайке». Бомон де Жаспр – это чужая для меня земля, и я хочу быть окружена своими людьми. Вы должны понять.

– Да, – неохотно сдался он, – не знаю уж, зачем вам уезжать и выходить замуж за какого-то иностранца, миссис Скай.

– Я заключила сделку с королевой, Мак-Гвайр.

– Это не наша королева.

Скай раздраженно выдохнула:

– У Ирландии нет королевы, Мак-Гвайр! И нет короля. Есть только тысяча лордиков, тысяча петухов, каждый на своей навозной куче и кричащий свое «кукареку». Знаете, что означает это «кукареку», Мак-Гвайр? Это песня свободы от Англии и англичан. Но никто из этих петухов не поступится своими правами ради другого для того, чтобы объединиться под властью одного ирландского короля, чтобы изгнать англичан с нашей родины и жить под его правлением. Нет, мой друг, они поют, они опьянены этой песней, они оплакивают прежние добрые времена, но они не производят ничего, кроме вдов и сирот. Удивительно ли, что англичане угнетают нас?

А раз это так, то я имею право прежде всего подумать о себе. Англия правит Ирландией, и я не отдам земли Бурков ради какой-то идеи. Цена защиты королевы – моя свадьба с герцогом, и я выйду за него! Я выйду за него, иначе Найл и старый Мак-Уилльям встанут из своих могил, чтобы поразить меня за то, что утрачены земли, за которые Бурки сражались и умирали на протяжении тысячи лет. Вот, не в меру любопытный старик, я в последний раз говорила об этом!

Он усмехнулся, достал из кармана трубочку и зажег ее:

– Не надо так горячиться, Скай О’Малли. Я ведь помню вас еще с тех времен, когда вы носили передничек и ползали на четвереньках по палубе папиного – да упокоит Господь его душу! – корабля.

– Отходим мы на отливе или нет? – вдруг спросила она, стараясь сохранить лицо. Давно бы пора старому Мак-Гвайру на покой, но она знала, что он умрет на борту своего корабля, как и ее отец.

– Если бы вы не были столь озабочены разговорами, то давно заметили бы, что якорь уже поднят и мы плывем. – Он ухмыльнулся, видя ее разочарование. – Вы найдете эту прелестную штучку, вашу камеристку, а также и маленького иностранного лорда в вашей каюте.

– А где Келли?

– Спит. Мы договорились, что я управляю кораблем днем, а он – ночью.

Она кивнула:

– Мудрое решение, учитывая, что мы должны обойти французов, испанцев, да еще и пиратов.

– Мы прибудем туда целыми и невредимыми, миссис Скай, – сказал он, уютно попыхивая трубочкой.

К вечеру они обогнули Маргейт-Хед и вышли в Дуврский пролив. Утром они были в Ла-Манше, где дул легкий, но постоянный бриз, и весенний дождь и туман прикрыли их от обнаружения иностранными судами. Через несколько дней развиднелось, и они быстро проскочили Бискайский залив. Они были слишком далеко в море, чтобы каботажные суда могли приблизиться к ним. Обогнув мыс Финистерре, они вышли в Атлантический океан. Погода была отличная, и Скай вспомнила о своем первом путешествии в Средиземноморье. Десять лет прошло с тех пор. Неужели десять? Она смотрела на темно-голубое море, над которым круто поднимались красно-коричневые скалы мыса Святого Винсента. Халид. Джеффри. Найл. Она покачала головой: все прошло. Она осуждена на одиночество. Может быть, герцог принесет ей удачу?

«Чайка», «Русалка» и эскорт вошли через Гибралтарский пролив в Средиземное море и повернули на север, устремившись к Бомон де Жаспру. Они уже несколько раз встречали другие суда, но сам вид эскорта отпугивал возможных врагов. По мере приближения к Бомон де Жаспру Скай даже начала мечтать о столкновении с пиратами – да обо всем, что могло отсрочить неизбежное: ее брак с незнакомцем.

– Мы бросим якорь в Вилларозе через полчаса, миссис Скай, – доложил Брэн Келли, появляясь в салоне, где она писала письмо Виллоу, подробно описывая свое путешествие.

– Спасибо, Брэн, – ответила она и повернулась к человеку, сидевшему в другом конце комнаты: – Ну, Эдмон, значит, я доставила вас домой целым и невредимым, разве нет?

– Должен признаться, не люблю морских путешествий, – ответил он, – но это было великолепным, Скай. Правда, если бы мы пересекли Ла-Манш и проехали через Францию, оно закончилось бы раньше.

– Да, если бы французы разрешили посланникам Елизаветы Тюдор беспрепятственно проезжать по их дорогам и останавливаться в их гостиницах. Разрешили бы они, Эдмон?

Он хмыкнул и спрыгнул с сиденья у окна.

– Встаньте, Скай, я хочу посмотреть на вас.

Закончив письмо, она отложила его в сторону и встала. На ней было роскошное платье из тонкого лилового шелка в итальянском стиле. Юбка пышная, на нескольких накрахмаленных нижних юбках, расшитых серебряной нитью и розовым бисером узорами в виде бабочек и цветов. Пышные рукава доходили до локтей и там кончались разрезами, открывающими лиловую и серебристую подкладку. Вырез был глубоким и прикрыт шелковым лиловым платочком – из скромности. На шее роскошное ожерелье из небольших жемчужин и аметистов, оправленных в золото, а в ушах были серьги в виде свисавших с аметистовых стержней жемчужин. Волосы расчесаны на пробор и собраны в пышный шиньон, украшенный розовыми шелковыми пармскими фиалками и белыми розочками, оставляя на виду маленькие ушки.

– Вы невероятно прекрасны, – тихо сказал Эдмон де Бомон. – Может ли мой дядя не полюбить вас, Скай? Вы просто воплощение любви!

– Вы так изысканны в своих комплиментах, Эдмон. Вспомните, вы говорили мне, что ваш дядя очень строг. Возможно, я скорее шокирую его, чем понравлюсь. Именно поэтому я и не любила брачных сговоров. Мой первый брак был сговором, совершившимся, пока я еще была в колыбели, и с самого начала оказался катастрофой. Людям лучше узнать друг друга перед браком. И все же теперь я старше, чем была, выходя замуж впервые, да и ваш дядя видел в жизни немало горя. Возможно, нам удастся утешить друг друга, и эта сделка принесет счастье.

– Я думаю, так оно и будет, – убежденно произнес он, – будьте терпеливы с ним, Скай. Если кто и сможет сладить с ним, так это вы.

«Странное замечание», – подумала она и уже хотела было расспросить его подробнее на этот счет, но в салон уже вошел капитан Мак-Гвайр и объявил:

– Мы прибыли, и на причале стоит чертовски затейливая карета, подозреваю, это ваш суженый. Вероятно, он поднимется на борт сразу после того, как мы пришвартуемся.

Она была в панике:

– Где Робби? Я должна поговорить с Робби еще до того, как покину судно!

– Полегче, девочка, – успокоил ее Мак-Гвайр, – я немедленно просигнализирую на «Русалку». Вы так нервозны, словно девственница перед брачным ложем.

– Мак-Гвайр! – воскликнула Скай в ярости. Старый моряк хмыкнул и, повернувшись, вышел из салона.

– Не следует бояться, Скай, – сказал Эдмон де Бомон. – Мой дядя – добрейший из смертных. Вам нечего опасаться.

Она глубоко вздохнула, успокаиваясь.

– Не знаю, что на меня нашло, – сказала она. – Я действительно веду себя как девчонка.

– Я сойду на берег, – сказал Эдмон де Бомон, – и встречу дядю. Затем я приведу его сюда и представлю вас. Будет гораздо лучше, если первый раз вы встретитесь приватно, а не на пристани или во дворце. – Он улыбнулся ей и поспешил из салона, семеня своими коротенькими ножками.

Она осталась одна. «Насколько?» – подумала она. Через несколько минут через порог может переступить он, и она потеряет свободу. Она не тешила себя иллюзиями, что этот брак будет таким же, как и предыдущие. Лорд Берли поклялся, что герцог подпишет контракт,

согласно которому она останется независимой, но ведь он клялся и в том, что герцог стар и болен, а это опроверг его племянник. Эдмон уже подписал соответствующие контракты в Англии, но Фаброн де Бомон должен ратифицировать их. Ей следует настоять на том, чтобы он сделал это до свадьбы! Это единственный выход. После всего случившегося за эти годы она не может позволить себе оказаться в полной зависимости от кого-либо. Достаточно того, что она выходит замуж за чужеземца.

Дверь в салон отворилась, и в нем появился Робби.

– Неплохое местечко, Скай, – сказал он.

Она кивнула.

– Мак-Гвайр просигналил, что ты хочешь меня видеть.

– Ты не бросишь меня, Робби? – с тревогой спросила она.

– Конечно, нет, Скай. Ты моя девочка. Я буду рядом всегда, когда это понадобится. – Он подошел к ней и взял ее руки в свои. Несмотря на жару, они были холодными. – Он полюбит тебя, и, может быть, ты полюбишь его.

– Не знаю, почему я так нервничаю? Я взрослая женщина, у меня было четыре брака, и я мать шестерых детей. – Она крутанулась на месте, и ее платье обвилось вокруг нее. – Черт побери! Что со мной?

– Ничего, – сказал он. – Ничего, что не могло бы быть улажено после твоей встречи с герцогом и более близкого знакомства с ним.

– Времени почти не осталось. Мы должны пожениться немедленно, таково условие, сказал Эдмон. Но ты должен быть рядом. Я не выйду замуж за этого человека, пока он не подпишет брачный контракт, в котором будет зафиксирована моя собственность. Я даже не сойду с «Чайки» на берег, пока он не подпишет этот контракт. Ты можешь помочь мне?

– Я улажу все это, дорогая, – сказал он. – Предоставь это мне. Эти средиземноморцы – совсем другие, чем мы, англичане.

– О да, Робби, сделай это для меня!

В дверь салона постучали, Скай замерла, но Робби громко сказал:

– Войдите!

Дверь распахнулась, и вошел Эдмон де Бомон, сопровождаемый другим джентльменом. Миндалевидные глаза Фаброна де Бомона слегка расширились, но больше никаких признаков эмоций он не проявил, даже не улыбнулся. Он в точности соответствовал описанию Эдмона: аристократ среднего роста, с черными горящими глазами и коротко стриженными черными курчавыми волосами. Отсутствие в его глазах всякого выражения встревожило Скай, но вполне возможно, что он волновался не менее ее. Если Эдмон и искажил что-либо в описании своего дяди, то он только смягчил черты лица герцога: у него был длинный узкий нос, большой рот с тонкими губами и квадратная челюсть. Некоторое время в салоне царила тишина, затем заговорил Эдмон:

– Леди Бурк, могу ли представить вам моего дядю, герцога де Бомон де Жаспр.

Скай вежливо сделала реверанс.

– Дядя Фаброн, разрешите представить вам леди Бурк, вашу суженую.

– Добро пожаловать в Бомон де Жаспр, мадам, – сказал герцог низким, но музыкальным голосом.

– Благодарю вас, монсеньор, – ответила она.

– Дядя, это – сэр Роберт Смолл, деловой партнер леди Бурк.

Фаброн де Бомон элегантным движением поднял бровь.

– Мой племянник писал мне, что вы занимаетесь коммерцией, мадам. Верно ли это?

– Да, монсеньор. – Скай взглянула на Робби.

Кашлянув, тот сказал:

– Существует проблема ратификации брачного контракта, монсеньор герцог.

– Сначала я должен прочесть его, – ответил тот.

– Тогда я принесу его, – спокойно сказал Робби. – Королева воспретила леди Бурк покидать корабль, пока контракт не будет подписан вами. До тех пор она должна оставаться на, собственно говоря, английской территории.

– Но свадебная церемония назначена на сегодняшний вечер, – возразил герцог.

– В этом контракте нет ничего необычного, монсеньор герцог. Леди Бурк передает вам чрезвычайно богатое приданое, однако контракт оставляет за ней право на собственное состояние и управление ее землями и землями ее детей.

– Но это выходит за всякие рамки!

– Тем не менее, монсеньор герцог, именно так составлен контракт. Англичанки более свободны, нежели другие женщины, видимо, поэтому вы и пожелали взять в жены придворную даму Елизаветы Тюдор. – Роберт улыбнулся герцогу откровенной мужской улыбкой. – Ваш племянник не увидел в требованиях леди Бурк ничего необычного, когда лорд Берли изложил их ему. Он подписал бумаги, полагая, что вы полностью одобрите его действия. Приданое же леди Бурк и в самом деле очень богато.

– Полагаете ли вы, мадам, что сможете управлять своим состоянием? – Герцог пристально смотрел на Скай.

– Я привыкла управляться с этим сама, монсеньор, после смерти моего отца. Он назначил именно меня управлять его флотом и состоянием до тех пор, пока не подрастут мои братья. Но и сейчас в соответствии с их пожеланием я стою во главе своего клана.

– А чем еще вы управляете, мадам?

– Поместьями моего младшего сына, графа Линмутского, и старшего сына, Эвана О’Флахерти, хотя через два года он уже вступит в права наследия. А также поместьями моего младшего сына, Патрика, в Ирландии, и состоянием моей дочери Виллоу, унаследованным ею от отца, моего второго мужа. Кроме того, я обладаю собственным состоянием, монсеньор, вложенным в коммерческие предприятия, которыми я владею совместно с моим партнером сэром Робертом.

– Похоже, на ваших прекрасных плечах лежит тяжелое бремя, мадам, – заметил он.

– И тем не менее я справляюсь, монсеньор, – ответила она.

– Первейший долг женщины – родить мужу детей и воспитать их.

– В этом отношении вы не найдете у меня недостатков, монсеньор. Я рожала детей всем мужьям – пятерых сыновей, из которых живы четверо, и двух дочерей.

Он кивнул:

– И очевидно, вы откажетесь выйти за меня замуж, если я не подпишу и не ратифицирую этот брачный контракт?

– Да, монсеньор, откажусь, – ответила Скай, слегка приподнимая подбородок, произнося эти слова.

– Я вижу, вы женщина с сильным характером, – заметил герцог, – но это хорошая черта, если женщина передает ее своим сыновьям. Я верю, что вы так и поступите, мадам. – Тон его голоса имел легкий оттенок радостного изумления.

– Постараюсь, – ответила Скай серьезным тоном.

– Тогда ничего не остается, как подписать контракт, – заметил он, беря у Робби бумаги. Эдмон де Бомон поспешил передать ему перо со стола Скай, и герцог быстро расписался в надлежащем месте.

Затем подошла Скай и поставила ниже свою подпись. Она не стала подписывать контракт в Англии, мотивируя это тем, что ее подпись должна появиться там после подписи герцога.

– Вы подписались как Скай О’Малли, мадам, – заметил герцог.

– Мне проще использовать мою девичью фамилию, монсеньор. У меня было четверо мужей, и если добавлять все их имена к моей фамилии, то из них можно будет составить еще

один документ. – Она бросила на него взгляд своих прекрасных голубых глаз, и герцог позволил себе слегка улыбнуться.

– Теперь, когда с формальностями покончено, мадам, позвольте мне эскортировать вас к вашему новому дому. – Он протянул ей руку, и после некоторого колебания она вложила свою ладонь в его. Его пожатие было крепким. – Я решил, что брачная церемония состоится немедленно, – говорил он по дороге с корабля в экипаж. Она нервно осматривалась, следует ли за ними Роберт. Заметив это, он спросил: – Уж не боитесь ли вы меня, мадам? Ваши глаза постоянно пребывают в поисках месье Роберта.

– Я еще никогда не выходила замуж за незнакомца, – тихо ответила она.

Он кивнул:

– Вы действительно находитесь в трудном положении, мадам. Но я никогда не женился на женщине, которую бы знал. Это не важно, мадам. Как и вы, они приезжали ко мне только с одной целью – обеспечить мне наследников. Пастор Лишо говорит, что в Библии написано: «Нашедший жену, обрел вещь добрую, и благо ему от Господа». Также и в псалмах Давида сказано: «Дети есть наследие Господа, и плод утробы его награда. Подобно стрелам в руке сильного мужа, таковы дети юности. Счастлив человек, у которого их полон колчан: он не будет посрамлен». Я же посрамлен, мадам: у меня всего один живой ребенок, слюнтявый идиот, который в пять лет едва может держать голову. Все остальные мои дети умирали либо в утробе матерей, либо сразу после родов. Мне нужны дети! Мне нужны наследники!

– Но у вас есть прекрасный наследник в лице вашего племянника, монсеньор, – сказала Скай.

– Да. Эдмон прекрасный человек. Но он не станет жениться из-за страха произвести подобных ему потомков, да и можно ли представить нормальную девушку, пожелавшую бы иметь такого монстра в качестве мужа?

Если я умру бездетным, французы захватят мое герцогство, и Бомон де Жаспр перестанет существовать. Герцоги Бомон де Жаспр возводят свой род ко временам Карла Великого. Вот почему я решил жениться еще раз и попросил королеву Англии прислать мне благородную даму, так как необходимо обновить кровь рода. В конце концов, получение потомства – первейшая цель брака.

– Так учит нас святейшая церковь, – ответила Скай.

– Вы принадлежите старой церкви? – спросил он. – Я полагал, что вы принадлежите новой вере, распространенной при дворе Тюдоров.

– Я не англичанка, монсеньор, я ирландка и принадлежу истинной церкви. Однако королева терпимо относится ко всем вероисповеданиям. Я уверена, что королева послала именно меня в расчете на то, что вы также принадлежите к истинной вере.

– Я был рожден в старой вере, – сказал он.

– Ваш племянник ничего не говорил мне о смене ваших религиозных убеждений, – заметила Скай.

– Когда он покинул Бомон де Жаспр, я еще принадлежал старой вере, хотя я уже заинтересовался учением пастора Андре Лишо. И пока Эдмон странствовал, я убедился в правильности его учения и перешел в его веру. И вы также обратитесь в нее после соответствующего наставления.

– А ваш народ тоже обратился к учению вашего пастора Лишо, монсеньор?

Он пожал плечами:

– Они упорствуют в приверженности старой вере. А это плохо! Я уже изгнал их священников и сорвал этих раскрашенных позолоченных идолов, в почитании которых они упорствуют. Пока еще они сопротивляются, но я пересилю их, ибо я их повелитель и владыка!

Сквозь окно отъезжающей от пристани кареты Скай могла видеть Эдмона и Робби, сопровождающих ее верхом. Она с облегчением вздохнула: ее несколько испугало то, что герцог не только законченный гугенот, но еще и фанатик.

– Не лучше ли, монсеньор, чтобы люди верили во что-то, чем ни во что? Пока души вашего народа привержены Господу и богобоязненны, не все ли равно, как именно почитают они Его? – спросила она.

– Да! – Он пристально посмотрел на нее. – Вы прекрасны, мадам, но вы только женщина. Разве способны вы понять это?

– Все мои предыдущие мужья, монсеньор, считали меня довольно понятливой. Если я и не пойму чего-либо, как вы удостоверитесь в этом, не испытав меня? – Она слегка улыбнулась, чтобы поощрить его. Она полагала, что для успеха их союза необходимо с самого начала наладить доверительные отношения.

Он наклонился вперед и начал рассказывать:

– Католическая церковь исполнилась скверны, мадам, она более не служит интересам своей паствы. Католики продают индульгенции и отпущения грехов! Они сосредоточили в своих руках гигантские имения! Они занимаются торговлей и выступают в качестве покровителей никчемных художников! Они столь же развратны и злокозненны, как худшие представители рода человеческого! Они утратили видение Господа.

Пастор Лишо некогда был одним из них. Но ему было даровано видение Света, и ныне он стремится принести его людям. Пока мой народ не прислушивается к нему, но в конце концов ему придется сделать это. Единственный путь избежать адского огня и проклятия – это жить скромно, молиться и обходить многочисленные ловушки греха, которыми мы окружили себя!

Скай была поражена этой вспышкой красноречия, но от последующих слов ее пробрал холодок:

– Вы должны присоединиться ко мне в моих начинаниях. Я приказываю вам это как ваш муж! И лишь когда оба мы освободимся от греха, лишь тогда Господь наградит нас детьми, которых я так страстно желаю.

Этого она никак не ожидала и не думала, что даже лорд Берли, сам протестант, знал об обращении герцога. Этот человек был явно психически неустойчив, и никакого надежного союзника в его лице Англия приобрести не могла. Ее принесли в жертву сумасшедшему!

– Вы молчите, мадам?!

Она заговорила, стараясь как можно тщательнее подбирать слова:

– Я всего лишь дочь единственной истинной церкви, монсеньор. Мой дядя – епископ. Я изучала писания Мартина Лютера, но предпочитаю свою изначальную веру, хотя и более терпима, чем мои братья во Христе. У меня есть друзья, избравшие новую веру, и если они довольны этим – то я рада за них, но сама обратиться я не могу.

– Ваше платье слишком нескромно, – заметил он, игнорируя ее слова. – У всех ваших платьев столь глубокий вырез?

– Это всего лишь мода, монсеньор.

– После сегодняшнего дня вы не будете носить такой одежды. Она слишком соблазняет и влечет людей ко греху. Я пошлю к вам завтра дворцовую портниху. Необходимо срочно поменять ваш гардероб.

– Я предпочитаю собственные платья, монсеньор, – резко сказала Скай. – Независимо от моды, я всегда была верной женой и не испытывала свои чары на других мужчинах.

– Вы отказываетесь повиноваться мне, мадам? – Он смотрел на нее угрожающе.

– Нет, монсеньор, просто стараюсь поправить вас в той области, которая не находится в сфере вашей компетенции.

– Но зрелище такой красоты слишком волнует, мадам!

– Я не афиширую свои достоинства, и если вы взволнованы, то это ваш грех, монсеньор, а не мой.

– Вы правы, – прошептал он, несомненно, пораженный ее правотой, и снова углубился в себя.

Скай взглянула в окно кареты, за которым проплывал пляж маленькой Вилларозы. Разговор с герцогом сильно встревожил ее. Очевидно, он не обладал достаточно сильным характером, чтобы не поддаться влиянию пастора Лишо за период отсутствия своего племянника. Но люди по крайней мере не поддались его попыткам отторгнуть их от истинной церкви. «Он думает, что изгнал священников, – подумала Скай, – но могу биться об заклад, что они еще здесь. И мне нужно разыскать хотя бы одного». В окне появился город, и Скай впиалась в него жадным взором.

Это был прекрасный город. Стены домов выкрашены розовым, а крыши выложены красной черепицей, что порадовало Скай. Повсюду – в садах, на подоконниках, балконах – росли цветы, а довольно широкие улицы вымощены булыжником.

– Почему дома розовые? – спросила она герцога.

– Это любимый цвет моих предков. Виллароза была розовой уже триста лет назад. – Он снова замолк, а Скай отвернулась к окну.

То и дело встречались небольшие скверы с фонтанчиками, выстреливавшими кристальные струи в горячий дневной воздух. Меж домов и фонтанов бегали и играли здоровые, хорошо одетые и сытые дети. Да, герцогство Бомон де Жаспр было, несомненно, счастливой и процветающей страной, решила Скай, когда они проезжали мимо ломящихся от товара торговых рядов и маленьких рынков. Все было так, как описывал ей Эдмон, за исключением одного: герцога. Следует ли ей выходить замуж за этого фанатичного, нервного мужчину? Но другого выхода у нее не было.

После долгого подъема по уличным мостовым карета подъехала к замку, венчающему холм, господствующий над морем. Подобно домам, замок был розовым, а его башни покрыты розовой черепицей. Широкий крепостной ров, окружающий замок, был наполнен плавающими на воде розовыми и белыми лилиями. Экипаж прогремел по опущенному мосту и въехал в замковый двор, еще более очаровавший Скай: в его центре был розовый бассейн, окруженный цветущими клумбами. В середине находился фонтан, увенчанный бронзовым амуром на дельфине, из открытой пасти которого била прозрачная струя воды.

– О, как прекрасно! – воскликнула она, хлопнув в ладоши от восторга.

– Я рад, что вам понравилось, – ответил герцог. Напряженность спала, и она почувствовала себя рядом с ним более непринужденно.

Экипаж остановился, и фореитор поспешил помочь им выйти. Эдмон и Робби слезли со своих лошадей. Они подбежали к карете как раз в момент выхода Скай.

– Ну, – спросил Эдмон, – что вы думаете о Бомон де Жаспре, *cherie*?

– О, он прекрасен, Эдмон, – сказала она, но Робби заметил деланность ее тона и отвел ее в сторону от герцога.

– В чем дело?

– Он гугенот, Робби, новообращенный пастором Лишо, и при этом законченный фанатик. Он заявил, что изгнал католических священников, и требует, чтобы я сменила свой гардероб на более скромный. – Говоря это, Скай не знала, смеяться ей или плакать.

– Черт побери! – Хотя Робби и принадлежал к англиканской церкви, он был достаточно веротерпим.

– Идемте, мадам! – К ним подошел герцог. – Вам необходимо привести себя в порядок и отдохнуть перед брачной церемонией. Вам хватит получаса?

– Так скоро? Но не могли бы мы подождать хотя бы несколько дней, монсеньор, чтобы получше узнать друг друга?

– Вы готовы принять мужчину сегодня, мадам? – прямо спросил герцог.

Она покраснела от его неделикатности, но прошептала:

– Да.

– Тогда нам нечего ждать. Вы знаете мое отношение к этой проблеме, мы достаточно полно обсудили ее по дороге. – Он взял ее за руку. – Идемте. Месье Роберта Смолла и Эдмона вы увидите на церемонии.

Не оставалось ничего другого, как следовать за ним, хотя она расслышала, как Робби что-то пробурчал в знак протеста. Она не решилась повернуться и позволила герцогу вести ее в замок.

– Ваша служанка должна уже быть здесь, мадам, – сказал он, когда они проходили парадную залу. Стены замка были увешаны лазурными, голубыми и пурпурными знаменами, и среди них были, как заметила Скай, очень древние. Ей пришлось почти бежать за ним, так как он шагнул через две ступеньки по широкой лестнице, окаймленной великолепными резными перилами. Затем по галерее с окнами, выходящими на залитый светом двор, они спустились вниз и остановились перед двумя дверями в форме перевернутых «U». Герцог постучал. За открывшейся дверью оказалась Дейзи.

– Добро пожаловать, моя госпожа и господин, – сказала Дейзи.

– Ваша служанка не говорит по-французски? – спросил герцог.

– Это простая английская девушка, монсеньор, но как служанка она незаменима. Она уже много лет со мной. – Скай повернулась к Дейзи и сказала: – Дейзи, это герцог.

Затем она обратилась к герцогу, на этот раз по-французски:

– Монсеньор, это моя служанка Дейзи, которую на вашем языке можно называть Маргаритой.

Дейзи сделала реверанс и улыбнулась шербатым ртом. Герцог едва заметно кивнул.

– Я вернусь за вами через несколько минут, – сказал он. – Вы будете прекрасны в костюме невесты, мадам. И так как вы прекрасны и я верю, что вы не имеете в виду ничего дурного, то постараюсь быть мягче с вами, учитывая ваше несколько вызывающее и независимое поведение. – Он сделал легкий поклон и оставил Скай стоять в полном недоумении.

Дейзи втянула госпожу в комнату.

– Идите, госпожа! Да благословит меня Бог, как здесь красиво! Никогда не видела таких цветов! А город, правда прелестный, такой розовый? – Дейзи была полна восторга. – Может, жить здесь вовсе и не плохо.

– Нет ли тут воды, Дейзи? Я должна освежиться перед возвращением герцога. Мы должны тотчас же ехать в церковь.

– О! – Глаза Дейзи округлились. – Он так торопится? – Она хихикнула от восторга. – А он недурен, госпожа. Если бы он еще улыбался, он был бы просто прелесть. Но вы скоро заставите его улыбнуться. – Она поспешила за водой.

Скай осмотрелась. Это была квадратная комната с бледно-серыми каменными стенами. В каждой стене было по камину, и их невероятно узкие полки поддерживались золочеными мраморными львами с зелеными яшмовыми глазами. Стены были задрапированы изысканными шелковыми гобеленами с изображениями рыцарей, прекрасных дев и драконов. Гобелены были такой прекрасной выделки, что Скай подумала, не приложила ли к ним руку какая-либо из герцогинь де Бомон. И любила ли эта герцогиня своего мужа?

Окон не было. В центре комнаты находился длинный дубовый стол с серебряной чашей, в которой стояли розы персикового цвета, аромат которых и наполнял комнату. Остальная обстановка состояла из нескольких резных стульев с прямыми спинками и бархатными сиденьями, расположенных в наиболее удобных местах. Напротив была еще одна дверь, и еще та, в которой исчезла Дейзи, рядом с одним из каминов. Дейзи появилась снова, неся золотую ванночку.

– О, госпожа, пройдите через другую дверь в вашу спальню.

Скай прошла в спальню.

– Извини, Дейзи, я просто замечталась.

Дейзи вбежала в комнату вслед за госпожой.

– Почему бы и нет? – сказала она. – Ведь вы выходите замуж, и в таком роскошном месте!

Скай оглядела спальню. Она располагалась в башне и была круглой. Прямо перед Скай находились узкие окна, доходившие до пола и открывавшиеся на балкон. За ними виднелось море. Слева стояла огромная резная кровать, застланная зеленым бархатом. Напротив – небольшой камин. Около кровати была лишь одна подставка с золотым подсвечником, с изящной тоненькой свечкой из пчелиного воска. Кроме того, у камина стоял стульчик с низкой спинкой и гобеленовым сиденьем.

– Не слишком-то просторно для помещения герцогини, – заметила она.

– Комнаты герцога за дверью, госпожа. Видите маленькую дверку за кроватью? Она ведет прямо к нему. Кроме того, есть гардеробная в прихожей.

Дейзи подставила ванночку, и Скай быстро ополоснула руки и лицо. Вода была надушена любимым Скай розовым ароматом. Скай вела себя чересчур спокойно, и Дейзи не преминула заметить:

– Не думала, что после всего пережитого вы способны на предсвадебную нервозность.

Скай слабо улыбнулась:

– В этот раз все по-другому, Дейзи. Я не знаю герцога, и наш разговор в карете не развеял мои сомнения. Он гугенот и при этом фанатик. Ему отчаянно нужны дети. Но не знаю, смогу ли я родить их ему. Он меня немного пугает.

Дейзи пристально посмотрела на свою госпожу:

– Вы ведь принимаете это снадобье, что дала вам сестра Эйбхлин?

Скай кивнула:

– Я буду пить его до тех пор, пока мы с герцогом не придем к какому-либо согласию. Я не собираюсь быть его племенной кобылой, навсегда запертой в этом сказочном замке. – Она взяла у Дейзи кремовое льняное полотенце и вытерла руки и лицо. Затем, подумав, сняла с выреза платья прикрывавший его платок – в знак протеста.

Они услышали стук в дверь прихожей, и Дейзи поспешила открыть ее. Вбежал Эдмон де Бомон, его лицо было искажено от волнения.

– Я не знал, – начал он, – суди меня Бог, я не знал, что он стал гугенотом. Я даже не подозревал, что он думает об этом. Проклятый Лишо! Он ждал, пока я уеду, и тогда, как эдемский змей, прокрался в доверие к дяде. Боже, это дьявол!

– Ваш дядя сказал, что изгнал из Бомон де Жаспра священников. Это правда?

– Он так думает, но отец Анри уже навестил меня. Это наш семейный священник. Он сказал, что понимает, в каком трудном положении вы, как племянница епископа, оказались, но вам не следует опасаться за вашу бессмертную душу. Он дает вам отпущение грехов на случай женитьбы с герцогом по протестантскому обряду в надежде, что в конце концов вы преодолеете влияние этого Лишо и вернете дядю в истинную церковь.

Скай кивнула, но ситуация показалась ей занимательной. Религия для нее была частным делом, хотя она и была воспитана в католической вере. Второй муж женился на ней по мусульманскому обряду, третий – по англиканскому. Но обоих их она любила – в этом было отличие от сегодняшнего брака. Ей не нравилось, что герцог приказывает ей. Если его вера такова, то лучше она как репейник прилепится к своей вере и исполнит чаяния местного священника. Это не повредит ее репутации, а если она сумеет отвратить герцога от его заблуждений, то в конце концов научится и заботиться о нем. За его суровой внешностью она заметила проблески чувства юмора. «Интересно, как он выглядит, когда улыбается?» – подумала она.

В дверь снова постучали, и на этот раз вошел герцог. Он нес огромный букет, составленный из нежных цветков апельсина, белых фрезий и маленьких нераспустившихся бутонов белых роз, перевязанных лиловой шелковой лентой. С элегантным поклоном он вручил ей цветы.

– Это для вас, мадам. Пастор Лишо говорит, что подобные вещи – дьявольское наущение, но я полагаю, что женщины любят эту мишуру, особенно в день свадьбы. – Он протянул ей руку, и, приседая в реверансе, она приняла ее.

– Позвольте ли вы Дейзи присутствовать на церемонии, монсеньор? Для нас обеих это очень важное событие.

– Разумеется! – Он был доволен, что она спросила его разрешения по этому поводу.

Герцог повел всех в семейную капеллу, где их уже ждали Робби, Шон Мак-Гвайр и Брэн Келли. Когда они вошли, в капеллу, отдуваясь, вбежал и Эдмон де Бомон.

– Что случилось? – вдруг вскричал он. – Дядя, где гобелены? Где все великолепные алтарные покрывала? Где свечи? Распятие? Картины? Где дарохранительница?

Часовня определенно выглядела пустой и неудобной: в ней остался только деревянный алтарь. Не было светильников и горящих свечей – только свет, пробивавшийся через прекрасные зеленовато-голубые с золотом витражные стекла окон, освещал ее.

– Вся эта мишура – ловушка дьявола, Эдмон. Я распорядился убрать все.

– Но куда? Тут были иконы, которым не менее тысячи лет! Они принадлежат нашему роду и церкви!

– Пастор Лишо хотел уничтожить их, но я приказал упаковать и убрать их. Мне они больше не нужны. А теперь помолчи, племянник, и не порть мне день свадьбы. – Герцог кивнул стоящему у алтаря человеку, и прислужник немедленно выбежал в алтарь, чтобы вернуться с другим мужчиной.

«Он похож на покойника», – подумала Скай. Появившийся из алтаря мужчина был худ, высок, лицо длинное, с узкими губами и странно большим носом. Глаза горели, как у фанатика. Он был весь в черном, и пряди его седых непричесанных волос забавно выбивались из-под квадратной черной шапочки. Когда он приблизился, Скай увидела, что его ногти давно не чищены. Когда он подошел еще ближе, она почувствовала ужасный запах давно немытого тела и заметила полосу грязи вокруг шеи.

– Гряди, отроковица, – возвестил он хорошо поставленным и приятным для столь непривлекательного человека голосом. Затем улыбнулся, обнажив желтые остатки зубов. Герцог улыбнулся в ответ.

– Пастор, представляю вам мою новую герцогиню, Скай. – Впервые он произнес ее имя, и она удивилась, что он запомнил его, так как все время звал ее «мадам».

Пастор Лишо хмыкнул:

– Ах, Фаброн, сын мой, она еще пока не ваша герцогиня, и только я могу сделать ее таковой!

Он снова улыбнулся. На этот раз его взор был устремлен на Скай, и она вынуждена была совладать с желанием содрогнуться, так как ей стало ясно, что этот человек мысленно раздевает ее, плотоядно облизывая губы.

– Ну, займемся этим, – быстро сказал он. – Берете ли вы эту женщину в жены, Фаброн?

– Беру, – сказал герцог.

– Берете ли вы этого мужчину в мужа, Скай? Принимаете ли вы его в качестве своего господина?

– Я беру его в мужа, – сказала Скай, и пастор пронзил ее взглядом.

– Итак, теперь вы муж и жена, – наконец неохотно объявил пастор.

Если уж Скай была поражена краткостью церемонии, то что говорить о присутствующих. Брэн Келли повернулся к Робби и тихо сказал:

– Если это брачная церемония, считайте меня мусульманином. Как вы думаете, это все вполне законно или нашу госпожу надувают?

Робби покачал головой:

– Не знаю. Предполагаю, что это вполне легально, раз здесь присутствует герцог.

– Но перед истинной церковью это незаконно! – тихим голосом сердито произнес Эдмон де Бомон, и Шон Мак-Гвайр кивнул в знак согласия. – Не знаю, что стряслось с моим дядей, – закончил Эдмон.

– Идемте, мадам. – Герцог взял ее под руку и повернулся. – По поводу нашего бракосочетания я распорядился приготовить легкий завтрак в зале.

– Дядя, вы же не вручили Скай кольцо. Где ее брачное кольцо?

– В этом нет необходимости, Эдмон. Мы соединились согласно заповедям Божиим в присутствии свидетелей. Пастор Лишо полагает, что брачные кольца – это излишне мирские и пускающие пыль в глаза излишества. Деньги, которые я потратил бы на такое кольцо, я передал пастору для раздачи бедным.

– Но разделите ли вы свое счастье с нашим народом, как это было принято, дядя? Будет ли вечернее празднество и пир для народа Бомона?

– Такое мотовство нелепо и излишне, Эдмон. Брак – это завет Божий, и если человек соблюдает закон Божий, то нет причины для лишнего торжества.

– Это еще один перл пастора Лишо! – саркастично заметил Эдмон де Бомон.

– Немедленно извинитесь, племянник!

– Никогда! Этот человек – шарлатан!

– Эдмон, – взмолилась Скай, – ради меня, пожалуйста, извинитесь! – Ей вовсе не хотелось портить и дальше этот ужасный день.

– Хорошо, *cherie*, но только ради вас, – ответил Эдмон, улыбнувшись ей. – Я сожалею о своих поспешных словах, пастор.

– И вот уже, – пропел пастор, – наша новая герцогиня источает умиротворение в лоне сего семейства. Добрый знак! – И он снова обнажил свои желтые зубы в улыбке.

Герцог возглавил процессию, прошествовавшую в парадный зал замка с высокими окнами, покрасневшими под лучами заходящего солнца. Здесь были два колоссальных камина, но ни в одном не горел огонь. Наоборот, они были украшены цветущими ветвями. За высокий стол сели герцог, Скай, Эдмон, Робби, Шон и Брэн, Дейзи же исчезла, полагая, что ей не приличествует есть вместе с госпожой. Герцог сел справа от Скай, Робби – слева, пастор – справа от герцога, а рядом с ним – Эдмон. Брэн Келли сидел на другой стороне с Робби, а слева от него – капитан Мак-Гвайр.

Немедленно слуги в лазурно-серебристых (цвета герцога) ливреях начали разливать им розоватое вино, самое популярное в Бомон де Жаспре, по словам Эдмона. В качестве первого блюда была подана грандиозная кефаль, зажаренная целиком, с глазами, на зелени, окруженная причудливо нарезанными лимонными дольками. Скай отказалась от рыбы – в предчувствии брачной ночи у нее сводило желудок. Она никогда не спала с чужаком – человеком, с которым едва познакомилась. Хотя нет! – тут же поправила она себя, и на ее губах заиграла слабая улыбка. Адам!

Она вспомнила, как впервые оказалась в постели с Адамом де Мариско. Она высадила на Ланди, чтобы завербовать его в свои ряды, предложив два процента прибыли в случае удачи. Взамен он попросил один процент и... одну ночь с ней. Она ужаснулась, но согласилась, так как нуждалась в его помощи – без нее она не могла одержать верх над Елизаветой Тюдор, нанесшей ей несмываемое оскорбление. Но Адам – это совсем другое дело. Он с самого начала развлекал и дразнил ее, и, хотя ей это было непривычно, страха она не испытывала.

Она почти с ужасом взглянула на сурового мужчину справа от нее. Он даже не поцеловал ее при завершении краткой церемонии бракосочетания и, несмотря на то что знал, как ее зовут, назвал ее по имени лишь единожды.

Слуги уже разносили каплуна под перечно-лимонным соусом, ягненка, артишоки в оливковом масле и винегрет, свежий горох и хлеб. Скай с отсутствующим видом пробовала то одно, то другое блюдо.

– Вы здоровы? – На ее руку легла рука герцога.

Скай вздрогнула и посмотрела на него. Хотя его тон был мягким, в глазах не прочитывалось никакого выражения.

– Наверное, устала, – ответила она, – путешествие было утомительным.

– Идите же и приготовьтесь, мадам, – тихо сказал он, – я скоро приду к вам.

Она кивнула и, наклонившись, сказала Робби:

– Я ухожу.

– Я не оставлю тебя, девочка. Помни, что я обещал. Завтра я начну разыскивать дом. Пошли за мной, если я буду нужен. – Он наклонился и поцеловал ее в щеку.

С печальным вздохом она поцеловала его в ответ, поднялась и вышла из зала, двигаясь как можно более непринужденно. Что за скучная свадьба, подумала она, вспоминая свои предыдущие замужества. Она легко нашла дорогу в свою спальню, где Дейзи уже приготовила ванну.

– У нас не было пресной воды несколько недель, госпожа, – сказала Дейзи. – Я думаю, вы соскучились по ванне.

– Сегодня я не могу купаться вволю, – ответила Скай.

– Ага, – согласилась Дейзи, – я приготовила для вас темно-розовое платье.

– Нет, – сказала Скай, – герцог старомоден. Лучше, если мой ночной костюм будет более скромным, пока мы не узнаем друг друга получше. Отложи розовое и достань бледно-голубое.

Скай позволила Дейзи раздеть себя и, пока ее преданная служанка меняла платье, быстро вымылась, наслаждаясь свежей водой, ароматизированной розовым маслом и розовым пенящимся мылом. Ощущение шелковистой мыльной пены на коже было почти эротическим. Слава Богу, благодаря внезапно налетевшей прошлым вечером буре с дождем она успела вымыть волосы на корабле, прежде чем они подошли к Бомон де Жаспру. С чистыми волосами она всегда чувствовала себя лучше. Ополоснувшись, она выбралась из ванны, взяла приготовленное Дейзи большое полотенце и вытерлась.

Дейзи быстро напудрила ее и накинула через голову платье, с легким свистом скользящее по гладкой коже Скай. Это было простое платье с длинными рукавами с шелковыми перевязками у запястий. У него тоже был глубокий вырез, но оно было гораздо скромнее, чем то розовое, что Дейзи приготовила сначала. Последнее творение портного облегалo пышные формы Скай, как будто было нарисовано на ней, а не скрывало их, как и положено платью.

По команде Дейзи вошли двое слуг и унесли ванну из спальни.

– Как ты умудрилась научить их? – спросила Скай, отлично зная, что девчонка не знала ни слова по-французски.

– О, госпожа, дело не в языке, а в тоне приказа и знаках рук. Не беспокойтесь обо мне, со мной все в порядке. Слова изучить нетрудно. Скоро я научусь болтать по-ихнему.

– О Дейзи! – Скай обняла девушку. – Зря, наверное, я взяла тебя с собой. Тебе и Брэну надо пожениться и создать собственную семью.

– Для этого есть еще куча времени, – резко ответила Дейзи. – Я вам пока нужна, я вижу.

Маленькая дверь по другую сторону кровати отворилась, и на пороге появился герцог в белой ночной рубашке. Дейзи сделала быстрый реверанс госпоже, а затем другой – герцогу и выбежала из комнаты.

– Вы не в постели? – сказал он. – Согласно обычаю Бомон де Жаспра, невеста должна ожидать своего мужа в брачной постели.

– Я должна была вымыться, – ответила она, – я была лишена пресной ванны несколько недель.

– Пастор Лишо говорит, что мытье – это тщеславие.

– Тогда он, несомненно, самый смиренный из смертных, – резко проговорила Скай. – Но с ним нельзя находиться в одной комнате, так от него воняет. Это отвратительно! Я никогда не считала, что грязь богоугодна.

– Пожалуй, я бы согласился с вами, мадам, – сказал он.

«Вот опять», – подумала она. Этот легкий оттенок юмора в его тоне. Он подошел к ней и очень нежно начал вынимать заколки из ее волос, что не успела сделать Дейзи. Осторожно положил заколки на каминную полку, которая, как и ее собратья в парадном зале, утопала в цветах. Ее длинные волосы распустились, и он восхищенно пробежался по ним ладонями. Скай стояла не двигаясь. Его поведение беспокоило ее, однако, несмотря на то что она ему нравилась, в нем не чувствовалось признаков страсти.

– У вас прекрасные волосы, – тихо сказал он. – Волосы женщины – ее слава. – Он повернул ее спиной к себе и, к ее удивлению, сдернул платье с ее плеч, обнажив Скай до талии. Он нежно охватил ее маленькие полные груди, лаская их. – У вас прекрасная грудь, мадам. О, какое наслаждение будет видеть, как их будут сосать наши малютки: ибо за этим Господь наградил вас ими. – Он холодно сдернул платье на пол и, взяв ее за руку, повел к постели. – Теперь, мадам, я хочу, чтобы вы легли на постель лицом вниз, – сказал он.

Она испуганно посмотрела на него. Сердце ее начало учащенно биться от ужасных воспоминаний.

– Но, монсеньор, надеюсь, вы не собираетесь любить меня по-гречески?

– Откуда вам известно, что это такое? – возмутился он, сильно схватив ее за руки. Она подумала, что утром обязательно появятся синяки. – Что за женщину послали мне англичане? Порядочная женщина ничего не знает о таких извращениях! Отвечайте мне, мадам! – Его черные глаза горели от ярости.

– Мой первый муж, – заплакала она, стараясь ослабить его хватку, – любил унижать меня, делая... делая это.

– И вам не нравилось это? – Он пристально смотрел на нее.

– Это отвратительно, – искренне ответила она.

Он ослабил хватку.

– Так оно и есть, ибо Господь запретил этот порок. Не опасайтесь, что я подвергну вас этому. Однако вы должны доверять и подчиниться мне, мадам, когда я приказываю вам лечь на постель лицом вниз, ибо я ваш господин перед Богом и людьми.

Скай была в недоумении. Он не предавался любимому пороку Дома О'Флахерти и все же приказывал ей лечь лицом вниз. Воцарилось тяжелое молчание. Стоя тут, она ничего не узнает, и он вроде бы не должен причинить ей зло. Со вздохом она легла на кровать, как он сказал.

– Передвиньтесь в центр, мадам, – последовал приказ. Она подчинилась.

Он взял ее левую руку, и она почувствовала, как он что-то надел на нее, мягкое, но крепкое. Когда она повернула голову, чтобы посмотреть, он схватил ее правую руку и привязал таким же образом к резной стойке кровати шелковой веревкой.

Скай открыла рот от изумления, но на этот раз она была в шоке.

– Монсеньор! – воскликнула она. – Что вы делаете? – Ей снова стало страшно. Она стремилась не поддаваться страху, успокоиться. Однако его действия не давали оснований для успокоения.

Теперь он раздвинул ее ноги и привязал их к другим столбикам стойки.

– Я привязываю вас к кровати, мадам. Я думал, это очевидно для вас. – Он закончил свои манипуляции и, подойдя к ее голове, вытянул из-под нее подушки. Затем, приподняв ее рукой, он подсунул подушки под живот, так что ее ягодицы выпятились вверх.

– Но зачем вы делаете это?! – Она была на грани истерики. О небо, что за извращение приготовил он ей, совершенно беззащитной? Если он убьет ее, что будет с ее детьми?

– Затем, – сказал он, тщательно заворачивая ее шелковую рубашку, обнажая ягодицы и ноги, – что я собираюсь наказать вас.

– Что?! – взвизгнула она. Он просто сумасшедший!

– Я собираюсь наказать вас, – спокойно повторил он.

– Но почему? Что я сделала? Мы даже незнакомы! Как я могла провиниться перед вами за столь короткое время с момента прибытия корабля?

Фаброн де Бомон сел рядом с ней и спокойно посмотрел на нее.

– Моя прекрасная супруга, – терпеливо начал он, – вы – женщина, а женщина – сосуд скудельный, который постоянно нуждается в исправлении, чтобы укрепить его. Пастор Лишо рекомендует ежедневную порку жены до тех пор, пока она не станет всецело, мгновенно и без лишних вопросов подчиняться своему мужу. Сегодня мы с ним долго говорили на эту тему, прежде чем я пришел к вам. Он полагает, что вы слишком независимы для женщины, чтобы быть для меня верной женой. Тем не менее мы поженились, и он полагает, что я должен начать программу вашего исправления с этой же ночи, чтобы превратить вас в такую женщину. Если вы предназначены для рождения моих детей, то вы должны воспитывать их так, как я пожелаю, не задавая вопросов и подчиняясь мне незамедлительно. Женщины ниже мужчин, а вы осмелились возвыситься над предназначенным вам скромным состоянием, поставить себя на одну доску с мужчинами. Вами владеет гордыня, Скай, но я собираюсь спасти вас от себя. Это я вам обещаю.

Она была в ужасе.

– Но как вы можете так скоро судить, лорд Фаброн? – умоляющим тоном произнесла она. – Если женщины более низки, то почему Господь избрал в королевы Англии женщину, королеву, правящую без помощи мужа? И почему во Франции Екатерина Медичи, королева-мать, правит, с Божьего благословения, вместо своих малышей?

– Вы задаете слишком много вопросов, Скай, – сказал он. – Уже по этому я могу судить о вас. Женщины не должны задавать вопросов, ибо пастор Лишо говорит, что они обязаны подчиняться не спрашивая. А что касается упомянутых вами королев, то кто же утверждает, что их посадил на трон Господь? Скорее, это дьявол!

– Монсеньор, прошу вас, не бейте меня!

Скай была очень напугана. Неужели ее муж – безумец? Неужели он действительно верил в те глупости, которые сообщил ей? Очевидно, пастор Лишо принадлежал к секте кальвинистов, утверждавших, что радости жизни греховны. Это просто дураки. Она знавала кое-кого из них в Англии, и они были столь же опасны, как католические фанатики. Она содрогнулась от страха.

– Мадам, я делаю это ради вашего блага. Со временем, когда вы будете вполне обучены и научитесь замечать ошибки в своем прошлом поведении, вы же будете благодарны мне за мою настойчивость.

– И... и как долго это будет продолжаться? – дрожащим голосом спросила она. «Господи, – мысленно взмолилась она, – не дай ему убить меня! Позволь мне выжить, чтобы победить его ради нас обоих и ради моих детей».

– Когда настанет день, в который вы признаете свои грехи и то, что женщина не способна заниматься торговлей, – а я подозреваю, что ваш партнер делает все за вас, несмотря на ваши уверения в обратном; когда придет такой день, когда вы заявите, что не в состоянии управлять своими обширными имениями и доверите их мне, тогда я пойму, что вы стали такой женщиной, которую я ищу и жажду. До этого дня я буду наказывать вас каждую ночь перед сном.

Он встал и отошел в сторону, где она не могла его видеть, но тут же вернулся. В его руке была березовая розга толщиной в ее палец. Он поднес ее к губам Скай и скомандовал:

– Целуйте орудие исправления, мадам. И когда я закончу, вы поцелуете его снова и поблагодарите меня за это наказание.

Скай отвернулась – тут она ему не подчинится. Независимо от того, как она будет себя вести, он все равно причинит ей боль. Но она по крайней мере не будет пресмыкаться перед ним. Это разъярило его.

– Я не думал быть с вами сегодня слишком строгим, мадам, – сказал он, – но вижу, что пастор был прав – вы чересчур непокорны. Непокорны выше всякого разума. И вы получите сейчас полную меру наказания.

Она сделала последнюю попытку:

– Монсеньор, прошу вас не делать этого. Иначе я пожалуюсь королеве! Ей не понравится ваше обращение со мной.

– Вы никому не пожалуетесь, мадам. Как муж, я имею право наказывать вас. Этого права не лишает меня даже ваша погрязшая в грехах церковь! Вы хотели узнать меня получше, и я дарю вам эту привилегию. В ближайший месяц вы не выйдете отсюда, и я буду выходить только по крайней нужде. Я собираюсь сочетаться с вами как можно чаще, дабы вы родили мне ребенка как можно скорее. Мне нужен наследник! Мы проведем весь месяц в супружеских утехах, а также в молитвах и наказаниях, долженствующих исправить ваше поведение.

Он поднял розгу и резко опустил на ее нагие ягодицы.

Скай вскрикнула от удивления. Она не ожидала, что удар последует так скоро, и не успела подготовиться. Его рука поднималась и опускалась, поднималась и опускалась, двигаясь безостановочно, он бил ее всерьез. Она вскрикивала снова и снова от боли, когда розга врезалась в ее нежную плоть. Это был кошмар. Этого не должно было случиться!

– Пожалуйста, – плакала она, – прошу вас, монсеньор! Остановитесь! Остановитесь! – Скай было стыдно просить его, но она не могла перенести чудовищную боль.

В ответ он хлестал ее еще сильнее, теперь удары обрушивались на ее ноги. Она чувствовала, как струйки крови щекоют кожу, Скай барахталась в своих шелковых узах, но вырваться не могла, а подложенные им под живот подушки лишь способствовали тому, что ее зад поднимался все выше и выше, становясь все доступнее для него. Его рука, кажется, была неутомима, похоже, он даже набирался сил от ее страданий.

– Сука! – прошипел он, нанося удар по ее извивающейся заднице. – Покайся! Покайся и признай, что ты – ничто! Что мужчина – твой господин! Признайся, что ты – лишь безмозглая плоть, служащая для удовлетворения мужчины, негодный сосуд для его семени! Самка для его сыновей! Такова Божья заповедь, и ты нарушаешь ее!

– Нет, нет! – всхлипывала она, в то время как розга наполняла ее все новой и новой болью. – Женщины не животные, они тоже мыслят!

– Ты упряма, – прошипел он снова, и его рука не останавливалась, – но я буду победителем и спасу тебя от дьявола, овладевшего твоей душой!

Она не могла более терпеть боль, и ее сознание начало потихоньку уплывать куда-то в тихую мглу. Она больше не чувствовала раскаленной розги и не слышала голоса герцога. «Адам!» – вскрикнула она мысленно и почувствовала, что он так же любит ее, как любил раньше. Она попыталась открыть глаза, чувствуя, как в ней нарастает желание увидеть его лицо, почувствовать его ласку.

Ее черные ресницы вздрогнули над бледными щеками, и она наконец сумела открыть глаза. К ее ужасу, над ней нависал герцог с его огромным, длинным членом, приоткрываясь войти в нее.

– Нет! – закричала она, пытаясь оттолкнуть его, но ее руки, хотя она уже и лежала на спине, были по-прежнему привязаны к кровати.

Казалось, он даже не заметил ее сопротивления и простонал от наслаждения, закатав ее рубашку до горла и играя с ее грудями.

– Прекрасные, прекрасные, – пробормотал он, – такие прекрасные маленькие грудки! – Он наклонился и начал сосать их по очереди, затем перекачивать соски между пальцами, слегка пощипывая их, так что она была уже готова закричать. Его рука скользнула по ее животу, поглаживая его, он бормотал что-то о детях, которых она родит ему. Затем, не обращая внимания на ее протесты, он глубоко вошел в нее и, ритмично двигаясь в ней, все продолжал повторять: – Люби меня! Ты создана для любви! Ты рождена для любви, Скай!

Она с ужасом смотрела на него. С тем же успехом она могла бы быть трупом – для него не было разницы, находится она в сознании или без него, главное, чтобы он мог ощущать, трогать ее и овладевать ею. Хуже всего, что она сама ничего не чувствовала. Она, самая чувственная из женщин, не ощущала ничего, кроме чудовищного насилия над своим разумом, духом и телом.

Наконец мужчина содрогнулся в пароксизме и откатился в сторону. Через несколько минут он захрапел, а она лежала рядом с ним, не в состоянии прийти в себя от стыда и унижения. Даже с Домом, упокой Господи его черную душу, это не было так отвратительно. При всей своей жестокости Дом на свой лад любил ее, гордился ею и ревновал ее. Этот же человек хотел лишь сломить ее, полонить ее душу, превратить ее в бессловесное существо, чье назначение в рождении и кормлении детей, до тех пор, пока она в конце концов не умрет от слишком частых родов. Она видела, как это было с другими женщинами. И это могло случиться и с ней, когда она была замужем за Домом О'Флахерти, если бы у нее не было сестры Эйбхлин, которая спасла ее.

Ее новый супруг не позаботился о том, чтобы развязать ее перед сном, и она лежала в неудобной позе и потихоньку замерзала, по мере того как ночь становилась все холоднее. Ягодицы и ляжки ныли от ран, нанесенных им. Она чувствовала, как саднят рубцы. Никогда раньше с ней так не обращались. Она с возмущением вспоминала то, что он говорил ей. Итак, он слушался своего гнусного пастора. Он считал, что женщина – всего лишь мягкая плоть. Да он будет в шоке, когда поймет, что эта женщина тверда, как скала!

Развяжет он ее, наконец, или будет держать на привязи весь месяц? Действительно ли Фаброн де Бомон сумасшедший или просто фанатик? Вел ли он себя так с другими женами? Нет, невозможно. Вряд ли Эдмон лгал ей, а он всегда был искренне привязан к дяде. Нет. Очевидно, герцог был не слишком сильной личностью и полностью подпал под влияние этого отвратительного пастора Лишо. Может быть, он слишком переживал из-за смерти предыдущих жен, чувствовал себя виноватым в этом. А может быть, он тайне хотел быть священником, как предполагал Эдмон, и не стал им только из-за долга перед родом. Гугенот увидел слабость герцога и овладел им, когда рядом не было никого из родственников. Но это не могло, не должно было продолжаться! Скай знала, что она не выдержит еще нескольких порок, подобных сегодняшней.

Боже, он просто бессердечен! Ее искренние рыдания должны были бы растопить его сердце, а вместо этого он только усиливал удары. Она содрогнулась, вспоминая причиняемую розгой боль. А после, когда она лежала без сознания, он овладел ею, не заботясь о ее чувствах, о том, разделяет ли она его наслаждение! Внезапно она вспомнила о женщинах, ставших пленницами на войне, и поняла, что, несмотря на то что герцог был ее мужем, он изнасиловал ее! Она снова содрогнулась! Это чудовищно!

– Вам холодно? – Его голос был совершенно спокоен.

– Вы не развязали меня, монсеньор.

– Извините, мадам. – Он поднялся и освободил ее от веревок. Затем привлек к себе и начал гладить ее груди сквозь ткань рубашки. – Я нахожу, что еще не получил достаточно. – Он задрал подол ее рубашки и снова оседлал ее. Скай напряглась, и он это заметил. – Вам не нравится, как я люблю вас? – спросил он.

– Нет, – ответила она, совершенно не заботясь, что он подумает об этом. Мужчины столь полны самомнения относительно этого.

– Это хорошо, – сказал он. – Женщина и не должна получать наслаждение от мужской работы. Важнее всего – удовольствие мужчины. – Он продолжал двигаться в ней до тех пор, пока не исторг семя. Тогда он снова заснул.

«Слава Богу, – подумала Скай, – что я приняла снадобье Эйбхлин. Я не стану рожать детей этому зверю! Я не уверена, что этот род должен быть продолжен. Они производят карликов, идиотов и безумцев. Уж лучше пусть герцогство достанется французам. Я напишу королеве, – поклялась она. – Нет, я напишу лорду Берли! Объясню ему, как обстоят дела: перед моей церковью этот брак недействителен, и я подозреваю, что и перед англиканской церковью – тоже. Я должна стать более послушной, чтобы герцог успокоился и я могла поговорить с Робби. Бесс потребовала от меня многого, но даже она будет шокирована моим положением. Она не разрешит мне оставаться здесь. Она не может этого позволить!»

Скай повернулась на бок, спиной к своему новому мужу, который снова захрапел, и остро почувствовала боль от рубцов. Она отомстит за каждую рану, которую он оставил на ее теле. Она поклялась в этом. Она не позволит и дальше пытаться себя, даже если придется перерезать ему глотку. А на это она была способна. Вот он лежит рядом с ней, беззащитный, убежденный в собственном превосходстве, не верящий, что женщина способна распоряжаться жизнью и смертью какого-либо мужчины. Она довольно улыбнулась в темноте. Очень скоро Фаброн де Бомон узнает, к своему ужасу, что значит быть врагом Скай О’Малли. Вряд ли это ему понравится. И так, улыбаясь, Скай заснула.

Часть II

Бомон де Жаспр

4

Фаброн де Бомон проснулся внезапно и, открыв глаза, увидел перед собой зелено-вато-голубые глаза своей жены. Совершенно нагая, она удобно уселась на его груди, прижав небольшой, но тем не менее смертельно опасный столовый нож к ямке на его горле. Его сердце учащенно забилося.

– Не двигайтесь, монсеньор, – вежливо сказала Скай, – иначе у меня соскользнет рука, и не думайте, что я не смогу убить вас. Если вы двинетесь, я это сделаю.

Он сглотнул слюну, и со злорадным удовольствием она ощутила по движению ножа, как участился его пульс.

– Зачем? – спросил он.

– Вы просили английскую королеву прислать вам жену, монсеньор, и она любезно прислала меня вам. Я предполагаю, вам известно, что дамы на моей родине независимы и горды. В наше время даже женщины Франции вполне просвещенны! Я не из тех, кого можно подчинить поркой. Я женщина, монсеньор. И женщина просвещенная, богатая и мать семейства. Если еще раз без всякого повода вы поднимете на меня руку, я убью вас, монсеньор, без колебаний. Я буду вам хорошей женой и, если благословит Господь, рожу вам детей. Однако я не обращусь в гугенотство. Я не лучшая из католичек, но предпочитаю эту веру всем остальным, и я всегда буду уважать то, во что веруют другие. – Она пристально взглянула на него: – Вы поняли меня, монсеньор? Больше никаких порок!

– А если я откажусь, упрямая сука, что тогда? – Его темные глаза горели от гнева и ненависти.

– Тогда я убью вас прямо сейчас, на этой постели, – холодно сказала она. – На моем теле отпечатки ваших ударов. Я продемонстрирую их вашему племяннику и отцу Анри.

Я заявлю, как верная дочь церкви, что ваш пастор не имел права сочетать нас браком и хотя я умоляла вас вернуть отца Анри и сочетать нас по обряду истинной веры, вы не захотели этого. – Она спокойно улыбнулась ему. – И я заявлю, что не могла жить с вами в грехе, так как привыкла быть уважаемой замужней женщиной – моя репутация, монсеньор, безупречна. Но вы пытались изнасиловать меня, а когда я стала сопротивляться, избили до полусмерти. Оказавшись во власти ваших грязных и противоестественных страстей, я, как добрая дочь церкви, не могла вытерпеть, когда вы снова пожелали овладеть мной, причем ваши извращения угрожали спасению моей души. И тогда я убила вас. – Она бесстрастно созерцала его. – Как вы думаете, будет ли церковь или ваш племянник считать меня ответственной за деяние, совершенное в момент насилия?

Скай победила и знала это. Она поняла, что герцог не дурак и не захочет скандала.

– Вы можете выбирать, монсеньор, жить или умереть. Решайтесь! – сказала она ледяным тоном.

– Откуда вы знаете, что можете доверять мне, мадам? – спросил он, не в силах отвести глаз от ее прекрасной груди. – А если я соглашусь, но, когда вы слезете с моей груди и отложите нож, я изменю соглашению? Вряд ли можно считать правомочным соглашение, достигнутое под принуждением.

– Как сказал мне ваш племянник, вы – человек чести. Я полагаю, что ваши понятия о чести распространяются не только на мужчин, но и на простых женщин.

Он кивнул, удивляясь силе ее логики.

– Хорошо, мадам, я согласен. Я не буду больше бить вас, но вы должны согласиться, что рожденные вами дети должны быть воспитаны в моей вере, а не в вашей. Я не позволю моим сыновьям оказаться под властью этой римской шлюхи.

– Согласна, – сказала она не колеблясь, зная, что, если у нее будут дети от герцога, она сможет научить их истинной любви и без пастора Лишо. Она легко соскочила с него и положила нож на подставку для свеч. Затем, сев на подушки, прикрыла грудь простыней. Это простое проявление стыдливости тронуло его.

Он сел:

– Вы удивительная женщина, мадам.

– Меня зовут Скай, – спокойно сказала она, – вы уже называли меня так однажды. Не могли бы вы называть меня по имени хотя бы в интимной обстановке?

– Но и вы только однажды называли меня по имени, Скай.

– Фаброн – это необычное имя, – ответила она.

– Но характерное для нашей страны, – сказал он. – Это родовое имя.

Наступило долгое молчание, после чего она наконец спросила:

– Все-таки почему вы так не любите женщин?

На минуту он задумался, потом ответил:

– До сих пор я об этом не думал. – Он вздохнул. – Возможно, я мучаюсь, потому что не удалось в молодости стать священником, как хотелось. Я был старшим законным сыном. Отец Эдмона – мой единственный законный брат, хотя прочих бастардов отца в Бомон де Жаспре видимо-невидимо. Один из них даже сын дворянки – у моего отца было мало предрассудков. Он был весьма любвеобильным. И очень волевым: наследовать должен был старший сын, и избавиться от этого могла только смерть.

Моя первая жена очень страдала, не в состоянии на протяжении многих лет родить мне ребенка. Бедная Мари! С каждым выкидышем или мертворожденным она все более концентрировалась на мысли родить мне живого сына. Такая прелесть! И она умерла в попытке сделать это. Я полагаю, что Господь наказал меня так за то, что я не последовал голосу совести. А вторая жена, Бланш, родила наконец этого идиота, которого называют моим сыном, а потом умерла. Да, Господь крепко наказал меня!

Когда я встретился с пастором Лишо и рассказал ему обо всем, он уверил меня, что эти утраты удовлетворили гнев Божий. Он сказал, что вы – здоровая, крепкая женщина, которая родит мне детей, если только я смогу укротить в вас злой дух, который оскорбляет Бога.

– Не могу с ним согласиться, – сказала Скай спокойно. – С женщиной лучше обращаться с любовью и лаской. Тогда, как цветок, она расцветет. Жестокость только озлобит и остервенит ее. Кроме того, если вам нужен сын, который бы мог управлять герцогством, то его мать должна быть сильной женщиной.

– А вы любили своих мужей, Скай? – спросил он с любопытством. – Они не пытались подавить вашу волю?

– Я любила троих из них, – ответила она. – Все они были разные, но каждый умел любить. Да, я любила их, и они любили меня, и никто из них не пытался сломить меня. – Ее лицо озарилось воспоминаниями, и у него перехватило дыхание от того, какой прекрасной она стала в этот момент.

Он взял ее руку, поднес к своим губам и поцеловал. Она серьезно посмотрела на него: хотя у нее не было никаких чувств к нему, но он стремился к этому, и она должна была попросить. Выбора не было. Она погладила его по щеке. Он взглянул на нее, и его взгляд был столь же серьезен, как и ее.

– Я знаю, что в Библии осуждается лицемерие мужчины и женщины в первозданном виде, но сейчас я больше всего хочу увидеть вас обнаженной. Вы можете сделать это для меня, Скай?

Откинув покрывало, она встала.

– Я уверена, – сказала она, – что это пастор Лишо вбил вам это в голову, Фаброн. Это ложь: в Библии сказано, что мы созданы по образу и подобию Божию, а если так, то как же можно не восхищаться Его созданием? Им самим? – Она медленно повернулась, чтобы он полностью насладился зрелищем ее тела.

Ее красота почти заставила его зарыдать: маленькие груди совершенной формы, изящная линия бедер и ног, узкая талия и длинная линия спины, великолепная форма рук. Все было совершенством, за исключением рубцов от розги на коже. Они поблекли, но их зрелище вызвало в нем ощущение вины.

– Вы не можете быть земной! – сказал он. – Пастор прав: женщины – изобретение дьявола! Прикройтесь, мадам!

В ответ она бросилась на кровать рядом с ним.

– Нет, Фаброн, – твердо заявила она. Скай решила бороться с невежеством и суеверием этого гугенота. Теперь она жена герцога и не позволит пастору Лишо руководить их браком или разрушить его. – В Библии сказано, что женщина сотворена Господом нашим из ребра первого мужчины, Адама.

– Откуда вы это знаете? Кто сказал вам это?

– Никто, Фаброн. Библия переведена на английский, и я прочитала это в ней сама.

– Но ваша злокозненная церковь запрещает вам знать, что написано в Библии.

– Церковь много чего запрещает, Фаброн, и я не во всем с ней согласна. – Она улыбнулась ему. – Я ведь говорила вам, что я не лучшая из католичек. Раз Библия переведена, я решила узнать, что там написано. И я узнала.

– А вы всегда делаете то, что хотите, мадам? – Его черные глаза снова были суровы, но все же в его голосе чувствовались нотки юмора.

– Я не всегда могу выбирать, Фаброн, но при возможности я делаю то, что приятно мне.

«Какой он странный», – подумала Скай. Он одержим чувством греховности, он был жесток к ней, и все же она чувствовала жалость к нему. Их глаза встретились, и вдруг он протянул руку и провел по ее бедру.

– Но ведь заниматься любовью при свете дня грех, – проговорил он тихо, но она видела, что он хочет ее.

– Это сказал пастор Лишо? – поддразнила она его, наблюдая за ним сквозь полуприкрытые ресницы.

– Мы никогда не говорили об этом, Скай. Но я никогда не читал об этом в Библии, а вы?

– Нет, монсеньор, я тоже.

Его рука продолжала ласкать ее ягодицы.

– А вы занимались раньше любовью днем? – спросил он.

– Да, – ответила она. Она видела, как возбуждает его ее тело, сам их разговор, возникающие в его сознании фантазии. С каким-то всхлипыванием он повалил ее на спину и начал ласкать ее груди, причитая в то же время:

– Такое наслаждение, должно быть, греховно! Мы не должны делать это! Не должны! – И в то же время он овладел ею еще до того, как она была готова его принять, увлажнив ее расщелину слюной и яростно двигаясь в ней, стремясь к вершине своего наслаждения.

Скай закрыла глаза и не стала мешать ему, пока он всхлипывал и возился на ней. «По крайней мере, – подумала она с облегчением, – он может действовать без жестокости. Со временем я научу его доставлять удовольствие и мне, если сумею избавить от ложных страхов. Но странно – впервые в моей жизни не мужчина управляет мной в постели, а я управляю им».

Наконец с диким воплем герцог кончил, достигнув вершины наслаждения. И хотя Скай все еще не могла простить ему жестокости прошлой ночи, она почувствовала к нему странную симпатию. В самом деле, ведь он всего лишь грустный, слабый мужчина, наполненный страхом и предрассудками. Он, однако, тянется к сильным людям, а она была сильной. До этого лишь пастор Лишо имел на него влияние. Теперь ей нужно – если только она не хотела превратить свою семейную жизнь в ад – одолеть этого мерзавца. Во всяком случае, она не может до этого привезти сюда детей.

* * *

Несколько дней Скай и Фаброн провели в ее спальне. Из разговоров Скай многое узнала о своем новом муже. Она поняла, что он никогда в жизни не любил по-настоящему и страдал от этого. Единственным существом, искренне привязанным к нему, был его племянник Эдмон. Его мать, дальняя родственница Екатерины Медичи, королевы-матери Франции, была холодной и рациональной женщиной, отдавшей обоих детей на попечение воспитателей. Отец, суровый мужчина, имевший высокие принципы и необузданное сластолюбие, никогда не проявлял любви к сыновьям, полностью занятый управлением герцогством и погоней за юбками, что получалось у него одинаково хорошо.

Единственным человеком, который тепло отнесся к Фаброну, был придворный капеллан, отец Анри, и, возможно, в стремлении подражать ему Фаброн и хотел стать священником. Конечно, его отец не желал ничего слышать об этом, и Фаброн озлобился. Отец Анри сочувствовал обеим сторонам и посредничал между ними. Фаброну он объяснял, что если бы Господь захотел, чтобы он стал священником, то он родился бы младшим сыном. Но этот аргумент становился все менее весомым с каждым выкидышем у жен Фаброна и их смертями. Но когда отец умер, у Фаброна не было выбора – его младший брат погиб от раны, полученной на турнире, и единственным законным наследником, кроме Фаброна, был его племянник-карлик. Ему пришлось жениться снова.

Пока Фаброн ждал прибытия невесты, пастор Лишо начал свою черную работу над восприимчивым сознанием герцога. Да, соглашался он с одержимым чувством греховности герцогом, все прошлое – это наказание Господне за то, что он не послушался голоса совести. Однако теперь Господь присылает ему новую жену – и это должно стать началом новой жизни. Новая жена – новая вера. Пастор излагал все это авторитетно, цитируя в изобилии Библию, которую, очевидно, неплохо знал. Стремясь обрести новую жизнь с новой женой, избегнуть прежних несчастий, герцог отошел от веры отцов и с ревностью новообращенного предался новой вере.

И вот новая жена прибыла, но она заставила его сильно усомниться в новых убеждениях. Она была всем тем, чем, как утверждал пастор Лишо, не должна быть женщина, и совершенно другой, чем те женщины, которых он знал раньше. Через три недели после свадьбы он впервые почувствовал себя влюбленным. Скай! Само это имя было возмутительным, но он привык к нему и полюбил его. Скай объяснила герцогу, что она была названа по имени одного из Гебридских островов, где родилась ее мать. Но, странно, это нравилось ему – она по крайней мере не была Мари, Жанной или Рене.

Она была прекрасна и своенравна, независима и нежна, ласкова и умна. Она была всем тем, чего он никогда не рассчитывал найти в собственной жене, за исключением, возможно, красоты. И при этом не отталкивала его от себя, как предыдущие жены – те всегда норовили найти предлог для отказа от близости, а если она все-таки происходила, то стремились, как только он заканчивал, оттолкнуть его. Скай же льнула к нему, заключала его в кольцо своих рук. Особенно ему нравилось класть голову на ее мягкие груди, наслаждаясь ее розовым ароматом. Она была чище и сластнее любой другой женщины из тех, что он знал.

Однажды ночью, когда он, опьяневший от наслаждения, лежал рядом с ней, она спросила его:

– А знаете, Фаброн, что вы ни разу не поцеловали меня?

Он удивился, так как никогда не был расположен к этому виду ласки. Но ему вдруг захотелось сделать ей приятное, отплатить ей за ту нежность, которую она подарила ему, несмотря на ужасное начало их отношений, начало, от одного воспоминания о котором он содрогался.

– А вам понравится, Скай, если я поцелую вас? – несколько растерянно спросил он.

– Да, – тихо сказала она, – это будет мне так приятно!

Поднявшись на локте, он наклонился и мягко коснулся ее губ своими губами – и тут же отдернулся, как будто прикоснулся к чему-то раскаленному. С тихим смехом Скай снова пригнула его голову и страстно впиалась в его губы. Фаброн де Бомон почувствовал, как по его жилам растеклась сладостная слабость, почувствовал, как ожила, снова пробудилась к жизни его мужественность.

– Вот так, монсеньор, – сказала она, ослабив хватку и отрывая свои губы, – вот это поцелуй. Совсе не такая неприятная вещь, а?

– Вы смеетесь надо мной, мадам? – холодно спросил он, но его глаза говорили, что это холодность мнимая.

– Немного, может быть, – согласилась она, – любовь неотделима от смеха, дорогой муж.

– Вы не уважаете меня, мадам, – сказал он, – и мне придется потребовать выкуп за это нарушение приличий! – И он снова поцеловал ее, сжимая в объятиях, и в касании его губ была неожиданная для нее сила. Впервые за время их брака она ощутила какое-то отдаленное напоминание о страсти. «Возможно, – подумала она, – мы можем надеяться на лучшее».

Он легонько прижал ее к себе, и она поняла, что он ощущает огромное наслаждение от близости ее тела, теплоты и шелковистости ее гладкой, надушенной кожи.

– Вам нравится, когда я ласкаю вас так? – неуверенно спросил он.

– Да, – прошептала она ему.

– Вам нравится, когда я ласкаю и целую ваши прекрасные груди?

– Да, мой муж, мне очень нравится, – последовал тихий ответ.

– Я хочу, чтобы это нравилось вам, – произнес он тоном, который Скай показался стыдливым. – Чтобы вам нравилось, когда я люблю вас.

– О Фаброн, – сказала Скай, довольная и тронутая тем, что начинает завоевывать его, – когда вы нежны и ласковы со мной, я тоже чувствую наслаждение. Разве мы не должны наслаждаться друг другом?

– Но пастор Лишо говорит...

Ее рука легла на его уста:

– Что может священник, служитель любой веры, знать о страсти мужчины и женщины, Фаброн? Я верю, что Бог дал человеку жену не только для поддержки и рождения детей, но и для наслаждения. Люби меня, и я полюблю тебя. Что в этом дурного?

Поцеловав ее ладонь, он снял ее руку с губ и сказал:

– У вас получается это так просто, Скай.

– Это действительно просто, Фаброн. Любите меня, и я полюблю вас.

И тогда он в самом деле подарил ей свою любовь. Он любил ее так нежно и внимательно, как никогда раньше. Впервые он старался удовлетворить ее и впервые почувствовал, что ее наслаждение возбуждает его. И когда она достигла его вершины, он вдруг понял, что раньше она всего лишь имитировала наслаждение, чтобы удовлетворить его. И только тут он понял, что любит эту прекрасную женщину, которая, несмотря на его зверства в первую ночь, стремилась сделать их брак настоящим союзом.

– Вы – моя, Скай, – прошептал он в ее ухо, и она плотнее прижала его, зная, что теперь у их брака есть шанс.

Однако вскоре их идиллия кончилась. На следующее утро они, как обычно, сидели за столиком, который Дейзи каждый день сооружала в окне спальни, наслаждаясь свежими персиками и только что извлеченным из очага хлебом, соленым сыром бри и разбавленным вином. Высокое узкое окно было распахнуто, и на каменной балюстраде бледно-красные розы овивали розовый камень. Небо было без облачка, а внизу плескалось зелено-голубое море, залитое солнцем. Маленькая черно-желтая птичка прилетела к их окну и, устроившись в розах, пропела песенку, прежде чем порхнуть к окну и принять из руки Скай хлебные крошки.

– Как это вам удастся? – спросил он, как всегда заинтригованный тем, что ей удастся зачаровывать птиц.

– Птицы знают, что меня можно не опасаться, – тихо ответила она. – Животные чувствуют, когда их любят.

– А скорее всего это ведьмовство! – проревел кто-то изнутри комнаты. Испуганная птица вспорхнула и исчезла.

– Миледи, монсеньор, я пыталась не пустить его, но он оттолкнул меня, – презрительно сказала Дейзи. Она произнесла это по-французски, но затем перешла на английский: – Берегитесь, госпожа! Старый черт целыми днями кипятится из-за того, что герцог забросил его.

– Вы злоупотребляете моей дружбой, пастор, нарушая вот так наш с герцогиней покой, – сурово сказал Фаброн де Бомон.

Пастор Лишо подошел к столу. Скай поморщилась – да моется ли этот человек вообще? Он вонял так, как если бы спал в хлеву среди козлов.

– Я пришел ради спасения вашей бессмертной души, Фаброн, сын мой! С того дня, как я соединил вас по закону Божию с этой женщиной, вы не посещали меня. Вы пренебрегаете вашими духовными обязанностями, и Господь недоволен вами! Он отомстит, и эта женщина извергнет ваше семя точно так же, как предыдущие. На колени, оба! Просите прощения у Господа, если не хотите, чтобы стало слишком поздно!

Герцог, очевидно, был испуган, Скай же была в ярости и вскочила на ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.